

М. В. ЗАХАРОВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ШТАБ
В ПРЕДВОЕННЫЕ
ГОДЫ

Захаров Матвей Васильевич Генеральный штаб в предвоенные годы

Захаров Матвей Васильевич

Генеральный штаб в предвоенные годы

{1}Так помечены ссылки на примечания.

Аннотация издательства: Эта книга написана в 1969 году, но впервые издается только сейчас, когда появится возможность использовать в печати факты, считавшиеся ранее закрытыми. Маршал Советского Союза М. В. Захаров (1898-1972) в своей историко-мемуарной книге рассказал о службе в Генеральном штабе Красной Армии, исследовал некоторые стороны деятельности этого важнейшего органа Советских Вооруженных Сил в предвоенные годы. Книга написана на широкой документальной основе и личных воспоминаниях автора. Рассчитана на массового читателя.

Содержание

От издательства

От автора

Глава 1. От штаба до Генерального штаба Красной Армии

Глава 2. Стратегическое руководство и военная научная работа

Глава 3. Накануне второй мировой войны

Глава 4. Укрепление безопасности СССР

Глава 5. Опасность фашистской агрессии нарастает

Глава 6. Накануне и в первые дни Великой Отечественной

Заключение

Об авторе и его книге

Приложения

Примечания

От издательства

Выражаем благодарность дочери Маршала Советского Союза М. В. Захарова научному сотруднику Института международного рабочего движения АН СССР кандидату экономических наук Валентине Матвеевне Захаровой за активную помощь в подготовке книги к изданию.

От автора

Деятельность Генерального штаба Красной Армии в предвоенные годы велика и многогранна. Чтобы осветить все ее стороны, потребовалась бы не одна монография, и вполне понятно, что, приступая к работе над настоящим историко-мемуарным трудом, нельзя было ставить перед собой подобную цель.

Автор хотел бы показать читателю в рамках доступного лишь некоторые стороны деятельности Генерального штаба, связанной с подготовкой Советских Вооруженных Сил к отражению надвигавшейся агрессии фашистских государств, рассказать о тех важнейших мероприятиях, которые осуществлялись при участии автора, принести дань уважения замечательным генштабистам предвоенного времени, самоотверженно отдававшим все силы и знания сложному и ответственному делу.

Как известно, Генеральный штаб РККА сложился не сразу, а в результате длительных поисков организационной структуры и сложной эволюции центральных органов военного управления, проводившихся на различных этапах строительства вооруженных сил. Поэтому правомерным будет кратко сказать и о предшественниках Генштаба, их функциях и роли в организации обороны страны.

Рассматривая решение проблем строительства вооруженных сил и стратегического планирования -

основу основ всей деятельности Генерального штаба, автор, анализируя и оценивая события, использовал не только личные воспоминания и впечатления, но и прежде всего многочисленные архивные документы, материалы, связанные с оценкой международной обстановки, учитывал важнейшие решения партии и правительства, экономические возможности нашего государства, уровень развития военно-теоретической мысли, военной техники и вооружения.

Всестороннее документальное обоснование ряда положений в данном труде необходимо и потому, что о деятельности Генерального штаба в предвоенные годы основная масса читателей имеет довольно общее представление, полученное из военных мемуаров. Военный читатель, критически осмыслив изложенное в настоящем труде, более определенно представит себе как исторические моменты советского военного строительства, так и некоторые нынешние проблемы.

Выражаю благодарность за помощь при подготовке данного труда генерал-майору авиации М. Т. Чернышеву, полковникам Н. В. Еронину и В. Г. Клевцову, а также полковнику Н. Е. Терещенко за подбор и сверку архивных документов.

Глава 1.

От штаба до Генерального штаба Красной Армии

Центральные органы военного управления в годы гражданской войны. Штаб РККА в переходный период от военного к мирному времени и в годы военной реформы. Смешанная система военного строительства и Штаб РККА. Штаб РККА стал Генеральным штабом. Генеральный штаб в период перехода к единому кадровому принципу строительства РККА. Генштаб и Военная академия Генерального штаба.

После создания первой в мире Рабоче-Крестьянской Красной Армии ее руководители в течение ряда лет неоднократно дискутировали о том, как именовать

центральный орган в системе высшей военной организации - Штаб или Генеральный штаб. Споры вокруг этого важного вопроса возникли закономерно. В случае принятия наименования "Генеральный штаб" необходимо было провести централизацию оперативных и административных функций многих руководящих учреждений армии в едином органе управления. Придавая большое значение принципу централизации в вооруженной борьбе, партия и правительство в годы гражданской войны все же не могли пойти на это в силу сложившейся обстановки. Несвоевременность постановки этого вопроса была очевидна: только что созданная пролетарская армия не имела своих высококвалифицированных кадров, всецело доверять руководство в центральном военном аппарате военспецам - выходцам из социально чуждых революции классов - было весьма опасно; создание такого большого и сложного военного механизма, как Генеральный штаб, требовало значительного времени, а история отвела крайне ограниченные сроки для организации защиты молодой Советской республики от наседавших сил внутренней и внешней контрреволюции. Да и дело-то это после Великого Октября было совершенно новым. Опыт военспецов старой армии, привлеченных на службу в Красную Армию, мало подходил для строительства новых по духу и задачам вооруженных сил. Некоторые сохранившиеся учреждения прежнего Генерального штаба были громоздки и не отвечали возникшим задачам. Поэтому, прежде чем принять окончательное решение создать тот или иной орган военного управления, надо было убедиться в целесообразности этого на определенном этапе строительства вооруженных сил.

Учитывая эти обстоятельства, руководящие деятели партии и правительства отнеслись осторожно к

предложениям некоторых военных специалистов относительно создания в то время центрального органа военного управления, именуемого Генеральным штабом. Тем не менее они придавали большое значение службе штабов: после победы Великой Октябрьской социалистической революции были сохранены некоторые органы старого военного ведомства, и в частности Главное управление Генерального штаба{1}, обслуживающее в основном демобилизующуюся царскую армию. Бывшие генералы и офицеры, причисленные к Генеральному штабу, были взяты на учет. К должностному наименованию некоторых из них, находившихся на службе в Красной Армии, делалась приписка, например: "начальник штаба 15-й армии Генерального штаба И. И. Иванов". Осенью 1918 года в РККА служили 526 бывших офицеров Генерального штаба, в том числе 160 генералов, 200 полковников и подполковников. Это была самая подготовленная часть старого офицерского корпуса.

Несмотря на то что в период гражданской войны формально не было единого органа, подобного Генеральному штабу, практически централизованное оперативное руководство вооруженной борьбой осуществлялось через Полевой штаб главкома, который имел более широкие полномочия по отношению к другим органам военного ведомства.

На завершающем этапе гражданской войны перед Реввоенсоветом Республики наряду с общими проблемами строительства вооруженных сил в мирный период встал вопрос и об организации центральных органов военного управления. Разработка предложений по этому вопросу возлагалась на Полевой штаб и специально созданную комиссию, возглавляемую бывшим генералом П. С. Балухевым.

21 января 1920 года в представленном Реввоенсовету Республики докладе "Об организации

вооруженных сил страны", подписанном главкомом С. С. Каменевым, начальником олевого штаба П. П. Лебедевым и комиссаром штаба, членом РВОР Д. И. Курским, рекомендовалось за счет Полевого штаба РВСР и Всероссийского главного штаба создать Главное управление Генерального штаба или Большой генеральный штаб - высший оперативный орган вооруженных сил, который должен был заниматься разработкой планов войны и операций, боевой деятельностью вооруженных сил, передавать распоряжения главкома действующим армии и флоту, давать другим управлениям и ведомствам задания, вытекающие из оперативных соображений, а также собирать различные сведения, необходимые для ведения войны. Одновременно предусматривалось иметь Главный штаб в качестве высшего распорядительного органа вооруженных сил по строевой и административной части, ведающего формированием, устройством и обучением войск, а также обслуживающими тыловыми частями и учреждениями армии и флота.

Доложенные Центральному Комитету партии и Советскому правительству предложения были вынесены на рассмотрение IX съезда РКП (б), состоявшегося в конце марта - начале апреля 1920 года. Однако эту важную работу пришлось вскоре отложить в связи с интервенцией белопольской армии на Украине и наступлением белогвардейских войск Врангеля. Лишь в конце 1920 года РВСР вернулся к вопросу об организации центрального военного управления.

Комиссия, возглавляемая П. С. Балухевым, предложила принять следующую схему организации высшего военного управления: сухопутные и морские силы страны объединяются в едином органе - Народном комиссариате Армии и Флота, верховная власть над

всеми вооруженными силами принадлежит Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (ВЦИК); главное руководство всеми вооруженными силами передается Совету Государственной Обороны, а непосредственное - Народному комиссару Армии и Флота. В составе Наркомата Армии и Флота рекомендовалось образовать Всероссийский генеральный штаб Армии и Флота.

Комиссия считала, что такая структура обеспечит одновременное и четкое руководство как постоянной регулярной, так и милиционной армией.

В середине декабря 1920 года на совещании же партийных, советских и военных руководителей, собравшихся для подведения итогов и принятия решений по вопросу о реорганизации центрального военного управления, после доклада начальника Полевого штаба РВСР развернулись острые споры вокруг выдвинутого предложения создать два штаба - генеральный и главный. Большинство голосов было принято решение создать единый центральный орган в системе военного управления Красной Армии - Штаб РККА. Наименование "Генеральный штаб" ему не присваивать, как несвоевременное.

Созданный в 1921 году, Штаб РККА как орган, объединявший оперативные и административные функции, просуществовал до 1935 года.

В последующем руководство Красной Армии не один раз задумывалось о том, чтобы Штаб РККА переименовать в Генеральный штаб и объединить в нем оперативные и административные функции. И лишь в 1935 году этот давно назревший вопрос был разрешен правительством положительно: Штаб РККА переименовывается в Генеральный штаб. Об этой сложной эволюции, о предшественниках Генерального штаба Советских Вооруженных Сил будет рассказано

ниже. Здесь же целесообразно сделать небольшой исторический экскурс в прошлое.

Генеральный штаб как центральный орган в системе высшего военного управления государства окончательно сложился во второй половине XIX века, то есть в период бурного роста капитализма, перерастания его в империализм. С зарождением массовых армий, появлением машинной техники и более эффективного оружия увеличился пространственный размах боевых действий, возросла необходимость более широкой экономической подготовки войны, усложнилось проведение операций, Все это потребовало централизовать управление и создать в ряде крупных капиталистических стран, в частности в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Японии, Англии, авторитетные органы командования и руководства вооруженными силами - генеральные штабы, способные увязывать и согласовывать усилия и работу всех звеньев сложной машины войны в государственном масштабе. Их основная задача в мирное время заключалась в том, чтобы подготовить вооруженные силы к войне, разработать ее планы, а во время войны - изучать обстановку, собирать и обобщать данные, необходимые для принятия решения главным командованием, проводить это решение в жизнь. Уже до первой мировой войны существовали две ярко выраженные системы военного управления - германская и французская. Первая характеризовалась исключительным влиянием генерального штаба не только на решение оперативных, организационных, мобилизационных, но и всех других вопросов, связанных с подготовкой к войне. В германский большой генеральный штаб сходились все нити, касающиеся подготовки вооруженных сил, их вооружения и обеспечения на случай войны. Генштаб был совершенно независим от военного министра, он

подчинялся непосредственно императору{2}. Военное министерство же занималось лишь административными делами и текущей жизнью армии и являлось, по существу, исполнителем директив генштаба в области накопления мобилизационных запасов и обеспечения будущей войны. Таким образом, германский генеральный штаб, наделенный, по сути дела, диктаторскими полномочиями, с момента своего возникновения являлся организатором агрессивных войн и оказывал большое влияние на всю внутреннюю и внешнюю политику Германии. Такую же роль играл и генштаб Австро-Венгрии, деятельность которого столь глубоко и всесторонне исследована Б. М. Шапошниковым в труде "Мозг армии".

В отличие от Германии и Австро-Венгрии французский генеральный штаб, хотя и пользовался широкими правами в отношении подготовки армии к войне, тем не менее был подчинен военному министру, то есть лицу, выдвигаемому парламентом и ответственному перед ним. Такое же положение занимали генеральные штабы и некоторых других стран.

В России с 1865 года центральным органом военного министерства был Главный штаб, в состав которого входило Главное управление Генерального штаба, ведавшее так называемой службой Генерального штаба во всех звеньях армейского аппарата.

После поражения в русско-японской войне 1904-1905 годов царское правительство, стремясь перестроить военное управление по германскому образцу, ввело номенклатуру начальника Генерального штаба; это должностное лицо подчинялось непосредственно царю и имело такие же права, как и военный министр. В связи с этим Главное управление Генерального штаба было выведено из состава

Главного штаба и подчинено начальнику Генерального штаба, который одновременно возглавлял и это управление.

В марте 1909 года по представлению пришедшего к руководству военным министерством В. А. Сухомлинова начальник Генерального штаба и его аппарат, а также Главный штаб стали подчиняться военному министру.

Аппарат начальника Генерального штаба должен был решать следующие задачи: разрабатывать соображения по подготовке к войне; руководить службой и научной работой офицеров, причисленных к Генеральному штабу; заниматься организацией и службой войск, перевозкой формирований и военных грузов, производством топочемочных работ; управлять железнодорожной и технической службой связи. Начальнику Генерального штаба, возглавлявшему одновременно и Главное управление Генштаба, были подчинены управление генерал-квартирмейстера и четыре отдела (по устройству и службе войск, мобилизационный, военных сообщений и военнотопографический), военная академия и военнотопографическое училище. Главный же штаб ведал личным составом армии, местными военными управлениями и генерал-губернаторствами.

Во время войны 1914-1917 годов функции Генерального штаба расширились, а численность его аппарата резко возросла. К концу первой мировой войны военное и морское министерства русской армии имели соответственно Генеральный и Морской генеральный штабы как органы оперативного руководства, а также Глазные штабы в качестве административного органа. Кроме этого существовала Ставка Верховного Главнокомандования, учрежденная в 1914 году для управления полевыми войсками. Ставку возглавлял царь и его личный представитель. При Ставке кроме царской свиты функционировал штаб

Верховного Главнокомандующего. Он состоял из пяти управлений: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, военноморского, коменданта и дипломатической канцелярии. Всего в штабе было 7 генералов, 30 штаб-офицеров, 33 обер-офицера и 16 чиновников.

Несмотря на организационное несовершенство этого военного бюрократического аппарата, Советское правительство, руководствуясь суровой необходимостью, на первых порах после победы Великой Октябрьской социалистической революции было вынуждено использовать его для обслуживания старой армии и руководства в последующем ее демобилизацией.

Из многих важнейших задач, стоявших перед только что родившимся государством нового типа, первостепенной являлась организация военной защиты завоеваний рабочих и крестьян России. В условиях демобилизации прежней армии, сопровождавшейся ломкой старого аппарата военного управления, в тяжелейшей обстановке хозяйственной разрухи и невероятной усталости народных масс от империалистической войны, в условиях контрреволюционных мятежей и военной интервенции нужен был новый аппарат военного управления, созданный на совершенно новых началах. Эта задача, как и строительство социалистической армии в целом, для молодого Советского государства была одной из самых сложных. "Вопрос о строении Красной Армии, - говорил В. И. Ленин, - был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался" {3}.

Исторические документы свидетельствуют о том, что партия большевиков и Советское правительство прошли сложный путь исканий организационных форм

центральных органов военного управления, в том числе и органов оперативного руководства, отвечающих в той или иной мере задачам Генерального штаба.

Коммунистическая партия, возглавляемая В. И. Лениным, творчески подошла к положению марксизма о необходимости слома старой армии, ее высших органов военного управления, оставшихся в наследство от Временного правительства. Это был, как уже указывалось, огромный бюрократический аппарат с офицерами и генералами, в большинстве своем враждебно настроенными к Советской власти.

В условиях состояния войны с Германией и ее союзниками в обстановке развала фронтов, стихийной демобилизации многомиллионной старой армии и злостного саботажа части ее высшего командного состава Совет Народных Комиссаров (СНК) принимал энергичные меры к тому, чтобы овладеть военным и морским ведомствами и провести их реорганизацию. Для этого во все звенья военного аппарата назначались преданные Советской власти комиссары, создавались коллегии, проводилась демократизация армии, основанная на выборности командного и начальствующего состава до полкового звена - на общих собраниях, а выше, вплоть до Верховного Главнокомандующего, - съездами или совещаниями при соответствующих комитетах.

Принцип выборности командного состава и уравнение всех военнослужащих в правах лишили реакционных генералов и офицеров власти, а следовательно, и возможности использовать ими армию в контрреволюционных целях. Вместе с тем демократизация позволила выдвинуть на командные должности немало талантливых организаторов из среды солдат, матросов и офицеров, перешедших на сторону Советской власти.

26 октября 1917 года II Всероссийский съезд Советов принял постановление образовать во всех армиях временные революционные комитеты, на которые возлагалась ответственность "за сохранение революционного порядка и твердость фронта"{4}. Главнокомандующие фронтами обязаны были подчиняться распоряжениям этих комитетов.

Съезд объявил о смещении всех комиссаров Временного правительства и замене их комиссарами Всероссийского съезда Советов.

II Всероссийский съезд Советов создал при Совете Народных Комиссаров (Совнарком), возглавляемом В. И. Лениным, первый орган высшей военной власти - Комитет по военным и морским делам, вставший во главе старых военных ведомств. В него вошли три профессиональных революционера: В. А. Антонов-Овсеенко, прапорщик Н. В. Крыленко, пользовавшийся большой популярностью среди солдатских масс на фронте, и матрос П. Е. Дыбенко - один из вожаков революционных моряков Балтики.

Учитывая огромный объем специфической военно-организаторской работы и необходимость усиления политического влияния партии в данной области деятельности, 27 октября по предложению В. И. Ленина в Комитет по военным и морским делам были дополнительно введены руководящие работники из состава Военно-революционного комитета и Военной организации при ЦК РСДРП (б), хорошо зарекомендовавшие себя на активной военной работе в партии: В. Н. Василевский, К. С. Еремеев, П. Е. Лазимир, Б. В. Легран, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский и Э. М. Склянский. Комитет после его расширения был преобразован в Совет Народных Комиссаров по военным и морским делам{5}, 23 ноября из него выделяется Народный комиссариат по военным делам во главе с Н. И. Подвойским, при котором учреждается Коллегия, а

30 января 1918 года создается Народный комиссариат по морским делам и Коллегия при нем во главе с П. Е. Дыбенко. Возглавив армию и флот, эти органы полностью взяли в свои руки военное управление и верховное командование.

9 ноября 1917 года Совнарком сместил с должности Верховного Главнокомандующего генерала Духонина, отказавшегося выполнить распоряжение Советского правительства немедленно приступить к переговорам с германским командованием о перемирии. Вместо него был назначен большевик Н. В. Крыленко. 20 ноября Петроградский сводный отряд красногвардейцев и моряков во главе с Н. В. Крыленко прибыл в Могилев, где располагалась Ставка, и арестовал Духонина. Начальником штаба Ставки Совнарком назначил генерала М. Д. Бонч-Бруевича{6} - одного из немногих талантливых и высокообразованных генералов царской армии, перешедших сразу же после революции на сторону Советской власти.

23 ноября по указанию В. И. Ленина в Могилеве создается Революционный полевой штаб (по борьбе с контрреволюцией), во главе которого встал член Военной организации при ЦК партии прапорщик М. К. Тер-Арутюнянц. Оперативной частью штаба руководил полковник И. И. Вацетис, который с первых дней революции вместе со своим полком латышских стрелков встал на сторону Советской власти. Революционному полевому штабу поручалось руководство операциями на внутренних фронтах. Военный аппарат старой армии - Ставка, а также некоторые управления и отделы военного ведомства были временно сохранены; Советское правительство не могло ликвидировать их до создания советского военного аппарата. На эти органы под контролем комиссара возлагалась задача снабжения армии и флота.

Н. В. Крыленко, опираясь на Революционный полевой штаб и Ставку, приступил к выполнению решения ЦК партии и СНК - постепенно демобилизовать старую армию и создавать из революционных частей и отрядов новую армию освобожденных рабочих и крестьян. В конце 1917 - начале 1918 года происходила ликвидация центральных и местных органов военного управления старой армии. Вместо них создавались советские органы военного управления, и только некоторые учреждения старого военного аппарата частично использовались для выполнения новых задач. Так, органы воздушного флота и морской авиации были реорганизованы во Всероссийскую коллегию по управлению воздушным флотом РСФСР. Работой временно сохраненных органов старого морского министерства стала руководить Верховная морская коллегия. В январе 1918 года были реорганизованы органы местного военного управления, а приказом Верховного Главнокомандующего Н. В. Крыленко упразднена Ставка. Из бывшего военного министерства было уволено более тысячи враждебно настроенных генералов, офицеров и чиновников. Устранялась старая командная верхушка и в военных округах: командующими их назначались знающие военное дело большевики.

15 января 1918 года Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина принял Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а 29 января - Декрет об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Для руководства формированием армии Совнарком учредил при Народном комиссариате по военным делам особый орган - Всероссийскую коллегию по организации и формированию РККА, состоявшую из представителей Наркомвоена и Главного штаба Красной гвардии{7}. Председателем коллегии был назначен Н. И. Подвойский, членами - Н. В.

Крыленко, К. А. Мехоношин, В. А. Трифонов, К. К. Юренев. Коллегия должна была направлять и согласовывать деятельность местных организаций по формированию, обучению, вооружению и снабжению новой армии, то есть решать основные вопросы комплектования добровольческой Красной Армии. С этой целью при коллегии были образованы отделы: организационно-агитационный, формирования и обучения, мобилизационный, вооружения, снабжения, транспортный, санитарный и финансовый.

Созданные отделы коллегии провели огромную работу по практическому осуществлению декретов СНК по строительству и организации новой армии. Верховным органом руководства вооруженными силами с самого начала возникновения Советского государства являлся Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Непосредственное управление войсками было сосредоточено в Народных комиссариатах по военным и морским делам. Кроме того, войсками руководили ж другие параллельно действующие органы: оперативная группа, в которую вошли военные специалисты старой армии и сотрудники упраздненного Революционного полевого штаба; до апреля 1918 года продолжали функционировать Главное управление Генерального штаба, Главный штаб и некоторые управления прежнего военного ведомства, обслуживавшие демобилизующуюся старую армию и нарождающуюся Красную Армию.

В первые дни после революции, при сломе старой военной машины демобилизации многомиллионной царской армии, когда необходимо было избежать стихийного развала фронтов, спасти большую часть вооружения и боевой техники, под руководством революционных коллегий стали стихийно создаваться первые штабы. Сыграв свою положительную роль, эти, по словам В. И. Ленина, "случайные, расплывчатые"{8}

не объединенные профессиональным военным центром органы не могли справиться с новыми задачами, возникшими после Брестского мира.

3 марта 1918 года был подписан Брестский мирный договор с Германией. Получив кратковременную передышку, Советское государство сразу же приступило к социалистической перестройке экономики страны, продолжая одновременно формировать вооруженные силы на добровольных началах. Большое внимание уделялось созданию органов военного управления сверху донизу, органов формирования, снабжения, обучения армии и флота, а также разработке единых штатов, законоположений, уставов и наставлений.

Учитывая трудности, возникшие в ходе минувших событий из-за отсутствия единого военного центра, для организации обороны страны постановлением Совета Народных Комиссаров от 4 марта 1918 года учреждается Высший военный совет в составе военного руководителя М. Д. Бонч-Бруевича и двух политических комиссаров{9}. В связи с этим должность Верховного Главнокомандующего упразднялась. Постановлением Совнаркома от 19 марта функции и права Высшего военного совета значительно расширились. Он должен был определять военному и морскому ведомствам основные задачи по обороне государства и по организации вооруженных сил, объединять деятельность армии и флота в разрешении всех общих для военного и морского ведомств вопросов, наблюдать за выполнением этими ведомствами возложенных на них задач. Расширен был и состав Высшего военного совета, а несколько позднее при нем был создан небольшой штаб с весьма ограниченными задачами.

Но эти мероприятия были полумерой. Высший военный совет лишь номинально являлся единым органом военного управления и верховного

командования. Параллельно с ним оперативное руководство войсками осуществляли Оперативный отдел Наркомвоена (Оперод), возглавляемый С. И. Араловым. Кроме того, у руководства Наркомвоена и Высшего военного совета не было единых взглядов на пути дальнейшего строительства вооруженных сил.

Обеспокоенные создавшимся положением, ЦК партии и Советское правительство были вынуждены принять срочные меры по реорганизации центрального аппарата военного управления. 8 мая 1918 года вместо Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии и ряда центральных управлений военного ведомства старой армии создается Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб), подчиненный Высшему военному совету, а после ликвидации последнего - Революционному военному совету (Реввоенсовету) Республики.

Всероссийский главный штаб являлся высшим исполнительным военным органом. В его составе были управления: командного состава, мобилизационное, организационное, оперативное, военных сообщений, Главное управление военно-учебных заведений и другие. Штаб ведал вопросами мобилизации, формирования, устройства и обучения войск, разработкой штатов, уставов, инструкций и положений для войск. Работой его руководил совет, состоявший из начальника штаба Н. Н. Стогова и двух военных комиссаров - Н. И. Бессонова и А. И. Егорова. После бегства Стогова к белым начальником Всероссийского главного штаба стал А. А. Свечин, которого вскоре сменил Н. И. Раттэль.

Таким образом, организационные вопросы советского военного строительства были сосредоточены в одном органе. В оперативном руководстве армии по-прежнему не было единства:

наличие штаба при Высшем военном совете и Оперативного отдела Наркомвоена приводило зачастую к параллелизму в управлении войсками, несогласованности в отданных распоряжениях и т. и. Это вызывало не только нарекания работников Наркомвоена, командиров и комиссаров действующих войск, но и поток писем с предложениями в ЦК партии и Совнарком.

Учитывая эти обстоятельства, а также резкое осложнение внутренней политической обстановки, рост численности создаваемой регулярной Красной Армии, Советское правительство во второй половине 1918 года провело реорганизацию органов военного управления, ликвидировало непригодные инстанции и образовало новые, а также разработало положения и инструкции, более четко определявшие их компетенцию.

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял постановление "О строительстве Красной Армии", в котором одобрил мероприятия ЦК РКП (б) и Советского правительства по созданию регулярной армии. Это повелительно диктовалось тяжелым положением страны, необходимостью отразить нападение внешней и внутренней контрреволюции, разорвать кольцо фронтов вокруг Советской республики и отстаивать ее свободу и независимость. В постановлении съезда говорилось, что период случайных формирований отрядов и кустарного строительства армии должен отойти в область истории; впредь все формирования должны производиться в полном соответствии с утвержденными штатами, согласно разверстке Всероссийского главного штаба, при строгом соблюдении классового принципа; особое внимание обращалось на установление централизованного управления Красной Армией и железной революционной дисциплины в войсках. Съезд законодательно закрепил введение в армии и на флоте

института военных комиссаров, указал на необходимость строить Красную Армию на основе военной науки, обогащенной опытом мировой войны, используя знания и опыт старых военных специалистов. Одновременно ставилась задача широкой подготовки командного состава из среды рабочих и крестьян.

Таким образом, с лета 1918 года начинается новый этап в строительстве Советских Вооруженных Сил - период создания массовой регулярной армии.

2 сентября 1918 года постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета страна объявляется военным лагерем, так как военно-политическая обстановка потребовала мобилизовать все силы Республики на нужды войны и провести максимальную централизацию управления. В связи с этим Высший военный совет и Коллегии по военным и морским делам упраздняются, а вместо них создается единый орган управления всеми вооруженными силами - Революционный военный совет Республики. Для руководства войсками действующей армии учреждается должность Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики. Главкому предоставлялась самостоятельность в решении лишь оперативно-стратегических задач в пределах директив и указаний ЦК партии и СНК при условии полной подотчетности Реввоенсовету Республики. Кроме главкома все отдаваемые войскам приказы должны быть подписаны членом РВСР.

Вместо расформированного штаба Высшего военного совета и Оперативного отдела Наркомвоена создается единый оперативный орган - Штаб Реввоенсовета Республики, который 2 октября 1918 года преобразуется в Полевой штаб.

Таким образом, в период гражданской войны Реввоенсовет Республики руководил вооруженными силами с помощью Полевого штаба, существовавшего

вплоть до 1921 года, и Всероссийского главного штаба. Первый занимался оперативной работой, то есть руководством боевыми операциями, второй устройством тыла, укомплектованием войск, их учебой и другими административными вопросами.

Полевой штаб возглавлял опытный генштабист Н. И. Раттэль; с 22 октября 1918 года - Ф. В. Костяев, а с 16 июня по 13 июля 1919 года - М. Д. Бонч-Бруевич. После него начальником Полевого штаба стал опытный оперативный работник П. П. Лебедев, который и руководил им до конца гражданской войны.

30 ноября 1918 года постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета создается Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина. Учреждением этого чрезвычайного органа, которому предоставлялась вся полнота прав по мобилизации сил и средств на оборону страны, завершилось создание аппарата государственной власти на период войны. К этому времени сложилась довольно устойчивая структура и органов высшего военного руководства Республики, что позволяло надежно руководить строительством вооруженных сил и организовывать борьбу на фронтах гражданской войны.

Структура центрального аппарата военного управления и верховного командования, принятая в 1918 году, просуществовала в своей основе вплоть до окончания гражданской войны, она постоянно подвергалась улучшению.

С осложнением обстановки, организации и задач Красной Армии некоторые звенья центрального военного аппарата в ходе гражданской войны подвергались изменениям и уточнениям. Вопрос, связанный с совершенствованием руководства Вооруженными Силами Республики, находился под постоянным контролем ЦК партии и Советского

правительства, о чем свидетельствуют решения VIII съезда РКП (б), состоявшегося в марте 1919 года. В резолюции съезда по военному вопросу в разделе "Практические меры" указывалось:

"VIII съезд РКП поручает ЦК партии принять немедленно меры:

1. Для реорганизации Полевого штаба с установлением более тесной связи с фронтами и непосредственного ими руководства;

2. Для урегулирования работы Реввоенсовета Республики;

3. Для упорядочения работы Всероссийского главного штаба в связи с дефектами в его деятельности (формирование, издание уставов и пр.) и необходимостью усиления во Всероссийском главном штабе представительства партии..."{10}

На основании решений съезда и последовавших затем мартовского, июньского и июльского Пленумов ЦК РКП (б) был укреплен центральный военный аппарат, улучшена его организационная структура, повышена оперативность в руководстве войсками. Полевой штаб РВСР был переведен из Серпухова в Москву. В соответствии с решением июльского Пленума ЦК партии на должность главкома вместо И. И. Вацетиса Совет Народных Комиссаров назначил С. С. Каменева. 19 июня Регистрационное (разведывательное) управление, а 31 июля Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО) реорганизируются и передаются из Полевого штаба РВСР в непосредственное подчинение Реввоенсовету Республики. При Полевом штабе РВСР в течение августа - октября 1919 года создаются: РВСР, Инспекция кавалерии и Управление связи Красной Армии. При Всероссийском главном штабе 3 августа учреждается Главное управление всеобщего военного обучения (Всевобуч){11}

В связи с приближением окончания гражданской войны Советское правительство, стремясь улучшить управление и приспособить его к решению новых задач, 3 августа 1919 года создало специальную комиссию для устранения параллелизма в работе Управления делами Реввоенсовета, Полевого штаба РСФСР и Всероссийского главного штаба. На основе выводов комиссии в 1920 году в системе центрального военного аппарата были проведены организационные изменения. 15 марта Мобилизационное управление Всероглавштаба передается в Полевой штаб. Реорганизуется Оперативное управление Полевого штаба РСФСР. В нем создаются отделы: 1-й - оперативно-разведывательно-учебный; 2-й - связи; 3-й - учебно-организационный; 4-й - информационно-исторический. С августа 1919 года начальником разведывательного отделения 1-го отдела был Б. М. Шапошников (с октября 1919 года - начальник Оперативного управления Полевого штаба РСФСР).

17 марта при Полевом штабе учреждается Инспекция бронетанковых частей, 11 мая вводится второй помощник начальника штаба; во Всероссийском главном штабе создаются Управление по формированию частей красных коммунаров и восточный отдел. Организационным изменениям подверглись и другие органы военного управления.

Таким образом, в тяжелейших условиях гражданской войны партия и Советское правительство создали регулярную, новую по своей классовой сущности Красную Армию, нашли достаточно стройную систему военного руководства. Центральным органом армии стал объединивший все звенья управления Революционный военный совет Республики, деятельностью которого руководил Совет рабочей и крестьянской обороны, а позднее, с марта 1920 года, - Совет труда и обороны. Эта структура военного руководства с некоторыми изменениями

просуществовала до весны 1921 года, когда была проведена коренная реорганизация центрального военного управления и создан Штаб РККА.

В связи с победоносным окончанием гражданской войны, укреплением международных позиций страны Коммунистическая партия и Советское правительство решили перевести Красную Армию и Флот на мирное положение, сократить расходы на их содержание, с тем чтобы эти средства обратить на восстановление народного хозяйства. Это касалось и разбухшего центрального аппарата, его управлений, штатная численность которых к середине 1921 года достигала 11 тыс. человек, не считая приданных им для обслуживания 9 тыс. красноармейцев и рабочих{12}. Прежде всего следовало провести поэтапно демобилизацию личного состава, определить систему дальнейшего строительства вооруженных сил и организацию военного аппарата на новых началах, реорганизовать структуру частей и соединений, перестроить обучение и воспитание войск, а также командных кадров в системе военно-учебных заведений, наметить пути технического усиления армии и флота. 29 января 1921 года Реввоенсовет Республики принял постановление о реорганизации и сокращении центрального военного аппарата, а 14 февраля отдал приказ о слиянии Полевого штаба РВСР и Всероссийского главного штаба в единый орган Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Штаб РККА помимо оперативного планирования должен был также заниматься боевой подготовкой и внутренней службой войск, вопросами организации, мобилизации и формирования войсковых частей.

Таким образом, Штаб РККА стал единым центром военного управления, объединившим в себе как оперативные, так и административные функции. Штаб сначала возглавил П. П. Лебедев. Ему подчинялись три

помощника, начальник ВОСО, начальник связи РККА и начальник бронесил. Первому помощнику были подчинены: Оперативное управление, Управление по обучению и подготовке войск, Управление по внутренней службе и отдел связи штаба; второму - Организационное и Мобилизационное управление; третьему - Управление корпуса военных топографов, Управление по комсоставу, Административно-хозяйственное управление, отдел по потерям и склад учебных пособий. Управление по Всевобучу было выделено в самостоятельное управление с подчинением РВСР. Инспекции по родам служб подчинялись непосредственно главкому.

В течение 1921 года штаты Оперативного управления пересматривались трижды. В апреле были упразднены Регистрационное управление РВСР и разведывательная часть Оперативного управления, на базе которых было развернуто Разведывательное управление штаба РККА; создан отдел Штаба РККА по управлению военными оркестрами; образовано Центральное управление начальника бронесил РККА.

Состоявшийся в марте 1921 года X съезд РКП (б) в развернутом решении по военному вопросу определил основные направления строительства армии и флота при переходе к мирному времени с учетом международной и внутренней обстановки. Съезд отметил, что основой вооруженных сил Советского государства на ближайший период должна являться регулярная Красная Армия, по возможности сокращенная. В ней должно быть сохранено основное ее ядро, которое, как говорил В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, "не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и

мобилизовать еще большую военную силу" {13}. Вместе с тем съезд признал возможным в крупных промышленных районах с пролетарским составом населения осуществить частичный переход к милиционным формированиям.

В решении этой сложной задачи - сокращении армии с 5,5 млн. человек до 562 тыс. с сохранением ее боеспособности - должен был принять участие и вновь созданный Штаб РККА.

Поиски более разумной организации Штаба РККА продолжались до 1924 года. Проводилось объединение отдельных управлений и отделов, сокращение штатов. Только за 1922 год центральный аппарат был сокращен на 60 процентов (с 12 583 до 5209 человек); вместо трех помощников начальника штаба стало два, а подчиненные им управления были переименованы в соответствующие отделы. В следующем году численность центрального аппарата была сокращена еще на 15 процентов и составила 4407 человек. Главное управление Всевобуча РСФСР, преобразованное в Центральное управление, перешло в подчинение начальника Штаба РККА.

Реввоенсовет Республики и Штаб РККА прилагали все усилия к тому, чтобы выполнить поставленные партией и правительством задачи: привести организацию вооруженных сил, их боевую подготовку и техническое оснащение в соответствие с запросами обороны Советского государства; разработать твердо установленную систему прохождения воинской службы; устранить текучесть личного состава; ввести твердые штаты войсковых частей и соединений, отвечающие условиям мирного времени и соответствующие материальным возможностям государства; разработать новые уставы и наставления с учетом боевого опыта недавно окончившейся войны.

Осуществление этих мероприятий осложнялось антипартийной деятельностью Л. Д. Троцкого, бывшего в то время Председателем РВС СССР. Навязанная им дискуссия, направленная против партии и ее Центрального Комитета, распространилась и на армию; она отвлекала командные кадры от непосредственной работы, расшатывала дисциплину и ослабляла боеспособность вооруженных сил, и это в то время, когда резко усилившаяся в 1923 году угроза войны требовала принять неотложные меры по приведению в боевую готовность армии и флота.

При сложившихся обстоятельствах необходимо было прежде всего сменить руководство военным ведомством. Не изгнав оттуда враждебные элементы, нельзя было укрепить Красную Армию. Особенно это касалось Троцкого, который всячески стремился вывести армию, ее органы управления из-под контроля партии, поставить аппарат Наркомвоенмора в особое положение, изолировать его от контроля и руководства ЦК партии. Реввоенсовет СССР, возглавляемый Троцким, и находившийся в его подчинении центральный военный аппарат не обеспечивали выполнения решений партии и правительства, направленных на укрепление и перестройку вооруженных сил в соответствии с новыми условиями.

Для Центрального Комитета партии и Советского правительства становилось совершенно ясным, что для укрепления Красной Армии и Флота нужна коренная военная реформа, способная оздоровить всю жизнь вооруженных сил, укрепить их прежде всего в организационном отношении на основе советской военной науки и опыта минувшей войны.

В связи с этим 14 января 1924 года Пленум ЦК РКП (б) принял решение создать высокоавторитетную комиссию для обследования причин текучести личного состава и состояния снабжения армии. В комиссию

вошли С. И. Гусев (председатель), М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, Н. М. Шверник, А. А. Андреев, И. С. Уншлихт, А. С. Бубнов и другие.

Комиссия, глубоко изучив положение в армии, пришла к выводу, что в настоящем своем виде Красная Армия не отвечает предъявляемым к ней требованиям. Комиссия констатировала, что текучесть кадров в Красной Армии приняла небывалые размеры. Реввоенсовет и Штаб РККА не приняли серьезных мер для борьбы с этим злом, подрывающим мощь армии. Организационные изменения центрального аппарата и войск проводились механически, зачастую без планового порядка. Подобное положение дел комиссия объясняла неудовлетворительным состоянием общего руководства вооруженными силами страны, в частности со стороны Реввоенсовета СССР: его деятельность как руководящего коллективного органа не регламентировалась никакими положениями. Исходя из этого, комиссия признала необходимым обновить личный состав руководящих органов вооруженных сил, в том числе и Штаба РККА, усилить в них коммунистическую прослойку, устранить из военного ведомства все непригодные, бесполезные элементы.

3 февраля 1924 года Пленум ЦК РКП (б) подверг серьезной и острой критике работу РВС и Штаба РККА. Выступивший с докладом о результатах обследования военного ведомства председатель военной комиссии ЦК С. И. Гусев сказал: "Во всех наших главных управлениях имеется засилье старых спецов, генералов... Реввоенсоветом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас выросли в годы гражданской войны, которые после гражданской войны обучались и которые способны были теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы... Первый выпуск Академии

Генерального штаба{14}, состоявший из тех рабочих и крестьян, которые в течение гражданской войны командовали нашими частями Красной Армии, которые по окончании войны пошли учиться, - этот выпуск в подавляющем большинстве демобилизован из Красной Армии"{15}.

Выступивший с большой речью М. В. Фрунзе отметил: "Штаб в лучшем случае не успевал проводить необходимые работы, зарывался в мелочах и должного руководства не осуществлял, что очень болезненно отражалось на армии, вызывая в низах впечатление отсутствия системы, твердости и планомерности в управлении ею. В методах работы штаба и Реввоенсовета было слишком много бюрократизма и канцелярщины, и с этим придется повести решительную борьбу. Для меня ясно, что необходимо основательное освежение руководящего состава наших центральных органов, без чего вряд ли можно надеяться на улучшение положения"{16}.

Плохую работу РВС и Штаба РККА в своих выступлениях осудили И. С. Уншлихт, К. Г. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, а также И. П. Уборевич, А. И. Егоров и М. Н. Тухачевский, приславшие письменные замечания.

Поскольку комиссия вскрыла серьезные недостатки в работе центрального аппарата военного ведомства, Пленум ЦК обязал ее продолжить работу и совместно с РВС СССР разработать и представить на утверждение ЦК предложения по улучшению состояния Красной Армии и реорганизации ее центрального аппарата.

Для осуществления намеченных мероприятий по сокращению и реорганизации центрального аппарата приказом Реввоенсовета СССР от 4 февраля 1924 года создается комиссия Пленума РВС в составе М. В. Фрунзе (председатель), К. Е. Ворошилова, С. С. Каменева, П. П.

Лебедева и И. С. Уншлихта, которой было поручено разработать план проведения военной реформы{17}.

5 февраля на первом заседании комиссии М. В. Фрунзе доложил о порядке предстоящей работы; было создано пять подкомиссий: организационная, снабженческая, политработы, отчетности и делопроизводства, по прохождению службы командного состава. В помощь комиссии предлагалось привлечь начсостав центрального аппарата, местных органов и командующих округами.

8-9 февраля состоялось расширенное заседание комиссии Пленума РВС СССР с участием членов Реввоенсовета, командующих Округами, начальников и комиссаров главных управлений, отделов Штаба РККА, а также строевых командиров, вызванных с мест. На этом заседании С. И. Гусев доложил о результатах работы комиссии, обследовавшей Красную Армию. Другие доклады были посвящены реорганизации аппарата управления и делопроизводства, структуре снабжения армии, существующей организации РККА, организации иностранных армий. В результате оживленных прений комиссия пришла к определенным выводам и дала директивные указания для работы подкомиссий, а также установила основные принципы реорганизации: максимально упростить аппарат, устранить параллелизм и бюрократизм, поднять ответственность низших инстанций, разгрузить центральные органы, приспособить организацию мирного времени к организации военного времени, точно разграничить деятельность отдельных управлений, выделить из штаба исполнительные функции и усилить органы планирования, максимально сократить штаты, поднять квалификацию аппарата, децентрализовать систему снабжения, объединить снабжение в едином органе{18}.

Предложения комиссии, утвержденные 6 марта 1924 года ЦК РКП (б), легли в основу военной реформы 1924-1925 годов.

Для проведения военной реформы ЦК партии и Советское правительство поставили перед Реввоенсоветом СССР следующие основные задачи: осуществить строительство Красной Армии на основе смешанного (территориально-кадрового) принципа; укрепить органы военного управления; расширить мобилизационные возможности за счет развертывания национальных формирований; перестроить систему подготовки командных кадров; упорядочить и укрепить систему обучения и воспитания; ввести единоначалие; укрепить партийно-политические органы и партполитработу; создать четкую систему снабжения; изменить оргштатную структуру частей и соединений.

При решении этих задач, находившихся под неослабным контролем ЦК партии и Советского правительства, имелось в виду при минимально возможной численности кадровой армии сохранить высокую мобилизационную готовность страны, боеготовность и боеспособность вооруженных сил.

Непосредственное руководство работой, связанной с проведением военной реформы, ЦК партии и Советское правительство возложили на комиссию, которую возглавил член ЦК М. В. Фрунзе, назначенный постановлением Совнаркома от 11 марта 1924 года заместителем Председателя РВС (вместо Э. М. Склянского).

На основе плана, разработанного комиссией Пленума РВС и одобренного ЦК РКП (б), 28 марта 1924 года за подписью М. В. Фрунзе был отдан приказ провести реорганизацию центрального аппарата Наркомвоенмора до 15 апреля 1924 года.

Гарантией успешного проведения военной реформы в целом явилась коренная реорганизация важнейшего

органа центрального военного аппарата - Штаба РККА. Она была решена в самый короткий срок.

Касаясь начавшейся реорганизации вооруженных сил, XIII съезд РКП (б), состоявшийся в мае 1924 года, в революции отмечал: "Съезд приветствует шаги, предпринятые Центральным Комитетом для проведения вполне назревшей реформы в военном ведомстве и усиления его парторботниками. В связи с ролью территориальных формирований в деле обороны страны съезд обращает внимание партии на необходимость самой энергичной работы по укреплению в них коммунистического влияния. Съезд поручает Центральному Комитету принять ряд мер для увеличения числа коммунистов среди красноармейцев и моряков"{19}.

Новая организация высших военных органов существенно отличалась от прежней. Во-первых, была ликвидирована должность главкома, необходимость которой в мирное время отпала. Командующие войсками и реввоенсоветы военных округов, фронтов и отдельных армий во всех отношениях стали подчиняться непосредственно Реввоенсовету СССР. Во-вторых, подверглись реорганизации учреждения, ведающие родами войск: они были подчинены начальнику снабжения РККА и занимались лишь обеспечением соответствующих родов войск техническим имуществом; оперативное и строевое руководство ими перешло к штабным органам. В-третьих, громоздкий единый Штаб РККА, ведавший общими вопросами организации обороны и вопросами подготовки населения страны, разделился на три самостоятельных органа, подчиненных РВС СССР: оперативный - Штаб РККА, административный - Управление РККА и подготовки войск - Инспекторат РККА.

Главный и важнейший орган центрального военного управления - Штаб РККА - освобождался от несвойственных ему функций по обслуживанию текущих нужд армии. На него возлагались: составление оперативных и мобилизационных планов, исходя из экономического, политического и военного положения страны, разработка организационных форм и методов боевой подготовки на основе обобщения опыта войны. Для укрепления этого важнейшего органа и поднятия его авторитета приказом РВС СССР от 1 апреля 1924 года начальником и комиссаром Штаба РККА был назначен по совместительству М. В. Фрунзе. Его помощниками стали М. Н. Тухачевский (с 18 июля - заместитель начальника Штаба) и Б. М. Шапошников, исполняющий с февраля 1921 года должность первого помощника начальника Штаба РККА.

Для работы в Штабе РККА привлекались и молодые военные специалисты, в частности В. К. Триандафиллов, С. И. Венцов и другие. Управление РККА, возглавляемое Н. Н. Петиным{20}, занималось всеми вопросами текущей жизни армии, обеспечением ее повседневных нужд и разрешением различных вопросов административного характера. Этот орган М. В. Фрунзе называл "административным штабом Красной Армии".

Инспекторат РККА во главе с С. С. Каменевым{21} руководил боевой подготовкой войск и командного состава, а также инспектированием РККА, Военно-Морского и Военно-Воздушного Флотов.

Реорганизация центрального аппарата упростила управление вооруженными силами, повысила оперативность работы всех звеньев и за счет сокращения его численности на 22 процента позволила направить высвободившиеся средства на техническое оснащение Красной Армии и Флота и улучшение материального положения начсостава.

Сущность проведенной реорганизации центрального аппарата М. В. Фрунзе наиболее четко изложил в своем первом выступлении в Военной академии РККА, начальником которой он был назначен по совместительству 19 апреля 1924 года.

"Практика показала, - говорил М. В. Фрунзе, - что штаб в своем прежнем виде, в прежней структуре, со своими задачами не справлялся и не мог справиться. Он, как говорится, "зашился" в работе, и не мог не зашиться, потому что стянул к себе чересчур много функций. Он был одновременно и органом боевой подготовки армии, и органом, обслуживавшим ее текущую повседневную жизнь, и, наконец, должен был заниматься проработкой всех вопросов, связанных с делом обороны государства.

Такое сочетание, такое соединение функций оказалось неправильным. На деле вышло так, что с обслуживанием текущих нужд Красной Армии дело обстояло недостаточно хорошо, а с проработкой общих вопросов, связанных с обороной страны, положение точно так же оказалось немногим лучше... Реформа, которая сейчас уже проведена, сводится к тому, что мы прежний Штаб РККА разбили на три штаба. Правда, название "штаб" сохранилось лишь за одним из них, но фактически мы имеем три штаба.

Первый штаб - административный, носящий название "Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии". Функции этого штаба сводятся к администрированию Красной Армией, к учету всех текущих процессов, которые в ней имеют место, и к обслуживанию непосредственных повседневных ее нужд.

Другой штаб - штаб оперативный. Хотя полной аналогии провести нельзя, но в известной степени он может быть уподобен старому русскому генеральному штабу или большому германскому штабу.

Функции этого штаба должны сводиться к разработке вопроса, связанных с общими задачами по обороне государства: мобилизационных планов и планов оперативных. Причем проработку этих вопросов мы мыслим опять-таки не в узком смысле этого слова, не исключительно только с точки зрения военно-оперативной, в применении только к Красной Армии как к силе, действующей на театре военных действий, а с гораздо более широкой точки зрения; с точки зрения учета всех возможностей - экономических, политических и стратегических, которые имеются в распоряжении Советского государства...

Наконец, третий штаб под названием "Инспекторат РККА" - штаб подготовки войск. Он включает в себя подготовку командного состава - прежнее управление военно-учебных заведений и, с другой стороны, управление по подготовке частей и инспекцию всех родов войск.

Вот та структура, которую сейчас принял наш прежний штабной аппарат. Эта структура не может считаться еще вылившейся в окончательную форму. Вероятно, практика покажет, что в некоторых частях окажется целый ряд изъянов. Но мне кажется, что основной подход совершенно правильный и что другого пути для того, чтобы должным образом урегулировать дело управления Красной Армии, у нас нет" {22}.

Уже осенью 1924 года оказалось, что Штаб РККА перегружен делопроизводством. Особенно остро эта перегрузка сказывалась на работе Организационного и Мобилизационного управлений. Поэтому представлялось совершенно необходимым в будущем провести более четкое и глубокое отделение функций директивного характера по организационно-мобилизационной части от прочих функций Организационного и Мобилизационного управлений, сосредоточив первые в Штабе РККА, а остальные - в

Управлении РККА. Кроме того, было много неувязок во взаимоотношениях между Штабом РККА и Инспекторатом, а также аппаратом снабжения.

В конце сентября 1924 года РВС по предложению М. Н. Тухачевского внес необходимые коррективы в проведенную весной реорганизацию. Организационное и Мобилизационное управления были слиты в одно Организационно-мобилизационное. Все работы, связанные со штатами, переданы из Организационного управления Управлению РККА, в котором для их проведения было сформировано Управление устройства войск. Для решения вопросов юридического и отчетно-статистического порядка создается единый отдел. Отдел инженерной подготовки был включен в состав Оперативного управления. Отделы комплектования и войсковой мобилизации переданы из Штаба РККА в Управление РККА.

В октябре 1924 года Инспекторат РККА включается в Штаб РККА, а управление по боевой подготовке расформируется. Управление РККА переименовывается в Главное управление РККА (ГУ РККА). При Реввоенсовете создается отдел военных изобретений{23}.

По поводу всех вышеприведенных коррективов М. В. Фрунзе, выступая на совещании начальников политотделов, говорил: "Как известно (весной 1924 года. - М.З.), центральный аппарат был разделен на ряд управлений: Штаб РККА, Управление РККА, Инспекторат, Управление снабжения, Воздухофлот, Морской флот, Политическое управление, Санитарное управление и Ветеринарное управление.

В основном эта организация сохранилась и теперь, с той разницей, что из состава Инспектората изъято Управление военно-учебных заведений, подчиненное непосредственно Реввоенсовету, и, во-вторых, сам Инспекторат влит в Штаб РККА с передачей некоторых

функций Главному управлению РККА. Практика показала, что самостоятельное существование Инспектората является нецелесообразным ввиду того, что, с одной стороны, создается разрыв с работой штаба, а с другой стороны, разрыв с работой Управления РККА. Для улучшения положения военно-учебных заведений необходимо было приблизить их непосредственно к Реввоенсовету. Это - важнейшие организационные поправки. Затем следует ряд поправок более мелкого свойства, как коснувшихся внутренней жизни центральных управлений. Они имели своей целью внутренние, более целесообразные перегруппировки, на основе определившегося опыта работы. Все эти перегруппировки дали нам возможность упростить работу и одновременно получить экономию"{24}.

Состоявшийся 24 ноября - 1 декабря 1924 года расширенный Пленум Реввоенсовета СССР с участием начальствующего состава округов и флотов, Штаба РККА и центральных управлений Наркомвоенмора подвел итоги проделанной работы и определил задачи дальнейшего строительства Красной Армии на основе смешанного (территориально-кадрового) принципа. В резолюции Пленума РВС отмечалось, что "реорганизация проведена своевременно и оправдала себя на опыте первых месяцев работы. Несмотря на тяжелые условия сокращенного бюджета, все мероприятия проведены с полным учетом повышения боеспособности и мобилизационной готовности Красной Армии и Флота. В настоящее время всю реорганизацию частей и управлений Красной Армии и Флота необходимо считать законченной"{25}.

На основании решения Пленума ЦК РКП (б) от 17 января 1925 года постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 января 1925 года Троцкий был снят с постов Наркомвоенмора и Председателя РВГ СССР. Наркомом

по военным и морским делам и Председателем Реввоенсовета СССР был назначен М. В. Фрунзе, а начальником Штаба РККА со 2 февраля 1925 года - С. С. Каменев. В новый состав Реввоенсовета кроме М. В. Фрунзе вошли П. И. Баранов (начальник ВВС), А. С. Бубнов (начальник Политуправления РККА), К. Е. Ворошилов (командующий Московским военным округом), А. И. Егоров (командующий вооруженными силами Украины и Крыма), С. С. Каменев (начальник Штаба РККА), член ЦК РКП (б) Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Тухачевский (командующий Западным военным округом), И. С. Уншлихт (начальник снабжения РККА) и другие.

В связи с безвременной кончиной М. В. Фрунзе Президиум ЦИК СССР 6 ноября 1925 года назначил Председателем РВС и Народным комиссаром по военным и морским делам К. Е. Ворошилова. Начальником Штаба РККА с 13 ноября 1925 года стал М. Н. Тухачевский, его заместителем - С. А. Пугачев. Главным управлением РККА с марта 1925 года руководил В. Н. Левичев.

Развернувшаяся в 1926 году кампания за экономию средств вновь потребовала сокращения численности начсостава за счет реорганизации управленческого аппарата.

Комиссия, возглавляемая заместителем Председателя РВС И. С. Уншлихтом, обследовав с 16 марта по 6 июня 1926 года центральный аппарат, указала на необходимость лишь более четкого разделения функций между Штабом РККА и ГУ РККА, унификации структуры управлений, упрощения и удешевления аппарата, повышения ответственности его начальствующего состава. Практически же шло только сокращение Штаба РККА, изъятие из его состава ряда управлений и передача их в ГУ РККА. Такое положение отрывало Штаб РККА от

квалифицированного и авторитетного влияния на всю систему военного строительства и укрепления обороноспособности страны в целом.

16 апреля 1928 года члены Реввоенсовета СССР - командующий Белорусским военным округом А. И. Егоров, инспектор кавалерии РККА С. М. Буденный и начальник снабжения РККА П. Е. Дыбенко - в совместном заявлении, направленном Народному комиссару по военным и морским делам и Председателю Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилову, обращали внимание на ряд вопросов, заслуживающих, по их мнению, немедленного рассмотрения{26}.

Авторы заявления отмечали, что между Штабом РККА и Главным управлением РККА отсутствует четкое разграничение прав и обязанностей, что приводит к несогласованности при решении ряда вопросов.

В письме вскрывались недостатки в работе и самого Реввоенсовета, члены которого, якобы увлекаясь рассмотрением отдельных мелких практических вопросов, решали с запозданием коренные вопросы военного строительства. Указывалось и на то, что деятельность, структура и состав РВС в целом не приспособлены к условиям мирного времени.

Авторы вместе с тем предлагали: установить принципиальные основы и систему управления РККА на военное время в соответствии с экономическими и политическими условиями нашей страны, с учетом боевого опыта Красной Армии; состав РВС образовать по функциональному признаку, а всю его работу очистить от мелких повседневных вопросов; добиться согласованной и слаженной работы Главного управления и Штаба РККА путем замены начальников этих органов - В. Н. Левичева и М. Н. Тухачевского.

Это письмо показало, что многие руководящие военные деятели ^предали забвению директивные указания комиссии Пленума РВС по реорганизации

военного аппарата, системы управления и отчетности, сделанные еще накануне военной реформы - 9 февраля 1924 года.

В этом документе для подкомиссий, проводящих работу по упрощению военного аппарата, были изложены основные руководящие положения. Организационной подкомиссии рекомендовалось пересмотреть взаимоотношения между различными органами с целью максимального упрощения аппарата, устранения параллелизма, бюрократизма и штурмовщины; разгрузить от многочисленных второстепенных обязанностей старших начальников и центральные органы; поднять ответственность низших инстанций, передать гол все функции, не требующие обязательной централизации; усилить работу по подготовке войск; приспособить организацию мирного времени к организации военного времени; провести точное разграничение функций отдельных органов, сохранив единство управления; сократить штаты; поднять квалификацию и тарификацию работников.

Подкомиссии по вопросам отчетности и делопроизводству рекомендовалось: заменить переписку и отчетность живым общением и контролем, для чего широко применять технические средства связи; вести решительную борьбу со штурмовщиной, препятствовать созданию всевозможных комиссий. Все письменные документы и доклады составлять лаконично, точно и ясно; переписку внутри учреждений, а также между высшими и низшими инстанциями, кроме линии командования и политической, считать недопустимой; сохранить статистику и отчетность в пределах абсолютно необходимого для текущей работы; добиться максимального сокращения табелей срочных донесений, свести их по возможности к одной строевой ведомости; правильно и своевременно информировать низшие инстанции; обеспечить

скорейшее разрешение вопросов, выдачу справок; упростить порядок аттестования, назначения и награждения.

Подкомиссии по снабжению указывалось на необходимость объединить снабженческое дело в центре в едином руководящем специальном органе. Там, где централизация не вызывается крайней необходимостью, следует максимально децентрализовать существующую систему снабжения с передачей всех функций низшим органам (до полков включительно).

Таким образом, для того чтобы ликвидировать недостатки в работе высших военных органов, необходимо было вернуться к строгому выполнению директивных указаний комиссии Пленума РВС.

Недостатки организационного порядка, мириться с которыми дальше было уже невозможно, ясно себе представлял и Штаб РККА. М. Н. Тухачевский с присущим ему тактом и спокойной деловитостью разработал и 26 апреля 1928 года представил в РВС доклад, в котором выдвигал предложения о совершенствовании организационной структуры центрального аппарата Наркомата по военным и морским делам.

В докладе указывалось, что за последние годы в процессе реорганизации были сделаны значительные отступления от тех руководящих положений, которые в 1924-1925 годы легли в основу структуры центрального аппарата Наркомата по военным и морским делам. Произошло чрезмерное переплетение функций Штаба РККА и Главного управления РККА. После создания Управления делами РВС и расширения его функций, писал Тухачевский, стало все более принижаться значение Главного управления РККА как органа административного устройства армии мирного времени и Штаба РККА.

Наличие управлений и отделов с тождественными функциями, отмечал он, весьма усложняет работу, увеличивает количество согласований; этим одновременно затушевывается ответственность органов за возложенные на них обязанности. Много параллелизма в работе, связанной с вопросами мобилизации, организации штатов, боевой подготовки войск, планирования общих вопросов бюджета и материального обеспечения подготовки к войне.

Инспекторат, подчеркивал Тухачевский, оказался оторванным от штаба, он не готовится к работе в военное время. Из-за отсутствия необходимых штатных звеньев (отделов, отделений) штабу приходится разрабатывать организацию связи, инженерную подготовку на театре военных действий силами сотрудников Оперативного управления. Допускается обезличка и неправомерная уравниловка. Важнейшие отделы, занимающиеся стратегическим и мобилизационным планированием, в правовом отношении оказались, по сути дела, на равном положении с финансовым, учетным и другими отделами. По сравнению со Штабом РККА многие управления и отделы наркомата имели завышенную группу высшего состава. Так, если на должностях в Штабе РККА по штату полагалось уметь 30 комдивов, 11 комкоров и выше, то есть всего 9 процентов к общему числу сотрудников, то в Инспекторате их было 67 процентов, в технических комитетах - 64 процента, в Политуправлении - 55 процентов и т. д. При таком положении Штаб РККА не мог производить обмен начсостава со строевыми частями, что в известной мере приводило к отрыву сотрудников штаба от жизни армии, а также препятствовало выдвижению наиболее способных командиров из войск.

М. Н. Тухачевский предлагал реорганизовать центральный аппарат наркомата следующим образом:

значительно сократить штаты, устранить параллелизм в работе отделов и управлений, укрупнить их и сделать однородными по своей структуре и функциям; резко сократить высший начсостав; ясно разделить должности на командные и технические.

Все основные документы, связанные с планированием бюджета, накоплением материальной части, развитием техники, по мнению Тухачевского, должны прорабатываться руководством Штаба РККА.

Для упорядочения работы он рекомендовал передать в ведение Штаба РККА (из Главного управления РККА, Управления начальника снабжения, Инспектората, Управлений военно-учебными заведениями и противовоздушной обороны) вопросы войсковой мобилизации, мобилизационно-плановые, разработки штатов, боевой подготовки и оборонительного строительства.

Эти предложения М. Н. Тухачевского, как и ряд других, поданных им ранее, не были приняты Реввоенсоветом СССР. В одном из основных доводов, выдвигаемых оппонентами проекта реорганизации штаба (главным образом начальником ГУ РККА В. Н. Левичевым), высказывалось опасение, что Штаб РККА станет органом, "который и планирует, и проводит, и инспектирует, следовательно, имеет все критерии в своих руках. В руках же руководства почти ничего - следовательно, соглашайся и иди на поводу у штаба" {27}. Исходя из этого, по сути дела, ложного толкования, было принято решение временно воздержаться от реорганизации центрального аппарата, а лишь уточнить взаимоотношения между отдельными его органами.

После этого М. Н. Тухачевский подал рапорт об освобождении его от должности начальника Штаба РККА. Перед правительством встал вопрос, кем его заменить. Выбор пал на Б. М. Шапошникова. По своей

подготовке, боевому опыту, практике командования войсками и, наконец, знанию штабной службы Б. М. Шапошников был наиболее подходящей кандидатурой на этот пост.

В мае 1928 года М. Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Ленинградского военного округа, а начальником Штаба РККА стал Б. М. Шапошников.

Назначение нового начальника Штаба РККА на некоторое время отодвинуло, но не ликвидировало возникшие проблемы. Без решения их трудно было эффективно руководить подготовкой войск, определять реальные пути развития и совершенствования вооруженных сил. Поэтому Б. М. Шапошников вновь предложил провести реорганизацию центральных органов Наркомата по военным и морским делам.

Для изучения выдвигаемых предложений начальника Штаба РККА Реввоенсовет СССР вынужден был в феврале 1929 года назначить комиссию во главе с С. С. Каменевым. Комиссия установила, что функции Штаба и Главного управления РККА (по мобилизационным и организационным вопросам, а также вопросам боевой подготовки) значительно переплелись и запутались, поэтому директивные указания этих планов низшим звеньям аппарата были противоречивы{28}.

Чтобы упорядочить работу Штаба и Главного управления РККА, С. С. Каменев рекомендовал все исполнительные функции возложить на ГУ РККА, а директивные - на Штаб РККА; организационную структуру оставить прежнюю; вместо Инспектората РККА создать Военно-научный центр и подчинить его непосредственно Реввоенсовету СССР.

Изучив материалы комиссии, Б. М. Шапошников, разделяя взгляды своего предшественника, выдвинул

наиболее приемлемые предложения о реорганизации центрального аппарата РККА.

Свои соображения, основанные на глубоком теоретическом и практическом анализе, Б. М. Шапошников доложил Реввоенсовету Союза ССР. Они сводились к следующему. Штаб РККА является органом, объединяющим всю подготовку к войне, а во время войны - штабом Главного Командования РККА. Следовательно, он должен быть центральной фигурой в системе военного руководства. Проекты, разработанные штабом на основе тщательного изучения положения дел в вооруженных силах, должны утверждаться или отклоняться только Реввоенсоветом, а не теми или иными управлениями Народного комиссариата по военным и морским делам; Штаб РККА должен являться основным планирующим и распорядительным органом Реввоенсовета.

Поскольку Штаб РККА будет организовывать боевую деятельность войск в случае войны, то и в мирное время он должен руководить боевой подготовкой армии.

В настоящее время штаб фактически не занимается мобилизационной работой, хотя, разрабатывая планы стратегического развертывания, только он мог оценить состояние мобилизационного дела в целом и руководить им. ГУ РККА должно считаться со штабом и при решении вопросов назначения высшего командного состава, особенно работников штабов.

При создавшемся положении необходимо было передать ряд функций из ГУ в Штаб РККА. Кроме того, "мнение начальника штаба должно по тому или иному вопросу выслушиваться обязательно, а управлениями НКВМ учитываться как одно из главных"{29}.

Вскоре после этого и других докладов В. М. Шапошникова была создана специальная комиссия для рассмотрения проекта положения о центральном

аппарате наркомата, возглавляемого А. С. Бубновым. Обсуждение проекта и дискуссия по предложениям Штаба РККА продолжались весь 1929 год. Лишь 13 января 1930 года Реввоенсовет принял специальное постановление о передаче Штабу РККА всех функций мобилизационной работы. Несколько ранее то же самое было сделано и в отношении боевой подготовки.

Так было положено начало централизации военного руководства в Штабе РККА и постепенного превращения его в подлинный Генеральный штаб.

В условиях окружения капиталистических государств, враждебно настроенных против СССР, и начавшейся в конце 20-х годов волны антисоветских провокаций Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд мер, направленных на увеличение и качественное усиление Красной Армии.

Исходя из утвержденного первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении от 15 июля 1929 года "О состоянии обороны СССР" определило основные направления развития вооруженных сил. Реввоенсовету СССР и Народному комиссариату по военным и морским делам были поставлены общие задачи: по численности войск не уступать нашим вероятным противникам на главном театре войны; в области техники наряду с модернизацией существующего вооружения в течение ближайших двух лет разработать и внедрить в армию современные типы артиллерии, и в первую очередь батальонные орудия различных мощностей, крупнокалиберные пулеметы, средства химической защиты, современные типы танков и бронемашин; скорее внедрить в серийное производство новые типы самолетов и авиамоторов{30}.

Это постановление было положено в основу дальнейшего строительства Красной Армии.

17 июля 1929 года РВС СССР на специальном заседании принял решение принять к неуклонному исполнению указания, изложенные в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), поручив Штабу РККА внести соответствующие уточнения в пятилетний план военного строительства и представить его на утверждение в Реввоенсовет.

Для успешного решения задач технического перевооружения Красной Армии по предложению Штаба РККА 18 июля 1929 года была учреждена должность начальника вооружений РККА. Первым начальником стал И. П. Уборевич виднейший военный деятель, имевший политехническое образование и большой опыт работы в войсках. В июне 1931 года его сменил М. Н. Тухачевский, ставший одним из непосредственных руководителей технической реконструкции Красной Армии в последующие годы.

13 июня 1930 года на заседании РВС СССР был рассмотрен и утвержден представленный Штабом РККА согласованный с аппаратом начальника вооружений уточненный план строительства Красной Армии.

Планом предусматривалось перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники исходя из требований современной войны, создать новые технические рода войск, повысить их удельный вес в системе вооруженных сил страны, модернизировать вооружение и боевую технику, оставшуюся в Красной Армии, организационно перестроить и моторизировать рода войск, подготовить технические кадры, всему личному составу овладеть новой техникой.

10 января 1931 года РВС СССР рассмотрел и утвердил уточненный календарный план строительства Красной Армии на 1931-1933 годы.

Таким образом, с января 1931 года техническая реконструкция Красной Армии шла в соответствии с

твердо установленным, всесторонне и научно обоснованным планом военного строительства.

Техническое перевооружение Красной Армии, ее организационная перестройка внесли существенные изменения в теорию военного искусства, потребовали создать новую систему подготовки командных и инженерно-технических кадров. Исходя из этого, ЦК ВКП(б) принял ряд важнейших постановлений, излагающих широкую программу подготовки и воспитания кадров для Красной Армии.

Оценивая деятельность партии и армейского партийно-политического аппарата в деле подготовки военных кадров, Центральный Комитет ВКП(б) в постановлении "О командном и политическом составе РККА", принятом 25 февраля 1929 года, отмечал, что с периода военной реформы 1924 года были достигнуты значительные успехи по укреплению политического и боевого совершенствования командных кадров и что в результате этого Советские Вооруженные Силы обладают подготовленным и политически устойчивым начальствующим составом, вполне обеспечивающим боеспособность армии.

Вместе с тем Центральный Комитет указал, что нельзя останавливаться на достигнутых успехах, необходимо их умножать, учитывая новые требования и изменившуюся обстановку. Советский командир, говорилось в постановлении ЦК ВКП(б), должен быть образованным военным специалистом и политическим руководителем красноармейских масс, в его подготовке должны решаться в органическом единстве две задачи: непрерывное повышение военных и военно-технических знаний и совершенствование навыков организации партийно-политической работы{31}.

5 июня 1931 года Центральный Комитет партии принял новое постановление "О командном и политическом составе РККА", в котором был обобщен

опыт проделанной работы по подготовке командных кадров и определены новые задачи. В частности, в нем содержались указания об улучшении политического воспитания, расширении объема технической подготовки и увеличении количества инженерно-технических кадров старшего звена.

Реализуя указания Центрального Комитета партии, комиссия обороны при Совете Народных Комиссаров СССР 21 мая 1932 года по докладу Наркомвоенмора приняла решение развернуть на базе факультетов Военно-технической академии ряд специальных академий РККА - Военную академию механизации и моторизации, Артиллерийскую, Военно-инженерную, Военно-химическую, Военную электротехническую академии, а также создать Военно-транспортную академию. Комиссия одобрила значительное расширение Военной академии имени М. В. Фрунзе и Военно-политической академии. В результате этих мероприятий сеть высших военно-учебных заведений увеличилась почти в два раза, а количество слушателей - с 3200 (1928 год) до 16550 в 1932 году. Для удовлетворения возрастающих потребностей в кадрах с высшим и средним военным, и особенно техническим, образованием в последующие годы на базе финансового и военно-хозяйственного факультетов Академии имени М. В. Фрунзе организуется Военно-хозяйственная академия. Увеличивается и число военных факультетов в гражданских высших учебных заведениях. Всего к концу второй пятилетки начальствующий состав с высшим образованием готовился уже в 13 академиях, военном институте и на пяти военных факультетах при гражданских вузах. За годы первой пятилетки число технических училищ увеличилось в шесть раз{32}.

Укрепление боевой мощи и техническое оснащение Красной Армии диктовались всей международной

обстановкой, характеризовавшейся нарастанием угрозы военного нападения империалистических держав на Советский Союз.

Первой попыткой прощупать боеспособность Красной Армии явилось нападение китайских милитаристов летом 1929 года на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), принадлежащую Советскому Союзу, и дальневосточные границы СССР. Несмотря на неоднократные протесты Советского правительства и призывы к разрешению спорных вопросов мирным путем, китайские милитаристы продолжали усиливать провокации и расширять конфликт. В создавшихся условиях Советское правительство вынуждено было принять решительные меры для обеспечения безопасности дальневосточных границ. Решением Революционного военного совета СССР от 6 августа 1929 года все вооруженные силы, расположенные на территории Дальнего Востока, были объединены в Особую Дальневосточную армию (ОДВА), командующим которой был назначен В. К. Блюхер.

Последующие обращения, призывающие к благоразумию, не привели к желаемым результатам, и Советское государство вынуждено было дать решительный военный отпор провокаторам, чтобы привести их в чувство и заставить уважать международные соглашения.

В период с 12 октября по 20 ноября 1929 года Особая Дальневосточная армия и подчиненная ей Амурская военная флотилия (ею командовал Я. И. Озолин) блестяще осуществили эту задачу. Успешно проведя Фугдинскую, Мишаньфусскую и Чжалайнор-Маньчжурскую операции, советские войска наголову разгромили агрессора и вынудили его начать переговоры о мире. 29 декабря 1929 года в Хабаровске было подписано Соглашение между СССР и Китаем о

восстановлении порядка на КВЖД, и советские войска ушли с территории Маньчжурии.

Разгромив основные вражеские группировки, Красная Армия показала, что она способна отстоять интересы своего государства, вести решительные боевые действия, направленные на полный разгром врага.

За отличия в боях свыше 500 советских воинов были награждены орденом Красного Знамени, а командующий ОДВА В. К. Блюхер - орденом Красной Звезды № 1, командующий войсками Забайкальской группы ОДВА С. С. Вострецов - Почетным революционным оружием. Высокой государственной награды - ордена Красного Знамени удостоены Особая Дальневосточная армия и Амурская флотилия, а также некоторые части и соединения.

Экономический кризис, начавшийся в 1929 году, привел к резкому обострению противоречий капитализма, усилению реакции, росту вооруженных сил, форсированию подготовки к войне империалистических держав, особенно Японии, Германии и Италии, стоявших на путях агрессии.

Японские милитаристы, руководствуясь меморандумом генерала Танака, стремились к коренной перекройке карты Азии в пользу Японии. В 1931 году, решив, что настало время играть ва-банк, они вторглись в Маньчжурию и оккупировали ее. Таким образом, возник очаг войны в Азии. У советской границы на Дальнем Востоке японская армия создала плацдарм для нападения на СССР.

В 1933 году Япония вышла из Лиги Наций и тем самым отказалась от выполнения послевоенных мирных договоров. Развязав себе руки, она открыто стала на путь развертывания большой войны, создания "великой империи японской нации" за счет завоевания сопредельных территорий на Азиатском континенте и

островах Тихого океана. Выполнение этих планов началось в 1937 году широким вторжением в Китай.

Обострилась обстановка и в Европе. Придя в 1933 году к власти, немецкие фашисты, выражая интересы наиболее реакционных шовинистических и реваншистских кругов, провозгласили свой внешнеполитический курс завоевание мирового господства.

Используя политические уступки США, Англии и Франции, а также их экономическую помощь, Германия и Италия в короткий срок воссоздали военный потенциал и открыто перешли к военным авантюрам. В 1935 году фашистская Италия напала на Абиссинию, а в 1936 году Германия и Италия - на республиканскую Испанию. Образовался очаг войны и в Европе.

25 ноября 1936 года фашистская Германия и милитаристская Япония подписали так называемый "Антикоминтерновский пакт", направленный против Советского Союза. Через год к этому пакту присоединилась Италия, а позже и некоторые другие государства. Возник фашистский блок агрессивных государств, развернувших широкую согласованную подготовку к развязыванию второй мировой войны.

Локальные конфликты, инспирированные агрессивными державами, являясь прелюдией к большой войне, с каждым годом принимали все более широкий размах. Все это, безусловно, строго учитывалось и анализировалось Штабом РККА и, с одобрения ЦК партии и Советского правительства, находило конкретное отражение в его планах и практических мероприятиях.

В этих условиях ЦК Коммунистической партии, исходя из нового пятилетнего плана развития народного хозяйства и перспектив индустриализации страны, одобрил разработанный Штабом РККА второй пятилетний план военного строительства.

Завершение технической реконструкции и перевооружения войск современной боевой техникой, по мнению ЦК партии, должно было обеспечить Красной Армии возможность вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести им сокрушительные удары и поражение, если они нападут на СССР.

Во втором пятилетии военного строительства большое внимание обращалось на развитие Военно-Морского Флота, Военно-воздушных сил и артиллерии. В связи с этим Совет труда и обороны 11 июня 1933 года принял постановление "О программе военно-морского строительства на 1933-1938 гг.", 22 марта 1934 года - "О системе артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку", а 25 апреля 1935 года утвердил план развития ВВС на 1935-1937 годы.

В условиях роста милитаризации и развертывания массовых армий капиталистических государств, а также обострения международной обстановки территориальная система строительства Красной Армии уже переставала удовлетворять потребности обороны страны. Необходимо было переходить к кадровой системе комплектования. Это настоятельно диктовалось и тем, что с появлением в армии большого количества новой и более сложной военной техники менялись формы и методы боевых действий, использование видов вооруженных сил и родов войск в бою. Чтобы овладеть новым оружием, требовались не кратковременные сборы, а более продолжительное и систематическое военное обучение, которое позволило бы на случай войны развернуть массовую армию и укомплектовать ее военнообязанными высокой квалификации.

Хозяйственные успехи и возросшие экономические возможности страны, проведенные социальные и культурные преобразования позволили ЦК партии и

Советскому правительству принять в мае 1935 года решение о переходе Красной Армии от смешанной (территориально-кадровой) системы к единому кадровому принципу комплектования. Суть мероприятий, разработанных Штабом и Главным управлением РККА и представленных РВС СССР на утверждение правительству, заключалась в значительном увеличении за 1935-1938 годы количества кадровых дивизий, в создании смешанных дивизий (состоящих из одного территориального и двух кадровых полков), а также в усилении кадров сохранившихся территориальных соединений.

Перевод к кадровой системе строительства Красной Армии вызвал организационные изменения в органах высшего и местного военного управления. 20 июня 1934 года постановлением ЦИК СССР был упразднен Реввоенсовет СССР, а Народный комиссариат по военным и морским делам переименован в Народный комиссариат обороны СССР (НКО), на который возлагалось руководство всеми видами вооруженных сил и их строительством. В качестве совещательного органа при Народном комиссаре обороны 22 ноября 1934 года был образован Военный совет, решения которого утверждались Наркомом обороны и проводились в жизнь его приказами и распоряжениями.

К концу сентября 1935 года, то есть ко дню переименования Штаба РККА в Генеральный штаб, Наркомат обороны организационно состоял из следующих управлений, непосредственно подчиненных наркому: Административно-мобилизационного управления РККА (комдив А. М. Вольпе); Разведывательного управления (комкор С. П. Урицкий); Управления Морских Сил РККА (флагман флота 1 ранга В. М. Орлов); Управления Воздушных Сил РККА (командарм 2 ранга Я. И. Алкснис); Автобронетанкового управления (командарм 2 ранга И. А. Халепский);

Управления ПВО (командарм 1 ранга С. С. Каменев);
Управления военно-учебных заведений (комдив Е. С. Казанский), а также Инженерного, Обозно-вещевого, Санитарного, Ветеринарного управлений, Управления продовольственного снабжения, Управления по начальствующему составу (кадров. - М. В.), Управления делами НКО, возглавляемого комдивом И. В. Смородиновым, и финансового отдела во главе с корпусным комиссаром А. В. Хрулевым. Непосредственно наркомуподчинялись и инспекции.

Управления артиллерийское, химическое, связи и телемеханики были переданы в непосредственное подчинение начальника вооружений РККА заместителя НКО Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. Это был, по сути дела, технический штаб, тесно взаимодействовавший со Штабом РККА, а в последующем с Генеральным штабом. Созданный в начале технического перевооружения, он сыграл большую роль в деле реализации двух первых пятилетних планов строительства РККА. В 1936 году должность начальника вооружений была упразднена, а на М. Н. Тухачевского были возложены обязанности по руководству боевой подготовкой Красной Армии.

Упразднение аппарата начальника вооружений было связано прежде всего с тем, что техническое перевооружение, намеченное планом второй пятилетки военного строительства, успешно завершалось и необходимость в жесткой централизации решения вопросов, связанных с оснащением стрелково-артиллерийским и химическим вооружением, техническими средствами связи и телемеханики, отпадала{33}. Вопросы же снабжения армии и флота автобронетанковым, авиационным и морским вооружением решались непосредственно соответствующими начальниками.

Функции аппарата начальника вооружений были переданы во вновь созданное Главное управление вооружения и технического снабжения, имевшее три отдела (мобилизационно-плановый, стандартизации, изобретений) и техническую инспекцию. Хотя оно подчинялось НКО, но свою деятельность осуществляло в соответствии с директивными указаниями Генерального штаба.

Главное управление вооружения и технического снабжения (согласно положению) осуществляло наблюдение за реализацией планов вооружения РККА, утвержденных правительством и НКО, занималось разработкой и объединением планов научно-исследовательских, конструкторских и изобретательских работ в области вооружения и технического снабжения, вело учет мобилизационной обеспеченности РККА предметами вооружения и технического снабжения, инспектировало состояние, эксплуатацию и хранение вооружения.

В соответствии с директивными указаниями начальника Генерального штаба отделы управления объединяли и суммировали текущие заказы Наркомата обороны для промышленности, заявки на балансовую продукцию и фонды, составляли развернутые мобилизационные заявки промышленности и осуществляли контроль за их выполнением, утверждали разработанные подведомственными управлениями таблицы, планы комплексного снабжения вооружением и техническим имуществом, а также планы распределения фондов, занимались вопросами строительства складов и баз, накоплением мобилизационных запасов вооружения и технического имущества.

По всем этим вопросам Главному управлению вооружения и технического снабжения были подотчетны Артиллерийское, Автобронетанковое,

Инженерное, Химическое и Техническое управления, а также Управления связи и снабжения горючим. В 1940 году Главное управление вооружения и технического снабжения было расформировано, а его функции переданы в соответствующие управления и отдел планирования боевой техники и вооружения Генерального штаба, существовавший с 1938 года. Произошли организационные изменения и в Штабе РККА.

В целях повышения роли центрального органа Наркомата обороны в разработке и решении основных проблем организации военной защиты страны постановлением СНК СССР от 22 сентября 1935 года Штаб РККА переименовывается в Генеральный штаб. Таким образом, предложение, выдвигавшееся еще в 1919-1920 годах, а также в период проведения реформы 1924-1925 годов, было реализовано в данном решении.

Генеральный штаб должен решать следующие основные задачи: разрабатывать планы оперативно-стратегического использования всех видов вооруженных сил, их всестороннего обеспечения, развития и мобилизационного развертывания; составлять заказы для промышленности по созданию мобилизационных запасов; разрабатывать практические мероприятия, связанные с подготовкой театров военных действий и обучением контингентов войск; руководить военно-научной работой. Кроме этого он должен был осуществлять и другие мероприятия, касающиеся повышения обороноспособности страны в целом и боеготовности вооруженных сил.

Начальником Генштаба по преемственности был назначен А. И. Егоров, его первым заместителем - В. Н. Левичев, заместителями - С. А. Меженинов и А. И. Седякин.

Организационно Генеральный штаб в то время состоял из следующих отделов: оперативного (начальник С. А. Меженинов); боевой подготовки (начальник А. И. Седякин); военных сообщений (начальник Э. Ф. Аппога); организационного (начальник М. И. Алафузо); материального планирования (начальник Н. Н. Мовчин); автотранспортной службы (начальник А. А. Славин); военно-топографического (начальник И. Ф. Максимов); научного военно-исторического (начальник Ф. А. Акулов, с декабря 1935 года - К. И. Соколов-Страхов).

В 1936 году отдел боевой подготовки был выделен из Генерального штаба и развернут в Управление боевой подготовки, а в Генеральном штабе создан отдел кадров по службе Генерального штаба.

В мае 1937 года Б. М. Шапошников был вновь назначен начальником Генерального штаба. Заместителем стал К. А. Мерецков, которого в ноябре 1938 года сменил И. В. Смородинов. Помощником Б. М. Шапошникова по организационно-мобилизационным и материально-техническим вопросам с мая 1938 года был автор этих строк. Работать под руководством Шапошникова, виднейшего военачальника и крупнейшего военного теоретика, которого я считаю своим первым учителем и наставником в решении вопросов государственного масштаба, что очень пригодилось в моей последующей работе, было большим счастьем. Постоянную помощь мне оказывали Ы. И. Четвериков, П. А. Ермолин, П. В. Уткин, П. Н. Голубев и другие. Это были прекраснейшие генштабисты, хорошо знавшие свое дело.

В 1938-1939 годах в Генеральном штабе создаются новые отделы: мобилизационный, оборонительного строительства, разведывательный, планирования боевой техники и вооружения и другие, а также группа контроля за исполнением решения Военного совета

РККА. В его крупные отделы и управления назначаются военные комиссары. В тот период военными комиссарами Генштаба последовательно были А. И. Запорожец, И. В. Рогов, Н. И. Гусев и С. К. Кожевников. Они вели большую работу по мобилизации личного состава на выполнение решений ЦК партии, правительства и руководства НКО.

Объем задач, решаемых Генеральным штабом, с каждым годом увеличивался, сфера деятельности его отделов значительно расширилась. Это требовало повысить правовое положение и авторитет Генерального штаба в целом и, в частности, поднять служебные категории его работников. С этой целью в октябре - ноябре 1939 года основные отделы Генерального штаба были реорганизованы в управления. Однако его функции были, по сути, сужены в связи с изъятием и передачей ряда управлений в воссозданное ГУ РККА. Но это продолжалось недолго.

В 1940 году Главное управление РККА было расформировано, и решение всех вопросов боевой подготовки войск, строительства вооруженных сил, мобилизационного и оперативного планирования возлагалось на Генеральный штаб.

Поиски лучшей организации Народного комиссариата обороны продолжались и в последующем. Учитывая обострившуюся международную обстановку, опыт начавшейся второй мировой войны, а также войну с Финляндией, в 1940 году была пересмотрена организационная структура Наркомата обороны. Некоторые его ведущие управления были реорганизованы в главные управления, созданы новые, органически необходимые управления, улучшена и приспособлена к военному времени и структура Генерального штаба. В этой организации, что весьма положительно, Генштаб и начал Великую Отечественную войну, имея в своем составе 8

управлений (оперативное, разведывательное, организационное, военных сообщений, мобилизационное, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск и военно-топографическое) и 3 отдела (укрепленных районов, военно-исторический, кадров).

Изменился и руководящий состав. Начальником Генерального штаба вместо Б. М. Шапошникова, назначенного заместителем наркома, с августа 1940 года стал генерал армии К. А. Мерецков; его заместителем вместо И. В. Смородинова - генерал Н. Ф. Ватутин, который возглавил одновременно и Оперативное управление.

Меня назначили начальником штаба Одесского военного округа. Обязанности, которые я выполнял в Генеральном штабе, были разделены: руководство материально-техническими вопросами возлагалось на помощника начальника Генштаба по тылу генерала В. Д. Иванова, а организационно-мобилизационными - на второго заместителя начальника штаба генерала В. Д. Соколовского, должность которого была учреждена в феврале 1941 года.

В 1940 году на вновь учрежденную должность помощника начальника Генштаба по авиации назначается дважды Герой Советского Союза Я. В. Смушкевич.

По долгу службы мне пришлось встречаться и работать с замечательными и опытными операторами - А. М. Василевским, В. Д. Ивановым, А. Ф. Анисовым, возглавлявшими в разное время Оперативное управление - ведущее в Генеральном штабе.

В обстановке надвигавшейся второй мировой войны перед Коммунистической партией, правительством и НКО встал ряд неотложных задач по увеличению численности вооруженных сил и повышению их боеготовности. Уже отмечалось, что в 1935 году в связи

с частичным переводом Красной Армии на кадровое положение начался количественный рост соединений и частей, строились военные городки. Успешно продолжалось перевооружение армии и флота. Организационно оформлялись новые рода войск. Повысились требования к боевой и оперативной подготовке войск и штабов, к подготовке командных кадров, и особенно высококвалифицированного высшего командного и начальствующего состава. Все настоятельнее стала ощущаться потребность в дальнейшей теоретической разработке и более глубоком исследовании важнейших проблем строительства и подготовки вооруженных сил, в развитии новой теории военного искусства глубокой операции и глубокого боя.

Военная академия имени М. В. Фрунзе готовила общевойсковых командиров тактического профиля, другие академии выпускали специалистов для различных родов войск. Лишь оперативный факультет, созданный в 1931 году при Военной академии имени М. В. Фрунзе, готовил в ограниченном количестве командные кадры с широким оперативным кругозором, знающие основы операций, вождение крупных соединений и объединений всех родов войск и видов вооруженных сил. Однако в новых условиях он не обеспечивал потребности армии в высококвалифицированных руководящих командных кадрах, не мог развернуть должную разработку стоявших перед вооруженными силами военно-теоретических проблем.

В связи с этим в начале 1936 года ЦК ВКИ(б) и СНК СССР по представлению Генерального штаба приняли решение создать Академию Генерального штаба. Согласно этому постановлению Народный комиссар обороны 11 апреля 1936 года издал приказ об образовании Академии Генерального штаба РККА с

задачей "совершенствовать подготовку высококвалифицированных командиров для несения службы Генерального штаба в крупных общевойсковых штабах и органах высшего командования". На академию, которая была подчинена непосредственно начальнику Генерального штаба, возлагалась и другая, не менее важная задача - стать центром военно-теоретической работы в вооруженных силах, и, в частности, всесторонне разработать коренные вопросы теории современного военного искусства.

Первым начальником Академии Генерального штаба был назначен один из талантливейших командиров Красной Армии - обладавший широким политическим кругозором, глубокими знаниями военного искусства, высокой общей культурой и незаурядными организаторскими способностями в деле подготовки крупных штабов комдив Д. А. Кучинский (занимавший до этого должность начальника штаба Киевского военного округа).

Всемерную помощь в подборе профессорско-преподавательского состава, в наборе слушателей и размещении академии оказывал Генеральный штаб. Из Академии имени М. В. Фрунзе и других были переведены лучшие начальники кафедр, профессора и преподаватели, широко известные в армии своими военно-теоретическими трудами, способные не только готовить руководящие кадры высшего звена, но и разрабатывать вопросы теории военного искусства. Среди них П. И. Вакулич, А. И. Верховский, А. И. Готовцев, Я. М. Жигур, Г. С. Иссерсон, Д. М. Карбышев, А. М. Кирпичников, Н. А. Левицкий, В. А. Медиков, В. К. Мордвинов, А. А. Свечин, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский и другие, начавшие занятия с первым набором слушателей.

Мне посчастливилось быть в числе первых 134 слушателей, отобранных для учебы в Академии

Генерального штаба. Значительная часть их были участниками первой мировой или гражданской войн, окончили в прошлом одну из военных академий, имели отличные аттестации, большой стаж службы в армии и опыт работы на должностях от начальника штаба или командира соединения до ответственного работника центрального военного аппарата.

Учитывая, что слушатели уже имели высшее военное образование, учебный процесс был несколько необычнее, чем в других академиях. Из пяти учебных дней (при шестидневной рабочей неделе) три дня на первом курсе и два дня на втором отводились на лекции и практические занятия, а остальное время соответственно - на самостоятельную работу. Этим самым преподаватели стремились привить слушателям твердые навыки работы с первоисточниками, умение обобщать и анализировать факты и явления, творчески подходить к решению проблем военного искусства. Некоторых слушателей, обладавших методическими навыками в подготовке крупных штабов, привлекали для организации и проведения занятий, военных игр, а также для обсуждения ряда методических и научных вопросов. Широко практиковались выезды в войска и на флоты, а также на маневры, опытные и командно-штабные учения, проводимые по плану Генерального штаба. Зачастую слушатели вместе с преподавателем выступали в роли посредников или определенных должностных лиц. Практика в сочетании с теоретической подготовкой расширяла кругозор слушателей, держа их и преподавателей в курсе жизни армии, что в свою очередь позволяло обогащать теорию военного искусства.

Генеральный штаб постоянно контролировал работу академии, оказывал всяческую помощь, периодически организовывал для слушателей и профессорско-преподавательского состава доклады и лекции

руководящего состава НКО, Генерального штаба и округов по актуальным вопросам военного искусства и строительства Красной Армии. В частности, в академии выступали заместитель Наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский, начальник Генерального штаба маршал А. И. Егоров, начальник ВВС командарм 1 ранга Я. И. Алкснис, маршал С. М. Буденный. Слушатели участвовали в показательных играх, проведенных командующим Белорусским военным округом командармом 1 ранга И. П. Уборевичем на тему "Прорыв подготовленной обороны противника" и командующим Украинским военным округом командармом 1 ранга И. Э. Якиром на тему "Ввод в сражение механизированного корпуса". Эти учения, проведенные опытнейшими военачальниками, явились большой школой оперативного искусства и были достойны подражания в методическом отношении.

Однако многим, в том числе и мне, не удалось завершить обучение. Летом 1937 года 30 слушателей были назначены на высокие командные и штабные должности, в частности: полковник А. М. Василевский - в Генеральный штаб, полковник А. И. Антонов - начальником штаба МВО, полковник Н. Ф. Ватутин заместителем начальника (а вскоре и начальником) штаба Киевского военного округа, полковник Л. М. Сандалов - начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа.

15 июля 1937 года меня срочно вызвали к Наркому обороны К. Е. Ворошилову. Я был очень взволнован необычным порядком вызова непосредственно к высокому должностному лицу и должен был обрести, как говорят, второе дыхание, прежде чем явиться на прием. А времени для этого не было. Раз к наркому, - значит, немедленное исполнение!

И вот я в кабинете К. Е. Ворошилова. Его доброжелательная встреча и спокойная беседа вскоре

рассеяли все мои тревожные мысли. Мне было предложено принять штаб Ленинградского военного округа.

Внимательно выслушав напутственные слова наркома и поблагодарив его за оказанное мне доверие, я отправился в академию в Хользунов переулок. Нужно было доложить командованию о решении наркома и начать сборы к выезду в Ленинград, где я вырос и начал свою военную службу в Красной гвардии, где штурмовал Зимний в октябрьские дни 1917 года.

Через несколько дней я был принят командующим войсками Ленинградского военного округа П. Е. Дыбенко. Он встретил меня как старого знакомого, со свойственной этому легендарному человеку душевной теплотой. В тот же день вечером мы вместе с членом Военного совета М. П. Магером были на приеме у А. А. Жданова - секретаря ЦК и Ленинградского обкома партии, являвшегося по положению одновременно и членом Военного совета округа. В его кабинете состоялся интересный обмен мнениями по ряду важных вопросов боевой подготовки и воспитания воинов округа.

Но работать в Ленинграде пришлось недолго. В конце мая 1938 года я был назначен на должность помощника начальника Генерального штаба. Мне пришлось расстаться с городом моей юности, проститься с моими добрыми наставниками П. Е. Дыбенко и М. П. Магером, у которых за короткое время успел научиться многому.

14 августа 1938 года я присутствовал на церемонии первого выпуска слушателей Академии Генерального штаба. Их до окончания полного курса осталось примерно третья часть. Однако в приказе наркома указывалось, что и тех, кто был досрочно направлен в войска или назначен преподавателями академий, считать окончившими академию. Правда, юридически

это было оформлено несколько позднее, в декабре 1938 года, а для некоторых даже в июне 1940 года. В приказе НКО (декабрь 1938 года; некоторым преподавателям, в частности Г. С. Иссерсону, Д. М. Карбышеву, Н. А. Левицкому, В. А. Меликову, также присваивались права окончивших академию.

Многие слушатели первого набора Академии Генерального штаба были выдвинуты на высокие посты и во время Великой Отечественной войны проявили свой незаурядный талант и организаторские способности. А. М. Василевский и А. И. Антонов были начальниками Генерального штаба; И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров и П. А. Курочкин командовали фронтами; А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов и другие были начальниками штабов фронтов; А. И. Гастилович, К. Д. Голубев, М. И. Казаков, А. Н. Крутиков, А. В. Петрушевский, А. В. Сухомлин и С. Г. Трофименко командовали армиями; Н. Е. Басистый был начальником штаба флота, а свыше 20 человек - начальниками штабов общевойсковых, танковых и воздушных армий, многие - начальниками штабов крупных соединений, а некоторые - начальниками управлений в Генеральном штабе и НКО, Академия Генерального штаба и ныне продолжает успешно готовить достойную смену командного и начальствующего состава для Советских Вооруженных Сил.

Глава 2.

Стратегическое руководство и военно-научная работа

Создание и совершенствование военно-научных органов. Развитие советской военной науки. Маневры, учения и игры, их роль в развитии военной теории.

В решении теоретических и практических задач, стоявших перед Красной Армией с первых дней победы

Великой Октябрьской социалистической революции, немалую роль играло знание военной истории. К ней советские военные специалисты обращались для того, чтобы использовать все полезное в практике строительства новых по духу, целям и задачам вооруженных сил, чтобы более успешно вести борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией.

Коммунистическая партия всегда обращала внимание командиров и политработников Красной Армии на необходимость изучения военной истории, одной из составных частей военной науки. Строительство Советских Вооруженных Сил, по определению В. И. Ленина, нельзя было осуществить без военной науки. Основная задача молодой Советской республики должна была, образно говоря, взять из голов военспецов старой армии и поставить на службу пролетариату. Однако этих заимствованных, не всегда исчерпывающих знаний было явно недостаточно для решения возникающих проблем ведения гражданской войны, строительства новой, рабоче-крестьянской армии. Необходимо было эти знания постоянно дополнять, расширять, учитывая опыт последних войн, роевых столкновений. Эти важнейшие задачи должна была решать военная история, военная наука в целом.

При этом военные историки, подчеркивал В. И. Ленин, должны были изучать опыт войн "не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению..."{34}.

Коммунистическая партия, учитывая суровые годы гражданской войны, создавала необходимые условия для решения указанных задач, для проведения военно-теоретических и исторических исследований, которые базировались бы на диалектическом и историческом

материализме, его основных законах и категориях, что имело и продолжает иметь решающее значение.

Партия и правительство постоянно заботились о развитии военно-исторической науки. По их указанию создавались соответствующие органы и учреждения, подбирались и готовились кадры военных историков, принимались меры к созданию материальной и документальной базы, необходимой для целеустремленной творческой работы.

Военно-исторические органы, создаваемые постепенно в процессе строительства военного аппарата Красной Армии и Флота, призваны были решать насущные задачи теоретического обобщения опыта минувших войн, раскрывать закономерности развития военного искусства, обогащать командные кадры знаниями, необходимыми в практике обучения и воспитания войск.

Первым военно-историческим органом Красной Армии была так называемая военно-историческая часть, образованная 8 мая 1918 года в составе Оперативного управления Всероссийского главного штаба. Однако штаб, занятый большой организационной работой, был не в состоянии успешно изучать опыт еще продолжавшейся гражданской войны. Поэтому 13 ноября 1918 года вместо расформированной военно-исторической части был создан военно-исторический отдел. Но и этот отдел (в нем было 29 человек), как и весь Всероссийский главный штаб, был занят текущими делами и также не смог сыграть отводимой ему роли.

Военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич еще 4 августа 1918 года в докладной записке Высшему военному совету писал, что без разработки научных трудов по истории мировой войны невозможно использовать ее опыт, знакомить молодых командиров Красной Армии с современным состоянием военного искусства. Исходя из этого, он предложил

образовать военно-историческую комиссию и поручить ей создать краткий стратегический обзор мировой войны{35}.

На основании этих предложений 13 августа 1918 года Наркомвоен с ведома Советского правительства и В. И. Ленина учредил военно-историческую комиссию из 94 человек. Организационно она состояла из председателя комиссии, редакционной коллегии, ученой части (оперативная, политическая, военно-морская секции и секция по подготовке к войне и военному искусству), насчитывавшей 40 человек, а также технико-административной части (административно-издательское, два архивных и хозяйственное отделения).

Первоначально комиссия функционировала при военно-исторической части и военно-историческом отделе Всероссийского главного штаба, с 15 апреля 1921 года находилась при Реввоенсовете Республики, а 30 апреля того же года вошла в состав вновь образованного Штаба РККА и подчинялась непосредственно первому помощнику начальника штаба.

Военно-историческая комиссия являлась основным, ведущим центральным научным учреждением, занимавшимся изучением военной истории. Ее председателем в 1918-1923 годах был А. А. Свечин, а в 1923-1924 годах - В. А. Антонов-Овсеенко.

Большой вклад в исследование военно-исторических проблем внесли Академия Генерального штаба и созданное при ней в конце 1920 года Военно-научное общество (ВНО). Широко развернулась военно-историческая работа и в войсках, где информационно-исторические отделения фронтов (округов) и отдельных армий собирали и систематизировали документальные материалы, составляли описание боев и операций, создавали истории соединений и частей.

Упорядочивалась работа военных архивов, документы которых служили исходным материалом для проведения научных исследований.

В годы гражданской войны, да и после нее, не хватало историков, овладевших марксистской теорией, а для их подготовки требовалось время. Поэтому и к военно-исторической работе пришлось привлекать специалистов старой русской армии, имевших большой практический опыт и необходимые специальные знания. Так, в военно-исторической комиссии работали перешедшие на сторону Советской власти бывшие генералы М. Д. Бонч-Бруевич, А. М. Зайончковский, Е. И. Мартынов, А. А. Незнамов, Д. П. Парский, А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, Н. А. Сулейман и другие. Некоторое время ее членом был А. А. Брусилов.

Наряду с этим уделялось внимание подготовке новых кадров военных историков из числа выпускников военных академий. Молодое поколение историков группировалось главным образом вокруг ВНО.

Большое влияние на процесс становления вновь создаваемой советской военной исторической науки, на ее обогащение оказывали марксистско-ленинское учение о войне и армии, марксистский диалектический метод анализа событий.

Среди военно-исторических работ того времени выделяется трехтомный труд А. А. Свечина "История военного искусства", вышедший в свет в 1922 году. Ценность его состояла в том, что автор выступал против утилитарного подхода к изучению истории военного искусства. По мнению Свечина, эта область науки, являясь неотъемлемой составной частью высшего военного образования, призвана расширять кругозор советских военных кадров, вооружать их знаниями, раскрывающими закономерности развития военного искусства, развивать способность к самостоятельному мышлению. В труде подчеркивалось, что история

военного искусства "вскрывает нам до корней в своих основах существо всех современных требований стратегии, тактики, администрации и вместо рабства перед догмой дает нам господство надпей. Она показывает, установив причинную связь между развитием государства в целом и эволюцией военного искусства, как многообразно в различных условиях решались основные военные вопросы. Она позволяет познать, какими причинами вызывается современная их подготовка, и подготавливает нас учитывать требования экономической и политической жизни к военному делу"{36}. Страстно защищая необходимость военно-исторического образования для военных специалистов, автор писал: "Только глубокое знакомство с историей военного искусства позволяет серьезно отнестись к истории гражданской войны, охватить масштабы явлений и классифицировать их, сделать из них выводы, которые могут пригодиться и на завтрашний день, только глубокое знакомство с историей военного искусства избавит нас от поверхностных суждений о Красной Армии и позволит понять ее достоинства и недостатки"{37}.

Труд А. А. Свечина "История военного искусства" был шагом вперед по сравнению с произведениями русских дворянских и буржуазных историков. Однако он не давал истолкования событий и фактов военной истории с позиций марксистско-ленинского учения о войне и армии, за что в свое время был подвергнут критике, правда, не всегда справедливой.

Мне не раз приходилось слушать лекции профессора А. А. Свечина, которые он читал в Военных академиях имени М. В. Фрунзе и Генерального штаба. Они приви* вали любовь к военной истории, расширяли диапазон знаний, повышали общую культуру и, что особенно важно, побуждали слушателей к творческой

мысли, критическому подходу к историческим явлениям.

Несмотря на трудности военного времени, запущенность архивного делопроизводства, военно-историческая комиссия завершила подготовку труда "Краткий стратегический очерк войны 1914-1918 гг.". Она также разработала и издала в нескольких частях "Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.", освещающий ход мировой войны на европейском театре. И хотя этот труд раскрывал лишь оперативную сторону военных действий, не затрагивая ни политических, ни экономических вопросов, тем не менее он дал обобщенный опыт войны, сыграл положительную роль в развитии военной истории.

Одновременно комиссией разрабатывались монографии с обстоятельными выводами по отдельным проблемам войны, исследовался опыт вооруженной борьбы Красной Армии в гражданской войне.

В соединениях Красной Армии приказом Полевого штаба РВС вводились журналы боевых действий. Работники войсковых штабов создавали описания наиболее важных боев и сражений. Но научная работа находилась еще в стадии становления; по-настоящему военно-исторические органы могли заняться изучением опыта войны лишь после ее окончания.

21 февраля 1923 года Реввоенсовет Республики предписал фронтам, округам и отдельным армиям собрать и направить в военно-историческую комиссию все печатные и рукописные материалы, относящиеся к истории Красной Армии и гражданской войны{38}. Вскоре комиссией были подготовлены к печати три тома сборника "Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии". В последующем этот труд явился основой для более глубокого и всестороннего исследования опыта вооруженной борьбы первого в мире социалистического государства, для создания

фундаментальных монографий по гражданской войне{39}.

С каждым годом возрастали выпуск и качество военно-исторической литературы, особенно обобщающего характера. Еще шире развернулась научная работа в войсках. В частях и соединениях составлялись справки и памятки, в которых освещалась боевая деятельность войск в годы гражданской войны, создавались очерки по истории полков и дивизий; эти труды имели большое воспитательное значение.

В исторической работе активное участие принимали виднейшие военачальники Красной Армии М. В. Фрунзе, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников, С. И. Гусев, Р. К. Берзин, Н. И. Подвойский и другие. Они как бы задавали тон, прививали вкус к научно-исследовательской работе командному и начальствующему составу армии и флота.

Литература по вопросам военной истории пользовалась большой популярностью и спросом в войсках. Военные читатели внимательно следили за изданием книг, направляли в военно-историческую комиссию различные пожелания, просили быстрее создавать труды, необходимые для решения задач боевой и политической подготовки войск.

Таким образом, несмотря на трудные условия 1917-1923 годов, в Красной Армии осуществлялись большие мероприятия, направленные на развитие советской военно-исторической науки. Создавались необходимые научные органы, упорядочивалось архивное дело, готовились кадры историков. Было положено начало изучению истории минувшей войны и обобщению опыта боевой деятельности Красной Армии. Все это послужило основой для перехода к новому, более высокому этапу развития советской военно-исторической мысли, способной решать проблемы

строительства вооруженных сил и их применения в случае войны.

Учитывая важность исторического опыта в практике обучения и воспитания войск, а также в исследовании проблем будущей войны, с 1924 года руководство военно-исторической работой сосредоточивается непосредственно в Штабе РККА. С этой целью военно-историческая комиссия Реввоенсовета СССР была упразднена и на ее основе 15 апреля 1924 года вновь учреждается военно-исторический отдел Штаба РККА. Его возглавил молодой советский военный историк В. А. Медиков, а учрежденные в составе отдела две части (по гражданской войне и первой мировой войне) - соответственно Н. Е. Какурин и П. В. Черкасов{40}.

Перед военно-историческим отделом стояли следующие задачи:

- всесторонне, то есть в тесной связи с экономической и политической обстановкой, исследовать и обобщить опыт гражданской и мировой войн с целью выработать единые взгляды, формы и методы обучения и боевого использования войск;

- используя архивные материалы, создать монографии о наиболее поучительных операциях и очерки о тактических действиях войсковых соединений{41}.

Руководствуясь этими задачами, В. А. Меликов, выступая на заседании ученой коллегии 5 мая 1924 года, подчеркнул, что военно-историческому отделу необходимо сосредоточить внимание "на исследовательских работах, монографиях, строго разработанных по архивным материалам". Вместе с тем он отметил, что целесообразно "дополнить и переработать изданные очерки по мировой войне, отметив политические моменты, влиявшие на ход военных действий, а также приступить к составлению

стратегических очерков по гражданской войне, описав в первую очередь западные пограничные фронты".

Для объединения всей военно-научной работы в Красной Армии, согласованности в деятельности военно-исторического отдела с военно-научным отделом Высшего военного редакционного совета, ведавшего изучением военно-стратегической литературы, и главной уставной редакцией, занимавшейся разработкой уставов, помощник начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевский предложил образовать в составе Штаба РККА Управление по исследованию и использованию опыта войн. В докладной записке Реввоенсовету СССР от 15 января 1925 года он писал: "...непонятым является то обстоятельство, что военная история и выводы из нее даются штабом, а теоретические обобщения производятся от него совершенно оторванно. С другой стороны, совершенно непонятно, почему теоретическая разработка вопросов вождения войск (стратегия и тактика)... оторвана и неувязана с разработкой этих вопросов в уставном порядке. Точно так же непонятым является, почему уставы оторваны от военно-исторической работы, которая дает необходимые предпосылки и для этого дела"{42}.

После двух обсуждений этой записки на заседаниях Президиума Реввоенсовета СССР и согласования с Политуправлением РККА 10 февраля 1925 года М. В. Фрунзе подписал приказ о создании Управления по исследованию и использованию опыта войн, состоящего из трех отделов (военно-исторического, военно-научного, уставного) и библиотечной части, включавшей московское и ленинградское отделения Объединенной библиотеки РККА и библиотеку Председателя РВС СССР. Всего в управлении было 39 человек, а с 1 ноября 1925 года в связи с включением в управление и Музея РККА его состав увеличился на

десять человек. Начальником управления был назначен активный участник гражданской войны Л. Я. Лапин, а его помощником - В. А. Меликов; последний с ноября 1925 года стал начальником этого управления.

Согласно положению Управление по исследованию и использованию опыта войн являлось военно-научным учреждением центрального аппарата Наркомвоенмора и находилось в ведении начальника Штаба РККА. Оно руководило всей военно-научной работой в Красной Армии, а это позволяло Штабу РККА координировать и направлять усилия военных историков и теоретиков, тесно увязывать проводимые ими исследования с повседневными запросами войск. В связи с этим управление должно было решать следующие задачи:

- исследовать и учитывать опыт мировой и гражданской войн;
- проводить теоретические изыскания по вопросам стратегии и тактики;
- создавать военно-научные труды, содействующие военно-научной подготовке командного и политического состава армии;
- разрабатывать уставы и наставления и другие труды по различным отраслям военных знаний{43}.

Для выполнения столь сложных творческих задач сотрудников в управлении было явно недостаточно, поэтому для научной работы пришлось временно привлекать опытных авторов, которые в последующем включались в штат управления.

При очередной реорганизации центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам, проведенной в июле 1926 года, вместо Управления по исследованию опыта войн в составе Штаба РККА был создан научно-уставной отдел, деятельность которого фактически сводилась к созданию уставов, хотя в инструкции Штаба РККА и говорилось, что "параллельно с уставной работой и в

самой тесной связи с ней должна вестись работа по выпуску трудов военно-научного и военно-исторического характера, дающих возможность использовать весь ценный опыт мировой и гражданской войн и вложить его как основу в наши боевые уставы".

Новый отдел, используя исторический опыт практики строительства, боевой и политической подготовки вооруженных сил, обеспечил быструю разработку уставов и наставлений, крайне необходимых для обучения и воспитания войск. Однако такое одностороннее использование военных историков, только на уставной работе, привело к сужению тематики исследований не только в области военной истории, но и теории военного дела, на что обратил внимание в 1928 году новый начальник Штаба РККА Б. М. Шапошников. В докладной записке Реввоенсовету СССР 13 июля 1928 года он писал: "Современное состояние военно-научной и военно-исторической работы в РККА характеризуется чрезвычайно замедленным ее темпом. Выходящие в свет издания этого вида военной литературы не объединены каким-либо общим единым планом и в большинстве случаев носят либо случайный, спорадический характер, либо приурочиваются к отдельным запросам заинтересованных учреждений (академий)"^{44}. В неудовлетворительном состоянии, отмечал он далее, находится издание трудов по истории мировой и гражданской войн; если в СССР военно-исторические труды составляют 1,8 процента от общего объема военной литературы, то в зарубежных странах их процент сравнительно высок, в частности во Франции - 29,8, в Германии - 28,2, в Польше - 17,8 процента^{45}.

Выйти из этого затруднительного положения, считал Б. М. Шапошников, можно лишь при наличии в Штабе РККА штатного военно-исторического органа.

Выступивший по этому же поводу профессор А. И. Верховский предлагал создать даже научно-исследовательский институт при Штабе РККА{46}.

3 февраля 1932 года в результате детального обсуждения данного вопроса в Реввоенсовете СССР в составе Штаба РККА был восстановлен и начал свою деятельность военно-исторический отдел. По предложению Штаба РККА Реввоенсовет СССР утвердил план написания многотомной истории первой мировой войны, истории гражданской войны и трехтомника истории войн и военного искусства. Эти меры положительно сказались не только на изучении проблем военной истории, но и на развитии советской военной теории.

С переименованием в 1935 году Штаба РККА в Генеральный штаб военно-исторический отдел стал именоваться научным военно-историческим отделом. Этим подчеркивалась его роль как научного органа не только в обобщении опыта минувших войн, но и в обеспечении разработки проблем военной теории. В 1935-1936 годах под руководством отдела были выпущены три номера "Военно-исторического бюллетеня". С августа 1939 года по решению ЦК партии началось издание "Военно-исторического журнала" - ежемесячного научного органа НКО, а с января 1941 года - Генерального штаба РККА. Журнал освещал вопросы истории войн, военного искусства и международных отношений, он сыграл большую роль в разработке ряда важнейших научных проблем и в пропаганде военно-исторических знаний. С началом Великой Отечественной войны "Военно-исторический журнал" был слит с журналом "Военная мысль".

В межвоенный период выросли и окрепли кадры военных историков. Среди них плодотворно работали представители старшего поколения Е. З. Барсуков, А. М. Зайончковский, А. К. Коленковский, Н. Г. Корсун, В. Ф.

Новицкий, Ф. Е. Огородников, А. А. Свечин. Весомый вклад в науку внесли историки, сформировавшиеся в советское время, в частности М. А. Галактионов, В. А. Медиков, Е. Л. Разин, Н. А. Таленский и другие.

Сравнительно хорошо организованная военно-историческая работа обеспечила создание многих теоретических трудов по военному искусству, которые разрабатывались с учетом изменений, происходивших в армии в связи с ее реорганизацией и перевооружением на базе новой техники.

Основные усилия военных историков были направлены на исследование опыта военного искусства гражданской войны, имевшего практическое значение для армии и флота.

Огромная заслуга в этом принадлежит М. В. Фрунзе. В статье "Единая военная доктрина и Красная Армия", опубликованной впервые в журнале "Армия и революция" (№ 1, июль 1921 года), М. В. Фрунзе поставил исключительно важную в тот период задачу, связанную с необходимостью обобщать опыт первой мировой и гражданской войн и разработать с учетом этого опыта с позиций марксизма-ленинизма единую систему взглядов по основным вопросам ведения войны и военного строительства социалистического государства{47}.

В докладе "Ленин и Красная Армия", прочитанном на заседании Военной академии РККА, М. В. Фрунзе, характеризуя Владимира Ильича как гениального политического стратега, с исключительной глубиной показал его роль в дальнейшем развитии марксизма, в разработке стратегии и тактики пролетарской революции, в руководстве вооруженной борьбой пролетариата в 1905 и 1917 годах, в решении задач строительства социалистического государства на различных этапах его развития. На конкретных исторических примерах М. В. Фрунзе раскрыл, как В. И.

Ленин, сообразуясь с оценкой текущего момента, подходил к историческим явлениям и в связи с этим принимал соответствующие решения, широко использовал основные положения стратегии и тактики в революционной борьбе, как он на том или ином ее этапе менял тактику в зависимости от стратегических целей.

И далее он подчеркивал: "Поэтому-то в силу той связи, которую я отметил, связи, существующей между областью военной деятельности и областью деятельности политической, связи, которая особенно наглядна в переживаемую нами эпоху революционной пролетарской диктатуры, нам и важно до самого основания, до самой глубины быть знакомыми с сущностью ленинизма - этой "стратегией" и "тактикой" пролетарской борьбы"{48}.

Это выступление было программным для начальствующего состава Красной Армии. Марксизм, говорил М. В. Фрунзе в своей речи на торжественном заседании в честь шестилетия Военной академии РККА, должен стать "методом руководства во всех областях военно-научного знания"{49}.

Все труды и выступления М. В. Фрунзе, касающиеся проблем строительства Красной Армии, военной теории и идеологии, отличались глубоким историческим анализом. О незаурядных способностях М. В. Фрунзе как историка свидетельствует его монография "Европейские цивилизаторы и Марокко", в которой исследованы национально-освободительное движение колониальных народов и опыт применения современных средств борьбы{50}.

Большим знатоком истории, активным пропагандистом ее был Б. М. Шапошников. Его отношение к военной истории характеризует следующий пример. 22 октября 1930 года начальник Штаба РККА Б. М. Шапошников на заседании РВС СССР сделал доклад "Об итогах боевой подготовки РККА и

Флота за 1929/30 год и об учебных целях на 1931 год". Выступавший в прениях начальник Управления военно-учебных заведений А. И. Тодорский, критиковавшийся в докладе за слабую практическую подготовку командных кадров в военно-учебных заведениях, бросил Б. М. Шапошникову упрек, что он в своих примерах, углубившись в историческое прошлое, не отметил опыт курсантов, хорошо показавших себя в боях с врагом на КВЖД в 1929 году. В заключительном слове Б. М. Шапошников ответил Тодорскому: "Здесь мне был брошен упрек, что я очень люблю заниматься историческими далями. Я с удовольствием этот упрек принимаю, ибо давным-давно хорошо известно, что история - одна из тех основ, на которой строится и настоящая и будущая жизнь путем соответствующего прогноза"{51}.

Б. М. Шапошников был одним из первых исследователей, который в своих исторических и теоретических трудах широко пользовался марксистской методологией, постоянно обращался к произведениям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, о чем свидетельствует, в частности, его фундаментальное исследование о Генеральном штабе - трехтомная монография "Мозг армии".

Одним из первых советских военных ученых, глубоко исследовавших опыт минувших войн, был В. К. Триандафиллов, возглавлявший тогда Оперативное управление Штаба РККА. Мне приходилось слушать его выступления и лекции в Военной академии имени М. В. Фрунзе, работать под его руководством, с большим интересом читать его оперативно-стратегические очерки по гражданской войне и другие работы. Легко оперируя историческими фактами и хорошо владея марксистско-ленинской методологией, руководствоваться которой он рекомендовал во всех областях военно-научных знаний, В. К. Триандафиллов

глубоко анализировал опыт минувшей войны, умело делал обобщения и соответствующие выводы для теории и практики военного дела построенного периода.

Среди значительного количества содержательных и фундаментальных монографий заметный след в развитии военной истории оставило трехтомное научное исследование "Гражданская война 1918-1921 гг.", изданное под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдемана к 10-летию Красной Армии. Этот труд всесторонне освещал военную историю гражданской войны. В его первом томе изложены отдельные наиболее характерные эпизоды боев и операций, во втором - важнейшие вопросы военного искусства, в третьем дан оперативно-стратегический обзор боевых действий Красной Армии.

Огромное влияние на развитие советской военной науки, и в частности военной истории, оказали постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О преподавании гражданской истории в школах СССР" от 16 мая 1934 года и 26 января 1936 года. В этих постановлениях внимание историков было обращено на преодоление схематизма, на более глубокое изучение событий и фактов на базе марксизма-ленинизма. В тот период продолжалась острая борьба с троцкизмом, пытавшимся игнорировать марксизм-ленинизм вообще, взгляды Маркса и Ленина на войну в частности.

Руководствуясь постановлениями партии и правительства, военные историки значительно расширили тематику военно-исторических исследований, обратив особое внимание на изучение героического военного прошлого нашей Родины, в частности в борьбе против немецких рыцарей, монголо-татарского ига, армий Наполеона и др. В издаваемых трудах они стали глубже раскрывать решающую роль народных масс в защите национальной независимости

своей страны, деятельность выдающихся русских полководцев и флотоводцев. Значительно шире стали освещаться вопросы всеобщей военной истории. Увеличился выпуск научно-популярной исторической литературы, рассчитанной на массового читателя.

В советской военно-исторической литературе, изданной в конце 30-х годов, был освещен опыт итало-абиссинской войны (1935-1936 гг.), национально-освободительной войны испанского народа (1936-1939 гг.) и освободительной войны китайского народа против японских захватчиков (1937-1941 гг.).

С осени 1939 года советские историки приступили к изучению начавшейся второй мировой войны, а вскоре издали труды, в которых вскрывался характер этой войны, освещался ход вооруженной борьбы, обобщалось развитие военного искусства. Среди этих книг следует отметить труды Г. С. Иссерсона "Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн)" и И. Лемена "Вторая империалистическая война началась".

К 1939 году сотрудники военно-исторического отдела написали и подготовили к изданию предусмотренные планом Генерального штаба шесть томов истории первой мировой войны, восемь томов истории гражданской войны и три тома истории войн и военного искусства{52}.

В 1938-1940 годах отдел разработал и выпустил в свет сборники документов по Варшавско-Ивангородской, Восточно-Прусской, Горлицкой операциям. Были подготовлены к изданию документы по Виленской операции, Брусиловскому прорыву, написан учебник военной истории, закончена рукопись пятитомной истории 1-й Конной армии, переведены на русский язык десять томов немецкого рейхсархива, шесть томов французского отчета о первой мировой войне, составлены документальные справочники по

первой мировой и гражданской войнам, подготовлен ряд других материалов{53}.

Наряду с историческими исследованиями неослабное внимание уделялось разработке взглядов и прогнозов на характер будущей вооруженной борьбы. Заслуга в этом по праву принадлежит Генеральному штабу, о чем свидетельствует созданная им рукопись трехтомной "Истории войн и военного искусства". В частности, во второй части третьего тома этого труда говорится следующее: "Грядущая мировая империалистическая война будет не только войной механизированной, во время которой будут использованы громадные количества материальных ресурсов, но вместе с тем войной, которая охватит миллионные массы и большинство населения воюющих сторон. Границы между фронтом и тылом будут все более и более стираться"{54}.

Основываясь на опыте войн в Испании и Китае, авторы подчеркивают, что "основной характерной чертой современных войн является внезапность нападения, война начинается неожиданно, без объявления войны. Система дипломатических нот и переговоров заменяется системой внезапных налетов авиации и мотомехвойск"{55}. Это положение подкрепляется высказыванием высших военных кругов некоторых стран Западной Европы, и в частности взглядами французского военного командования, по мнению которого "война начнется внезапно всеми приемами и способами с целью уничтожить первый эшелон вооруженных сил противника, дезорганизовать его мобилизацию и разрушить жизненные центры его мощи"{56}. К таким приемам ведения войны в то время готовились и милитаристы Германии, которые заявляли: "Стратегия завтрашнего дня должна будет стремиться к сосредоточению всех имеющихся в ее распоряжении сил на первые же дни военных действий". И далее: "...

нужно, чтобы эффект неожиданности был столь ошеломляющим, чтобы противник был лишен возможности организовать свою оборону"{57}.

Уроки событий 1938 года показали, что мобилизация современных капиталистических армий проводится скрытно и очень быстро. В период раздела Чехословакии немецкая и польская армии отобилизовали большое количество соединений под видом сбора резервистов на переподготовку, а в Германии, кроме того, под предлогом сборов фашистских организаций.

Второй отличительной чертой современной войны, как отмечается в труде, является ее маневренность. Сплошные фронты будут исключением, что позволит наносить удар по флангу и тылу противника. Таким образом, будущая война представлялась войной подвижной, с прерывчатым фронтом и открытыми флангами. Вместе с тем, исходя из опыта войны в Испании, в труде высказывается мысль о том, что в ряде случаев сплошные фронты могут быть созданы и их придется прорывать.

Анализируя взгляды империалистических государств на характер подготовки и ведения современной войны, авторы труда резюмируют, что армии агрессоров будут стремиться достигнуть основной цели войны возможно быстрее, то есть молниеносно, так как затяжная война ведет к подрыву экономических и политических устоев этих стран. Однако опыт войн в Испании и Китае показывает, что современные войны могут быть и затяжными.

В труде подчеркивается, что капиталистические государства для обеспечения внезапности нападения будут проводить мобилизацию вооруженных сил и промышленности без объявления общей мобилизации и объявления войны, постепенно и замаскированно, под видом различных учебных сборов, тревог и опытных

мобилизаций. Следовательно, трудящиеся массы будут поставлены перед совершившимся фактом войны, которая начнется без формального объявления, внезапным и мощным нападением сил агрессора.

Внезапность нападения, отмечают авторы, является одной из характерных и ярко выраженных черт доктрины германского фашизма, предусматривавшего неожиданными ударами крупных моторизованных "армий вторжения" и авиации захватить противника врасплох, сорвать его мобилизацию и обеспечить тем самым развертывание главных сил своей отобилизованной армии. Военно-фашистские организации, созданные по военному образцу, должны были способствовать скрытной и быстрой отобилизации "армий вторжения". Подготовка промышленности для работы на оборону в мирное время позволяет быстро переключить экономику страны на нужды войны.

Таким образом, современная империалистическая война, в которой техника сыграет очень большую роль, говорится в труде, начнется неожиданно: система дипломатических нот периода мировой войны будет отброшена. Целью отдельного сражения может быть не только уничтожение живой силы, но также разрушение крупных политических и экономических центров страны, портов, морских баз и т. д. Добиться конечной цели войны в одном сражении или во фронтовой операции невозможно: потребуется целый ряд операций. Решающим видом боевых действий будет наступление, в котором богато оснащенные техникой армии будут продвигаться вперед могучими скачками, развивающимися гораздо быстрее, и на большую глубину, чем это было в первую мировую войну.

Из беглого изложения основных положений труда видно, что Генеральный штаб всегда держал в поле зрения все изменения в теоретических взглядах и

боевой практике капиталистических государств, их официальные доктрины, тщательно изучал и анализировал их.

Учитывая эти изменения и используя опыт локальных войн, Генеральный штаб постоянно вносил поправки, производил переоценку некоторых важных положений, вытекающих из советской военной доктрины, и, следовательно, стремился держать советскую военную науку на уровне современных требований, а вооруженные силы - в высокой мобилизационной готовности.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистической партии и Советскому правительству необходимо было не только организовать новые вооруженные силы, которые по своему классовому составу и идеологической подготовке соответствовали бы целям пролетарской революции и были бы способны защищать Советское государство, но и разработать принципиально новые теоретические основы строительства армии, ее боевой подготовки, воспитания и ведения боевых действий. Эти трудные задачи решались Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным не сразу, а в ходе всей гражданской войны, на ее опыте и в соответствии с насущными потребностями обстановки. По-новому встали тогда не только организационные вопросы строительства Советских Вооруженных Сил. Руководство боевыми действиями требовало не меньшего внимания. На способах и формах ведения вооруженной борьбы сказывались особенности военно-политической обстановки, комплектования, снабжения, ограниченные материальные возможности Красной Армии, недостаток в опытном командном составе, невысокий уровень боевой подготовки войск и многое, многое другое. Таким образом, в огне войны надо было не только

создавать Советские Вооруженные Силы, но и выработать основы советского военного искусства.

В ходе гражданской войны полностью подтвердились и получили свое дальнейшее развитие важнейшие теоретические положения, разработанные В. И. Лениным еще до Октября, о природе и характере современной войны и факторах, обеспечивающих победу в войне. Творчески развивая учение Маркса и Энгельса о войне и армии, В. И. Ленин вскрыл ряд важных особенностей современных войн.

Исходным моментом марксистско-ленинского учения о войне и армии является ленинское положение о социально-политической сущности войны и ее классовой природе. В. И. Ленин углубил понимание известной формулы Клаузевица: война - продолжение политики насильственными средствами. Война, по его взглядам, есть продолжение не только внешней, но и внутренней политики государств, обусловленной их социальным строем и классовыми интересами. Этим определяется место и роль политики и стратегии в войне, в ее подготовке и руководстве ею. Политика не только ставит цель войны, но и руководит войной на всем ее протяжении. Военная стратегия призвана посредством вооруженных сил добиваться поставленных политических целей.

Но, как показал исторический опыт, войны не ограничиваются вооруженной борьбой. Они охватывают все области деятельности государства. В том или ином виде в войне участвуют широкие массы населения. Борьба ведется и в области экономики, дипломатии, идеологии и т. д. Очевидно, что только объединение в одном органе руководства всей деятельностью государства в ходе войны даст возможность вести ее наиболее успешно (Совет рабочей и крестьянской обороны в Гражданской войне, Государственный Комитет Обороны в Великой Отечественной войне).

Практически это единство руководства войной было осуществлено Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным в годы гражданской войны и ЦК ВКП(б) в Великой Отечественной войне. Еще в 1918 году ЦК партии установил, что вся "политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем"{58}. Это положение о руководящей роли партии в военном строительстве армии и ее боевой деятельности, имевшее первостепенное значение для достижения победы, стало одним из важнейших принципов советской военной науки.

Последующий многолетний опыт строительства Советских Вооруженных Сил и руководства их боевыми действиями полностью подтвердил правильность этого положения, что основой основ военного строительства является руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами, усиление роли и влияния партийных организаций в армии и на флоте.

Марксизм-ленинизм рассматривает не только социально-политическую сущность войны, но и то, что отличает войну от других форм борьбы. В. И. Ленин писал: "...вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное "восстание, как и война, есть искусство"{59}. Изучению и овладению этим искусством Коммунистическая партия всегда придавала большое значение. Еще в 1905 году В. И. Ленин указывал, что "ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной

важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений"{60}.

И в дальнейшем В. И. Ленин неоднократно возвращался к этой теме, подчеркивал необходимость использовать после критической переработки опыт и военную науку прошлого.

В этой связи одной из важнейших проблем стало использование военных специалистов старой армии в интересах Красной Армии. Старая интеллигенция, с одной стороны, была носителем достижений и опыта буржуазной науки, а с другой - обременена мелкобуржуазным мировоззрением и консерватизмом, созданными воспитанием и всем прошлым укладом жизни. А в Советских Вооруженных Силах роль руководителя, командира особенно ответственна. Следовательно, проблема создания подготовленных и опытных офицерских кадров стала исключительно важной.

Необходимо отметить, что против использования военных специалистов, их военных знаний и боевого опыта, накануне VIII съезда РКП (б) и в ходе его выступала так называемая "военная оппозиция". Преодоление этой оппозиции создало необходимые основы для укрепления обороноспособности армии, ее строительства и успешной боевой деятельности. Решения VIII съезда партии по военному вопросу сыграли в этом отношении важную роль. В основу их были положены ленинские указания о том, что наша армия должна быть обучена, вооружена и организована по последнему слову военной науки и техники. Только в этих условиях она сможет выполнить свои задачи по защите социалистического Отечества.

Придавая огромное значение научному подходу в решении стоявших перед партией задач во всех

областях строительства Советского государства, в том числе и военной, В. И. Ленин требовал от военных работников, чтобы они по-настоящему учились военному делу и всемерно повышали качество военного руководства. Вместе с развитием военного дела возрастает и роль науки в нем, усложняются и совершенствуются методы руководства. И только те военные руководители способны успешно решать свои задачи, которые будут обладать прочными военными знаниями, широким кругозором и правильно применять марксистско-ленинский диалектический метод.

Эти ленинские высказывания, записанные в решениях VIII съезда партии, были положены в основу строительства нашей армии, подготовки ее кадров и развития советской военно-теоретической мысли.

Определяя характер и сущность военного искусства, Энгельс, а вслед за ним Ленин указывали, что способы ведения войны меняются и зависят от уровня производства, развития техники. Каждой эпохе соответствуют свое военное искусство, свои способы ведения войны, но в ее пределах не может быть единой стратегии, общей для всех стран и народов. Стратегия определяется политикой, она конкретна и зависит от уровня экономики данного государства, его социального строя, географического положения, состояния вооруженных сил, населения и материальных возможностей. Стратегия должна учитывать эти же факторы и при оценке вероятных противников. Советское военное искусство в своем развитии всегда строго руководствовалось этими основными положениями марксизма-ленинизма о войне и армии.

В годы гражданской войны молодая Советская республика имела слабую экономическую базу. В армии отсутствовали новые военно-технические средства, не хватало подготовленного командного состава, оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия. В условиях

разрухи, голода и холода советские войска испытывали огромные трудности, обучались на полях сражений, на опыте успешных боев и неудач. Вместе с тем революционный энтузиазм трудящихся масс не мог не сказаться на ходе военных действий, на развитии советского военного искусства. Он придал старым формам боевых действий качества, присущие борьбе пролетариата, - решительность, смелость и активность, основанные на глубокой вере в свои силы и величие целей пролетарской революции. Не случайно поэтому в боях Красная Армия широко применяла фланговые удары, охват, окружение. Эти маневренные и решительные формы боевых действий, как отметил М. В. Фрунзе, были результатом не только чисто объективных условий гражданской войны, но и внутренних свойств Красной Армии, ее революционного духа, ее классовой природы.

Большой опыт гражданской войны, критически затем обобщенный, послужил основой для последующего развития советской военной теории. Решающую роль при этом сыграли непосредственное руководство В. И. Ленина обороной Советской республики, сделанные им теоретические обобщения опыта прошлых войн и особенно гражданской войны, его высказывания и директивы по важнейшим вопросам обороны и строительства вооруженных сил.

Непосредственно в годы гражданской войны не было возможности проводить большие теоретические обобщения опыта боевых действий. Однако и тогда военно-теоретические проблемы, хотя и в ограниченном виде, все же изучались. При этом исследователи стремились проанализировать и обобщить все то новое, что внесли в область военной науки Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война. В 1919 году 6-я армия (командовал ею М. Н. Тухачевский), действовавшая на Восточном

фронте, выпустила свой первый сборник "Гражданская война", в который были включены "Сообщения по стратегии гражданской войны, читанные сотрудниками штаба 5-й армии" {61}. Почти все фронты в 1919-1921 годы издавали военно-научные журналы. В конце 1919 года М. Н. Тухачевский выступил в Академии Генерального штаба с лекцией "Стратегия национальная и классовая", в которой обобщался опыт гражданской войны в этой области. В следующем году лекция была издана отдельной брошюрой в Ростове-на-Дону.

В период гражданской войны научные изыскания и обобщения находили свое отражение в официальных документах - уставах, наставлениях и инструкциях. Уже тогда в политическом разделе уставов и наставлений указывались революционные изменения в социальной и политической структуре общества, в специальных же разделах продолжал аккумулироваться боевой опыт старой армии, поскольку опыт Красной Армии был еще не обобщен.

В послевоенные годы главным содержанием развернувшейся военно-теоретической работы явилось всестороннее изучение и обобщение опыта минувших первой мировой и гражданской войн с учетом возможной агрессии империалистов против Советской республики.

Большое воздействие на развитие советской военно-теоретической мысли в первой половине 20-х годов оказали практическая деятельность и научные труды М. В. Фрунзе. Талантливый организатор и полководец гражданской войны, а затем руководитель военного ведомства, М. В. Фрунзе теоретически обосновал важнейшие проблемы строительства Красной Армии и подготовки страны к обороне. Решающим условием высокой боевой мощи страны и ее вооруженных сил М. В. Фрунзе считал достижение единства взглядов по

основным вопросам военного строительства, методам боевой подготовки и способам ведения боевых действий{62}. Эти положения имели огромное воспитательное значение, стали основой для проведения военной реформы 1924-1925 годов.

Будущая война, говорил М. В. Фрунзе, будет классовой, она неизбежно вызовет обострение классовой борьбы внутри враждебного капиталистического государства, начавшего агрессию против Советской республики. Не отрицая возможности молниеносных ударов, он считал также, что будущие столкновения приведут к затяжной войне.

М. В. Фрунзе предполагал высокую маневренность войск при проведении операций, не исключая возможности применения позиционных форм борьбы на отдельных участках. В высокой маневренности он усматривал один из путей преодоления военно-технической отсталости наших войск.

М. В. Фрунзе считал, что наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны: оборона имеет своей задачей обеспечить успешный переход в наступление, Красную Армию надо воспитывать в наступательном духе.

Взгляды М. В. Фрунзе, поддержанные ЦК партии и военной общественностью, оказали большое влияние на развитие советской военно-теоретической мысли и нашли отражение в официальных документах, в частности в Полевом уставе 1925 года, в наставлении "Высшее командование", утвержденном М. В. Фрунзе и изданном в 1924 году, а также в боевых уставах пехоты и других родов войск, вышедших в свет в том же году. Эти документы имели огромное значение для установления единства взглядов на многие оперативно-тактические вопросы.

Большие надежды М. В. Фрунзе возлагал на Штаб РККА, реорганизованный в период военной реформы

1924-1925 годов. По его мнению, освобожденный от несвойственных ему функций и нацеленный на решение оперативных и научных задач "этот оперативный штаб должен стать не только мозгом Красной Армии, он должен стать военным мозгом для всего нашего Советского государства и должен поставлять тот материал, который ляжет в основу работ Совета Оборона" {63}.

Образованное в 1925 году в составе Штаба РККА Управление по исследованию и использованию опыта войны за короткий срок выпустило много ценных военно-исторических работ, создав тем самым прочную базу для развития военной теории. В Штаб РККА и главные управления пришли молодые кадры с опытом гражданской войны, окончившие Военную академию и Высшие академические курсы (ВАК). Они принесли с собой свежесть, пытливость и смелость мысли, волю и энергию в работе, горячую преданность Советской власти. Привлечение молодых командиров с одновременным широким использованием опыта старых кадров позволило удачно сочетать теорию с практикой в деятельности центрального аппарата, придать ей целеустремленный характер.

Значительную роль в военно-научной работе играло созданное 13 октября 1920 года при тогдашней Академии Генерального штаба Военно-научное общество, которое ставило перед собой задачу изучить и обобщить опыт классовой войны эпохи пролетарской революции. Создание этого общества диктовалось, в частности, и тем, что преподавание в академии, где профессорско-преподавательский состав состоял почти целиком из военных специалистов старой армии, было в значительной мере оторвано от действительности, носило абстрактный характер. Так, в 1920 году в академии еще не читался курс лекций по истории

гражданской войны, не изучался ход боевых действий на русском фронте в первой мировой войне.

Слушатели академии (свыше 50 процентов рабочих и крестьян; до 80 процентов коммунистов), имевшие большой боевой опыт, нуждались в более глубоком, всестороннем осмысливании событий минувшей войны с новых марксистско-ленинских методологических позиций. Вот почему Военно-научное общество получило широкое признание, его деятельность была весьма полезной. Оно выводило молодые военно-научные кадры на широкий путь творческих обобщений прошлого, толкало на научный поиск нового в соответствии с изменившейся социальной обстановкой в Советской республике.

Военно-научное общество, зародившись в Академии Генерального штаба, вскоре охватило своими отделениями и организациями другие военные академии и войска по всей территории Советской республики. В целях объединения и руководства деятельностью ВНО в мае 1925 года состоялось Всесоюзное совещание представителей отделений этого общества, на котором был создан временный Центральный совет ВНО во главе с М. В. Фрунзе. Общество стало широкой массовой организацией, насчитывавшей до 300 тыс. человек. Оно имело свои органы периодической печати, выпускало сборники, очерки и т. д.

В 1926 году состоялся Всесоюзный съезд Военно-научного общества. На нем выступали начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский, начальник Оперативного управления Штаба РККА В. К. Триандафиллов, инспектор РККА С. С. Каменев, заместитель начальника Штаба РККА С. А. Пугачев и другие.

В докладах М. Н. Тухачевского "Вопросы современной стратегии", В. К. Триандафиллова "Размах операций современных армий", С. С. Каменева

"Основные вопросы современной тактики", С. А. Пугачева "Основы подготовки страны к обороне" и других отражались успехи советской военно-теоретической мысли. Съезд не только подвел итоги, но и наметил перспективы дальнейшего развития военно-теоретической работы.

К середине 20-х годов в стране были изданы труды В. Новицкого, И. Вацетиса, А. Базаревского, А. Зайончковского, Б. Шапошникова, А. Коленковского и других по первой мировой войне, М. Тухачевского, А. Бубнова, С. Гусева, В. Меликова, Н. Какурина, Г. Гая, Е. Шиловского, Н. Варфоломеева и других - по гражданской войне.

Одним из важнейших результатов изучения опыта минувших войн была разработка теории ведения последовательных операций. В своей работе "Поход за Вислу", изданной в 1923 году, М. Н. Тухачевский так ее обосновал: "... невозможность при современных широких фронтах уничтожить армию противника одним ударом заставляет достигать это рядом последовательных операций... Ряд последовательно введенных уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях"{64}.

Теория последовательных операций получила дальнейшее развитие в ряде военно-научных трудов, изданных в 20-х годах, и особенно в работах Н. Н. Мовчина{65}, Н. Е. Варфоломеева{66}, В. К. Триандафиллова{67} и других. Авторы указанных работ считали, что последовательные операции, предусматривающие переход от одной части цели к другой, сохраняя в то же время единство общей цели, всегда имели и будут иметь преимущество, что армейская операция при средней продолжительности шесть-семь суток может достигнуть глубины 75-90, а

фронтная - до 200 километров. Высказывалось мнение о том, что группировка, создаваемая для проведения армейских операций, должна непосредственно вытекать из замысла фронтной операции. Эти основные положения являлись отправными для последующей разработки теории глубокой операции.

В 20-х годах развитие военно-теоретической мысли привело к созданию новой, самостоятельной области военной науки - оперативного искусства. Господствовавшая до этого формула "стратегия - тактика" разделилась на три части: стратегию, оперативное искусство, тактику. Это самым благоприятным образом сказалось на всей методике преподавания и изучения военных дисциплин. В 1924 году в Военной академии РККА была образована новая кафедра - ведение операций.

Создание самостоятельной учебной дисциплины (оперативное искусство) позволило глубоко и всесторонне изучать вопросы подготовки и проведения операции, и в частности систему последовательных операций, которая, по взглядам Н. Е. Варфоломеева, характеризовалась следующей схемой: цель операции - сокращение или полный разгром живой силы противника; метод действий - непрерывное наступление; средство - длительное оперативное преследование (без пауз и остановок), осуществляемое несколькими последовательными операциями, из которых каждая является промежуточным звеном на пути к конечной цели, достигаемой в последней, решающей операции{68}.

Основной частью исследования современной операции и системы последовательных операций стали и вопросы материального обеспечения хода боевых действий, которым до этого ни в учебном процессе, ни на оперативных играх не уделялось должного внимания. Однако опыт прошлых войн (особенно

советско-польская кампания 1920 года) показал возрастающую роль тыла. Поэтому проблема организации тыла, его значение в подготовке обороны страны и в боевых действиях стали одними из важнейших задач стратегии и оперативного искусства.

М. В. Фрунзе, выступая в Военной академии РККА в 1924 году, обратил на это особое внимание и потребовал включить в стратегию изучение вопросов организации тыла и снабжения. По его указанию в том же году в академии был создан факультет снабжения, на котором пришлось учиться и мне. Факультет был призван готовить высококвалифицированных работников оперативного тыла с большим стратегическим кругозором, способных также руководить отдельными вопросами подготовки и мобилизации народного хозяйства в интересах обороны страны. М. В. Фрунзе писал, что факультет снабжения должен готовить такие кадры, "которые будут не только снабженцами-специалистами, но и обладать большой стратегической подготовкой, большим административным кругозором... Я считаю вполне возможным, что из этого факультета у нас будут выходить товарищи, вполне пригодные для занятия и командных должностей" {69}.

Теоретическая разработка вопросов организации и ведения операции в последующем своем развитии совершенствовалась в полном соответствии с изменяющейся материально-технической базой и условиями строительства вооруженных сил Советского государства.

Проблемы оперативного искусства, стоявшие в конце 20-х годов, нашли наиболее полное отражение в труде В. К. Триандафиллова "Характер операций современных армий", опубликованном в 1929 году. Свои теоретические обобщения автор обосновывал конкретными практическими данными - материальным

состоянием Красной Армии, армий вероятных противников, возможными в тех условиях тактическими и оперативными нормами, - а в выводах стремился показать, в каком направлении должно развиваться военное дело.

Уставы и наставления, вышедшие в тот период, отражали соответствующий уровень материальной обеспеченности войск. В то же время принципиальные положения их исходили из прогноза возрастающего влияния техники и ее роли в будущих войнах. Так, в новом Полевом уставе 1929 года большое внимание уделяется танкам и авиации. В нем говорится о танковой группе дальнего действия, подчеркивается значение массирования авиации, указываются задачи противовоздушной, противотанковой и противохимической обороны.

Если по основным проблемам становления и развития оперативного искусства в 20-х годах наблюдалось известное единство взглядов и суждений, то в области военной стратегии этого не было. Причин тому много. Наиболее существенная из них заключается в том, что после Великой Октябрьской социалистической революции и создания Советского государства с изменением соотношения социальных сил на международной арене и внутри страны, а также возможным возникновением новых военных группировок стратегия в широком ее понимании нуждалась в коренной переработке на основе марксистско-ленинской методологии. Здесь одного опыта прошлого было явно недостаточно. А этого не понимали многие военные специалисты, о чем говорят следующие примеры.

Профессор А. А. Свечин, читавший курс лекций по стратегии в Военной академии РККА, давал полезный материал по вопросам ведения вооруженной борьбы на фронтах, но, как только он приступал к рассуждениям о

подготовке и ведении войны в целом, впадал в схоластику. Являясь последователем известного немецкого историка Ганса Дельбрюка, сторонника преимуществ "стратегии измора", А. А. Свечин не смог идти дальше обобщений опыта последних войн и стратегических теорий своих предшественников, не смог понять новых явлений в нашей общественной жизни, строительстве Советского государства и его вооруженных сил, не видел их перспектив, а следовательно, и возможных путей развития военного искусства. Он пытался дать общую абстрагированную стратегию, пригодную для любой страны. Его мысли и высказывания, подчас оригинальные, по своему духу были консервативными. Между тем книга А. А. Свечина, по существу, была тогда единственной открытой работой по стратегии, она оказала положительное влияние на развитие военной теории хотя бы тем, что давала большой материал для размышлений и дискуссий, порой очень острых и длительных, в процессе которых выработывалось и оформлялось правильное, марксистское понимание и толкование подлинной сущности и задач военного искусства.

Много споров возникло вокруг вопросов о "стратегии измора" и "стратегии сокрушения". По определению А. А. Свечина, "стратегия сокрушения", рассматривая ряд последовательных операций как единое целое, должна стремиться единым порывом достичь поставленной цели. Оперирова элементами быстроты, прямолинейности действий и массивностью удара, войска добиваются решающих побед путем сокрушительного разгрома живой силы противника, главным образом в генеральном сражении, которое должно обеспечить решающий успех.

"Стратегия измора", сочетая последовательное решение ограниченных задач с гибкой тактикой

маневрирования, ставила перед войсками цель постепенно измотать и ослабить противника перед решающим ударом. При этом она предусматривала не уничтожение вражеских сил, а всемерное ослабление противника в политическом и экономическом отношении.

По существу, эти категории представляли собой своеобразную трактовку известных положений Клаузевица о войне с решающей и с ограниченной целями. Тем не менее в широко развернувшейся дискуссии высказывания А. А. Свечина получили иное освещение: участники дискуссий сошлись на том, что подобные формы действий могут найти применение и в будущих войнах. Основные возражения против "стратегии измора" сводились лишь к тому, что эта стратегия направлена против решительных революционных наступательных войн, которые будут поддержаны взрывом обостренных классовых противоречий в стане противника. Сторонники же "стратегии сокрушения" должны были все же признать, что в тех условиях ведения войны необходимо было ориентироваться не на молниеносные сокрушительные удары, а на длительную, упорную войну, которая не всегда могла быть маневренной и в которой задачи истощения противника должны были играть немалую роль.

Следует сказать, что указанные категории стратегии противопоставлять неразумно. Одноактные наполеоновские сокрушительные удары уже давно ушли в прошлое. В современных условиях не может быть единого способа ведения войны, поэтому "сокрушение" и "измор" как стратегические формы могут меняться и дополнять друг друга.

Надо отметить, что эта дискуссия содействовала укреплению наступательного начала в советской военной теории, убеждала в его преимуществе перед

обороной, она привела к дальнейшей разработке взглядов, высказанных еще М. В. Фрунзе, о необходимости воспитывать кадры армии в духе высокой маневренности, активности, инициативы и решительности действий в наступательных операциях.

Некоторые участники дискуссии высказывались в пользу оборонительных действий, как выгодного способа вооруженной борьбы при недостатке в силах и слабой организации тыла. С таким положением, например, выступил А. И. Верховский. Объединив разные по содержанию понятия - оборону как вид боевых действий и оборонительную войну, он пришел к выводу, что оборонительное сражение дает крупные политические выгоды и позволяет наращивать силы. Но подобные взгляды не нашли большой поддержки.

В поисках целесообразных форм строительства вооруженных сил и способов ведения военных действий находилась и буржуазная военная наука, переживавшая тяжелый кризис. Военные специалисты капиталистического мира исходили из двух положений: с одной стороны, они стремились максимально использовать растущую военную технику, а с другой - боялись создавать и вооружать массовые армии. На этой основе возникли распространенные тогда теории де Голля, Секта, Зольдана и других, рекомендовавшие создавать небольшие профессиональные отборные, хорошо вооруженные армии, служившие опорой буржуазии, которые можно было развернуть при необходимости в массовые армии. В других теориях, например Дуэ, Фуллера, преувеличивалось значение техники. Они правильно отмечали большую роль крупных авиационных и танковых соединений в будущих битвах, но совершенно неверно полагали, что авиация и танки в состоянии в короткий срок самостоятельными действиями решить исход войны.

Однако ни одно из капиталистических государств не пошло по пути этих модернистских теорий, а в нашей военно-теоретической мысли они вообще не нашли места. Но некоторые военные писатели старой школы, в частности А. И. Верховский, не владевшие марксистской методологией, пытались обосновать возможность замены.

массовой армии в будущих войнах небольшой, технически оснащенной и в классовом отношении отборной армией "рыцарей".

Базируясь на развитии военной техники 20-х годов за рубежом и на перспективах оснащения Красной Армии, советская военно-техническая и теоретическая мысль правильно оценивала воздействие новой военной техники на структуру армии и военное искусство, считала целесообразным иметь массовую армию. Исходя из этого, она искала пути развития организации Советских Вооруженных Сил, их технического оснащения и боевой подготовки, стремилась научно определить характер будущей войны, операции и боя на базе марксистско-ленинского учения и практики минувших войн.

В успешном решении этих насущных проблем большую роль сыграли предвоенные пятилетки, позволившие создать прочную материально-техническую базу для реорганизации армии на началах ее широкой механизации и оснащения техникой.

Как известно, к началу первой пятилетки наша страна уступала в количественном и качественном отношении по основным видам вооружения и боевой техники крупным буржуазным государствам в связи с экономической отсталостью, унаследованной от царской России. К тому времени в Красной Армии было 26 тыс. пулеметов, 7 тыс. орудий разных калибров, 200 танков и бронемашин и 1000 самолетов устаревших конструкций. Авиационные, бронетанковые и

технические части составляли лишь 10 процентов общей численности Советских Вооруженных Сил. Слабое оснащение войск техникой и вооружением (к тому же низкого качества) не отвечало задачам, стоявшим перед Красной Армией в условиях нарастающей угрозы военного нападения империалистов на Советский Союз.

В результате экономических преобразований, намеченных пятилетним планом, непрерывного роста промышленности возрастала и техническая оснащенность Красной Армии. Так, если в 1930-1931 годах авиационная промышленность выпускала в среднем в год 860 самолетов, а танковая - 740 танков, то в 1932-1933 годах они уже производили соответственно около 2600 самолетов и 3770 танков. За этот период выпуск стрелково-артиллерийского вооружения возрос с 1911 орудий и 174 тыс. винтовок до 3778 орудий и 256 тыс. винтовок. Эти весьма ощутимые показатели выводили нашу армию на уровень передовых современных армий. Она меняла свой облик количественно и качественно. Создавались новые рода войск, повышался их удельный вес. Шла массовая подготовка технических кадров. Призыв Коммунистической партии "Техника в период реконструкции решает все!" нашел живое воплощение и в армии.

Техническое перевооружение армии, начавшееся в годы первой пятилетки, в корне меняло старое представление о бое и операции, оказывало большое влияние на развитие советской военной теории, пришедшей позднее к разработке основ глубокой операции и тактики глубокого боя.

Дальнейшее упрочение материально-технической базы Красной Армии было достигнуто к концу второй пятилетки. Наша промышленность теперь уже была в состоянии производить все современные технические

средства борьбы, не уступающие по качеству армиям капиталистических государств. Резко возросло количество поступающего в армию и на флот вооружения и боевой техники, особенно стрелкового оружия, артиллерии и самолетов. Так, в 1938 году из промышленности в войска поступило свыше 5000 самолетов, более 12000 орудий, около 75000 пулеметов и до 1 200 тыс. винтовок. Армия получила новое стрелково-артиллерийское вооружение, новые танки и самолеты, шла механизация и моторизация сухопутных войск, росло количество танковых и механизированных соединений и частей, становившихся основной ударной силой. Родились и успешно развивались воздушно-десантные войска.

Изменялся личный состав армии и флота. Следуя призыву Коммунистической партии "Кадры решают все!", учебные заведения страны готовили миллионы специалистов высокой квалификации. В армию призывалась технически подготовленная молодежь не только из городов, но и из сельской местности. Трактористы, комбайнеры и шоферы становились механиками-водителями танков, водителями других боевых машин. В авиацию приходило пополнение, подготовленное Осоавиахимом. В Красной Армии уже не было неграмотных воинов.

Все это оказывало положительное влияние на боевую и политическую подготовку войск, создавало благоприятные условия для широких военно-теоретических исследований с учетом достижений народного хозяйства и науки, новых технических возможностей армии, уровня подготовки личного состава.

Советская военная мысль представляла теперь будущую войну как вооруженную борьбу огромных армий, в которой воюющие стороны преследуют решительные цели - полное сокрушение противника.

Война приобретает колоссальный размах и чрезмерное напряжение. Она не может быть молниеносной, то есть окончиться одной, хотя бы и гигантской, стратегической операцией. Считалось, что вооруженная борьба будет складываться из ряда ударов, образующих систему последовательных операций стратегического значения. Массовые армии, развернувшись, могут создавать сплошной оборонительный фронт, опирающийся на естественные рубежи, преграды, укрепленные районы или полевые оборонительные сооружения. В этих условиях возникает необходимость с помощью современных средств борьбы организовать прорыв обороны для быстрее преодоления ее.

Как известно, в ходе первой мировой войны тактический прорыв обычно не перерастал в оперативный. Операции оставались незавершенными и, следовательно, не достигали намеченных целей. Теория последовательных с затухающих наступательных операций 20-х годов предусматривала нанесение силами фронта двух или одной главного удара. Чтобы противник не мог перебрасывать резервы к участкам прорыва с второстепенных направлений, намечалось еще несколько вспомогательных ударов. При этом общий фронт атаки не должен был превышать половины ширины всей полосы наступления фронта. Считалось, что непрерывные боевые действия могли продолжаться в течение месяца и достигать глубины 150-250 километров, после чего войска прекращали наступление на две - четыре недели для подтягивания тылов и пополнения. Такая последовательность наступления позволяла противнику отводить войска в глубину и организовывать оборону на новых рубежах. Эта теория, базировавшаяся на опыте первой мировой войны, устарела и не отвечала новым требованиям будущей войны.

Поэтому потребовалось разработать принципиально новую теорию наступательной операции, найти такие формы и методы вооруженной борьбы, которые позволяли бы преодолевать сильный огонь сплошного фронта и быстро уничтожать оперативные группировки противника для достижения стратегического успеха.

Советская военная мысль считала, что для решения этих задач необходимо наносить удары огромной пробивной силы по всей глубине оперативного построения обороны противника. Осуществлять такие удары можно только глубоко эшелонированными массами взаимодействующих стрелковых войск, танков и артиллерии при поддержке авиации. Этот способ боевых действий получил название глубокой операции.

Зачатки этой теории можно видеть в исследованиях (проводимых во второй половине 20-х годов) М. Н. Тухачевского, Н. Е. Варфоломеева, А. К. Коленковского, И. П. Уборевича, В. К. Триандафиллова и других{70}, идеи которых нашли отражение в Полевом уставе 1929 года. Большой вклад в создание основ теории глубокой операции внесли ученые Военной академии имени М. В. Фрунзе и сотрудники Штаба РККА Г. С. Иссерсон, Е. А. Шиловский, С. Н. Аммосов, А. Н. Лапчинский, А. И. Седякин, К. Б. Калиновский, С. М. Белицкий и другие, работавшие под руководством начальника Генерального штаба А. И. Егорова и начальника академии Б. М. Шапошникова, занимавшего эту должность в 1932-1935 годах.

С принятием первого пятилетнего плана реконструкции Советских Вооруженных Сил начались поиски новых путей дальнейшего военного строительства, разработки военной теории и более эффективных, отвечающих требованиям времени способов вооруженной борьбы по защите социалистического Отечества. Постановлением РВС СССР эти важные и неотложные задачи возлагались на

Штаб РККА, и прежде всего на его Оперативное управление. К началу 1931 года первый этап этой работы в основном уже был завершен.

За несколько месяцев до своей трагической гибели{71} в 1931 году В. К. Триандафиллов представил Штабу РККА доклад "Основные вопросы тактики и оперативного искусства в связи с реконструкцией армии"{72}, в котором в виде тезисов были изложены основные взгляды на характер глубокого боя и операции и, как он писал, сделана попытка "нащупать общую, генеральную линию в развитии тактики и оперативного искусства" и новых средств борьбы.

По мнению Триандафиллова, главнейший и решающий вопрос тактики заключался в том, что при использовании новых видов вооружений и боевой техники открывалась "возможность одновременной атаки противника на всей глубине его тактического расположения"{73}, одновременного применения нескольких эшелонов танков (ДД - дальнего действия, ДПП - дальней поддержки пехоты и НПП - непосредственной поддержки пехоты), атакующих совместно с пехотой при поддержке артиллерии и штурмовой авиации противника, расположенного в первой полосе обороны. Такой мощный удар придавал атаке скоротечность и стремительность. Глубокое тактическое воздействие на боевые порядки войск противника открывало перспективы и для оперативного искусства, создавало условия для подготовки и ведения современных операций на больших пространствах; при этом глубина одновременной завязки сражения не должна уступать ширине его фронта.

Доклад Триандафиллова вызвал значительный интерес у советского военного руководства.

После широкого обсуждения его в кругу высшего командного состава начальник Штаба РККА А. И. Егоров

и Оперативное управление под руководством И. П. Обысова завершают дело, начатое Триандафилловым. 20 апреля и 20 мая 1932 года в РВС СССР были заслушаны тезисы доклада, названные "Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе"{74}. Высказанные в них мысли представляли большой научный интерес и являлись важным итогом научных военно-теоретических поисков, проводимых в начале 30-х годов. Вскоре на основе положений, выдвинутых в докладе, а также отзывов и замечаний, поступивших с мест, были разработаны Временные указания по организации глубокого боя, которые в феврале 1933 года после утверждения Наркомом по военным и морским делам были направлены в войска как официальное руководство.

Следует отметить, что это было переломное время, когда военное искусство, опиравшееся на опыт первой мировой и гражданской войн, во многом не отвечало новому уровню развития вооруженных сил.

Шаг вперед, сделанный советской военно-теоретической мыслью, создавал верную перспективу дальнейшего развития способов вооруженной борьбы, хотя к этому времени ни одна армия мира еще не имела опыта массированного использования бронетанковой техники, авиации и артиллерии.

Зарождавшаяся новая теория не сразу освободилась от груза старых, необычайно живучих взглядов. Наряду со смелыми и научно обоснованными выводами высказывались устаревшие, для того времени ошибочные положения. Наблюдались и другие крайности; сторонники их отдавали предпочтение наиболее модному роду войск (танкам), увлекались архиреволюционностью, бьющей на сверхоригинальность, и т. и. Так, например, начальник Управления боевой подготовки А. И. Седякин в работе

"Временная инструкция по глубокому бою" пытался свести наступление к одному виду действия - прорыву.

Для того чтобы добиться одновременного взлома всей глубины тактической обороны противника, М. Н. Тухачевский настойчиво предлагал еще до момента атаки пехоты осуществить последовательный, разновременный ввод в бой различных танковых групп: сначала группу танков дальнего действия (ДД), затем группу дальней поддержки пехоты (ДПП) и наконец группы непосредственной поддержки пехоты (НПП).

При этом он утверждал, что "одной из главнейших задач при организации глубокого наступательного боя является обеспечение всеми средствами наступления танков ДД и ДПП, обеспечение ими подавления возложенных на них объектов". И далее: "Артиллерия, авиация... в период, предшествующий пехотной атаке, используются полностью для помощи и обеспечения танков".

Говоря его же словами, которые он часто применял в дискуссиях, это был "танец от старой печки", то есть от первой мировой войны. Точка зрения М. Н. Тухачевского, отдававшего в бою приоритет танкам, некоторое время удерживала перевес.

Ошибочные высказывания были и у К. Е. Ворошилова. Он, например, заявлял, что понимает "глубокий бой как одну из разновидностей боя и только" годную для позиционной войны, где надо будет часто прорывать фронт обороны противника.

Однако в ходе широкого поиска, опытных учений маневров были найдены наиболее правильные взгляды и верные положения, которые послужили прочной основой для последующего развития советской военной науки. На расширенном Военном совете при НКО в декабре 1934 года было определено, что тактика глубокого боя является не видом, а новой формой, новым способом ведения различных видов боевых

действий. В заключительной речи К. Е. Ворошилов, отказавшись от прежних взглядов, признал, что "глубоким боем называется всякий бой... [современный] бой не может быть иным, только глубоким... И вопрос не в том, как понимать глубокий бой, а вопрос в том, как вести этот глубокий бой во всех его разнообразиях, во всех его множественных проявлениях... В этом главная задача, и научиться этому труднее, чем вести схоластические споры..."{75}

На этом же заседании А. И. Егоров в докладе, подводившем итоги разработки теории глубокого боя, признавал ошибочным утверждение, что танки являются стержневой единицей в глубоком бою. Опыт подсказал, что решающую роль играет пехота, и, следовательно, для обеспечения ее боевых действий необходимо использовать все технические средства{76}. Докладчик указал на нецелесообразность громоздкого и не оправдывающего себя в бою трехстепенного построения танков. Создание двух групп танков (ДД и НПП) позволяло добиться более компактного боевого порядка и одновременного его движения в атаку по всему фронту для прорыва позиций противника{77}.

Основываясь на решениях Военного совета при НКО, учтя замечания военных округов и проведя практическую проверку ряда положений в войсках, Штаб РККА окончательно отработал Инструкцию по глубокому бою, которая была утверждена Наркомом обороны СССР 9 марта 1935 года.

Огромную определяющую, даже ведущую роль в проверке теоретических положений тактики глубокого боя на учениях и маневрах, в обосновании обобщающих выводов этой теории сыграли видные военачальники И. П. Белов, Н. Д. Каширин, П. Е. Дыбенко, И. Ф. Федько, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, Д. А. Кучинский, К. А. Мерецков, Б. М. Шапошников и другие.

Завершающим шагом в разработке теории глубокого боя и операции можно считать выход в 1936 году нового Полевого устава (Временный ПУ-36), в котором нашли полное отражение все ее основные положения по всем видам боевых действий. В это же время был подготовлен первый проект оперативного наставления.

Глубоко проанализировав требования стратегии, перспективы перевооружения Красной Армии, опыт первой мировой войны по прорыву сильно подготовленной обороны, а также учтя маневренный характер и глубокие рейды конницы в гражданской войне, советская военная наука находилась на правильном пути, уделяя столь большое внимание разработке теории глубокой операции и тактики глубокого боя. Она вооружала армию целеустремленной перспективой.

Основой для разработки этой теории послужило прежде всего развитие новых мощных средств борьбы - артиллерии, танков, авиации и воздушно-десантных войск, способных не только подавлять и прорывать всю тактическую глубину обороны противника, воздействовать на его ближайшие резервы, но и развивать тактический успех в оперативный с помощью быстроходных мотомеханизированных и кавалерийских соединений во взаимодействии с авиацией, а также изолировать участки прорыва от подводимых противником оперативных резервов из глубины путем воздействия на них сверхдальнобойной артиллерией, авиацией и воздушно-десантными войсками.

В свете этого в конце 20-х - начале 30-х годов были пересмотрены наши взгляды на фронтовые и армейские операции и теоретически разработаны новые формы и способы их ведения.

Глубокая операция включала в себя несколько стадий: прорыв тактической обороны осуществлялся

совместными усилиями пехоты, танков, артиллерии и авиации; развитие тактического успеха в оперативный достигалось вводом через образовавшуюся в обороне брешь массы танков, мотопехоты, механизированной конницы, действиями дальней авиации и высадкой воздушных десантов с целью разгрома резервов и ликвидации оперативной обороны противника; развитие оперативного успеха (оперативное проследование) проводилось до полного разгрома группировки противника, избранной в качестве объекта операции, и занятия выгодного исходного положения для новой операции. Первая стадия является основной, так как без прорыва тактической обороны глубокая операция могла не состояться, то есть срывалась. Осуществляя прорыв, взаимодействующие между собой пехота, артиллерия, танки (несколько эшелонов) и авиация одновременно поражают боевые порядки противника на всю его глубину, одним внезапным, глубоким и мощным ударом ломают его оборону, образуя в ней бреши, и стремятся выйти на оперативный простор. При этом все рода войск действуют в интересах пехоты.

Главное при прорыве - отказ от линейных форм борьбы, глубокое воздействие на противника, заключавшееся в одновременном уничтожении, подавлении, сковывании, окружении и полном разгроме главной группировки, а не выталкивание врага.

Для развития глубокой операции из первой стадии в последующие необходимо вывести подвижные войска (танки, мотопехоту, механизированную конницу), высадить воздушные десанты в оперативную глубину обороны противника. Только при этом условии можно взломать неподвижный фронт и придать вооруженной борьбе маневренный характер.

Для успешного наступления оперативное построение ударной группы должно всегда включать: эшелон прорыва - стрелковые войска (усиленные

стрелковые корпуса); эшелон развития прорыва - подвижные войска (танки, мотопехота, механизированная конница), обладающие большой маневренностью и ударной силой; авиационную группу и группу воздушно-десантных войск. На главном направлении рекомендовалось использовать ударные армии (корпуса), хорошо оснащенные боевой техникой, транспортом и средствами связи.

Другими важнейшими условиями успеха глубокой операции считались: завоевание господства в воздухе, изоляция района сражения от подходящих резервов противника воспрепятствование подачи материальных средств его атакованным войскам.

Теория глубокой наступательной операции выдвигала такой способ ведения боевых действий, при котором ударные, сковывающие и другие группы, эшелоны прорыва и развития прорыва{78}, тактически не связанные между собой, объединяются по фронту и в глубину, на земле и в воздухе в один ударный механизм, обеспечивающий целеустремленное воздействие на всю оперативную группировку противника до полного ее разгрома. При этом возможными формами маневра в наступательных операциях могли быть: фронтальный удар, удар по сходящимся направлениям (двойной прорыв с использованием благоприятной конфигурации фронта), комбинированный удар (организация нескольких так называемых дробящих ударов различной мощности на широком фронте), обход (одного или обоих флангов), окружение.

Разработка глубокой наступательной операции не заслоняла собой развитие тактических и оперативных форм обороны, хотя этому уделялось несколько меньше внимания, поскольку даже в недалеком прошлом оборона не пользовалась популярностью у военачальников. И до первой мировой войны вряд ли

хоть одна армия в мире считала оборону необходимым способом борьбы. Так, во французской армии накануне первой мировой войны "слово "оборона", - писал известный военный деятель Люка, - звучало... столь дурно, что мы не смели ее сделать предметом упражнений на планах, а тем более на местности. Военный теоретик французской армии Гран-мезон еще более определенно заявлял: "Пусть будет проклята та бездарность, которая будет рекомендовать оборонительный способ действий". В русской армии долгое время имело широкое хождение крылатое словечко о "подлой" обороне. Примерно таким было отношение к обороне и в немецкой армии.

Советские военные специалисты, отдавая предпочтение наступлению как основной и решающей форме борьбы, считали неизбежным и необходимым владеть всеми видами оборонительного боя и операции. Основными теоретиками, разрабатывавшими советскую теорию оперативной и тактической обороны, были Н. Я. Капустин, Д. М. Карбышев, А. Е. Гугор, А. И. Готовцев, В. Д. Грендаль, Ф. П. Судаков и другие{79}.

"В современных условиях обороняющийся должен быть готов встретить наступающего противника, атакующего с массой танков на всю глубину обороны", - писалось в Инструкции по глубокому бою. Оборона должна быть прежде всего противотанковой и глубокой, говорилось в полевых уставах 1936-1939 годов. В целом она расценивалась как способ действий, применяемый для выигрыша времени, экономии сил, удержания особо важных районов, для изменения невыгодного соотношения сил. Оборона не самоцель, а лишь средство для оперативного обеспечения и подготовки наступления.

Допускалось два вида обороны: позиционная (упорная) и маневренная (подвижная). Наиболее продуманной и отработанной была теория организации

позиционной обороны, которая должна была успешно противостоять массовым атакам танков и авиации, огню артиллерии наступающего и обеспечить нарастание сопротивления в случае прорыва противника. Армейский оборонительный район должен был состоять из четырех зон: передовой, тактической, оперативной и тыловой, каждая из них включала одну-две полосы. Общая глубина армейской полосы обороны достигала 100-150 километров.

Таковы общие черты содержания теории глубокой операции, или, иначе, теории глубоких форм вооруженной борьбы, разработанной советской военной мыслью к концу 30-х годов. Реальность ее обеспечивалась материально-технической базой, создаваемой быстро развивающейся индустрией Советского Союза.

Техническая реконструкция армии достигла больших успехов. Об этом свидетельствуют следующие показатели, приведенные в докладе Народного комиссара обороны на Внеочередной. 4-й сессии Верховного Совета СССР в 1939 году: количество танков с 1930 года возросло в 43 раза, самолетов - в 6,5, тяжелой, средней и легкой артиллерии - почти в 7, мелкокалиберной, противотанковой и танковой артиллерии - в 70, пулеметов ручных и танковых в 5,5 раза. Если в 1930 году на одного бойца приходилось 3,0 механической лошадиной силы, то в 1939 году - 13, несмотря на то что за это время общая численность армии возросла больше чем в 3,5 раза.

Одновременно было пересмотрено строительство вооруженных сил. От смешанной системы они переходили на единую кадровую основу. К 1936 году численность кадровой армии составляла 1100 тыс. человек, а к 31 августа 1939 года она выросла более чем до 2 млн. человек. Большую часть призывников составляли рабочие и колхозники, получившие общее

образование и знакомые с техникой народного хозяйства.

Таким образом, советская военная теория, отражая практику строительства вооруженных сил, была теорией массовой армии, оснащенной новейшими техническими средствами борьбы.

Теория глубоких форм вооруженной борьбы заняла видное место в научной подготовке командных кадров. Оперативный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе, а затем и Академия Генерального штаба. Управление боевой подготовки систематизировали и проверяли основные положения этой теории на различных учениях и маневрах, уделяли внимание прикладному и расчетному ее оформлению (применительно к фронту и армии).

В печати встречаются высказывания о том, кто был, так сказать, зачинателем или первооткрывателем этой теории. Мне кажется, что поиски конкретных авторов этой теории бесплодны. Теория глубокой операции и глубокого боя, основанная на марксистско-ленинской методологии и богатейшем опыте гражданской и других войн, опиравшаяся на новую материально-техническую базу социалистического государства и военную доктрину, вытекающую из политики Коммунистической партии, была выдвинута самой жизнью. А в ее научном обосновании и проверке положений принимал участие большой коллектив ученых, практиков военного дела и руководящего состава Красной Армии, в том числе Штаба РККА и Генерального штаба.

Приоритет в разработке этой теории, бесспорно, принадлежит советской военной науке. До 1936 года в трудах и в официальных руководствах (исключая книгу Эймансбергера "Танковая война", в которой рекомендовались молниеносные формы танковых ударов) немецкой и других армий не было даже

упоминания об операции и тактике глубокого боя. Правда, в 1935 году немецкий журнал "Милитер Вохенблатт" в статье "Современный Чингисхан" указывал на новизну идей, изложенных в книге Г. С. Иссерсона "Эволюция оперативного искусства", в которой излагались вопросы глубокой операции. Лишь после 1936 года в трудах, опубликованных немецкими генералами, можно встретить, как германская военная мысль довольно в извращенном виде воспринимала советские идеи новых форм вооруженной борьбы{80}. В этом отношении показательна книга инспектора бронетанковых войск немецко-фашистской армии генерала Гудериана "Внимание, танки!", вышедшая в 1938 году. Этот теоретик, не раз жестоко битый в годы Великой Отечественной войны, считал танки единственным средством, способным прорвать оборону и развивать удар. Пехоту он относил к вспомогательным родам войск, которая могла "лишь закреплять успех". Гудериан отвергал тесное взаимодействие танков с пехотой, презрительно называл это "самоубийством". Столь же ничтожная роль отводилась артиллерии и другим наземным родам войск, которые должны были действовать исключительно в интересах танков. Признавалась лишь авиация как средство, способное прикрывать танки с воздуха и сокращать резервы противника. Гудериан предлагал использовать танки в наступлении четырьмя эшелонами примерно в том же построении, которое советские военные специалисты предусматривали еще в 1933-1934 годах. Уверовав в эту далеко не совершенную и отвергнутую нами схему, Гудериан и весь немецкий генералитет ничего другого не придумали до конца второй мировой войны. В связи с этим высказывания генерала Манштейна о том, что в ходе минувшей войны советское командование заимствовало у немцев целесообразную организацию

танков (создание танковых и механизированных корпусов) и переняло их способ глубокого прорыва, находятся в полном противоречии с исторической правдой{81}.

Наши оперативно-стратегические взгляды накануне минувшей войны были изложены на совещании Главного военного совета в декабре 1940 года, о чем будет сказано в четвертой главе.

Великая Отечественная война подтвердила правильность основных положений теории глубокой операции (в первую очередь в использовании эшелонов развития успеха), и особенно с 1942 года, когда наступление советских войск начиналось с прорыва обороны противника, в который в последующем вводились подвижные войска (танковые армии, танковые и механизированные корпуса) для развития оперативного успеха в стратегический.

* * *

В предвоенные годы в развитии военной теории неопределимую роль играли учения и маневры, систематически проводившиеся в военных округах по планам Генерального штаба, а также оперативные игры крупных штабов, военных академий и Генерального штаба. Они являлись наиболее эффективной формой проверки теоретических положений, обогащавших в свою очередь практику строительства, подготовку войск и начальствующего состава вооруженных сил. В те годы продолжалось техническое перевооружение Красной Армии, войска овладевали поступающей во все возрастающих масштабах новой боевой техникой.

Благодаря героическому труду советского народа Красная Армия из технически отсталой превращалась в современную армию, способную в новых условиях, с новым оружием и боевой техникой, надежно защищать первое в мире социалистическое государство.

ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР ставили перед вооруженными силами задачу воспитывать всех красноармейцев, краснофлотцев и командиров подлинными мастерами своего дела, в совершенстве владеющими оружием.

Усилиями НКО, Генерального штаба, военных округов и всех других руководящих и политических органов эти задачи были успешно решены. За выдающиеся достижения в освоении техники, в боевой и политической подготовке только в 1935-1936 годах Советское правительство наградило около 3 тыс. воинов орденами СССР.

Внедрение новой техники изменяло организационную структуру войск, тактику и оперативное искусство, а следовательно, и военную теорию, что особенно интересовало Штаб РККА, а затем и Генеральный штаб. Не случайно поэтому еще в 1929 году на учениях в Белорусском военном округе (БВО), где впервые участвовал опытный механизированный полк (а в следующем году механизированная бригада), присутствовали в качестве руководителей, вместе с Народным комиссаром обороны К. Е. Ворошиловым, начальник Штаба РККА Б. М. Шапошников и начальник Оперативного управления Штаба РККА В. К. Триандафиллов. Опыт использования этих частей на всеармейских и окружных учениях в БВО явился базой для дальнейшей разработки теории и практики применения механизированных войск.

Изменения, происшедшие в организационной структуре, техническом оснащении и боевой подготовке войск, были ярко продемонстрированы на маневрах в Киевском военном округе в 1935 году и в Белорусском военном округе в 1936 году. Они проводились по плану Генерального штаба и при активном участии его представителей.

В маневрах Киевского военного округа участвовали войска всех родов войск и свыше тысячи танков. На них отрабатывались следующие вопросы: прорыв укрепленной оборонительной полосы стрелковым корпусом, усиленным танковыми батальонами и артиллерией РК; развитие прорыва кавалерийским корпусом; применение крупного авиадесанта; маневр механизированного корпуса и кавалерийской дивизии с целью окружения и уничтожения прорвавшейся группировки противника.

На маневрах Белорусского военного округа проверялась летняя боевая подготовка войск. В них участвовали крупные соединения механизированных войск и авиации, артиллерия, стрелковые и кавалерийские соединения, парашютные части.

Мне хочется более подробно остановиться на этих маневрах, поскольку я принимал в них непосредственное участие в должности командира - комиссара 22-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии{82}.

На маневрах присутствовали руководящие работники НКО, Генерального штаба, члены ЦК Коммунистической партии Белоруссии и правительства Белорусской республики. В качестве гостей были приглашены иностранные военные делегации. В состав делегаций входили: от французской армии заместитель начальника генерального штаба генерал Швейцгут, генерал авиации Вайемен и военный атташе полковник Симон; от английской - командир 2-й Олдершотской дивизии генерал Уэйвел, представитель генерального штаба полковник Мартелл, известный в то время как автор работ по танкам, а также полковник Виглсворт; от чехословацкой - командир 4-го пехотного корпуса генерал В. Лужа. Кстати, с фамилией Лужа у меня связано одно интересное воспоминание. В 1945 году, когда войска 2-го Украинского фронта освободили

центр Моравии - город Брно, один из работников штаба фронта, докладывая о партизанском движении в Чехословакии, рассказал, что среди партизан сражался и сын известного чешского генерала Лужи - Радомир Лужа. Когда Радомир узнал, что его отца фашисты подло убили на чешско-моравской границе, он ушел к партизанам, чтобы мстить гитлеровцам и их прислужникам за всех убитых и замученных.

Итак, в первой половине сентября 1936 года в обширном районе восточнее Минска состоялись большие двусторонние оперативно-тактические маневры войск Белорусского военного округа под руководством командующего округом командарма 1 ранга И. П. Уборевича, заместителя командующего и начальника политуправления БВО армейского комиссара 2 ранга А. С. Булина и начальника штаба округа комдива Б. И. Боброва. На маневры во главе с Наркомом обороны Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым прибыли начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. И. Егоров, Маршалы Советского Союза М. Н. Тухачевский и С. М. Буденный, начальник Управления боевой подготовки РККА командарм 2 ранга А. И. Седякин, начальник Управления воздушных сил РККА командарм 2 ранга Я. И. Алкснис, начальник Автобронетанкового управления командарм 2 ранга И. А. Халепский, заместитель начальника Политического управления РККА армейский комиссар 2 ранга Г. А. Осепян, посреднический аппарат, насчитывавший 950 человек начальствующего состава, в том числе 150 слушателей военных академий и столько же работников центрального аппарата и военных округов.

Армией "восточных" командовал комкор Е. И. Ковтюх, начальником штаба был комбриг П. В. Зотин. В состав армии входили: управление 46-го стрелкового корпуса (командир комдив А. П. Мелик-Шахназаров,

начальник штаба полковник В. В. Курасов), 2-я Белорусская стрелковая дивизия (комбриг М. Л. Полунов), 5-я стрелковая дивизия (полковник Д. Н. Гусев), 81-я стрелковая дивизия (комбриг Н. И. Андросюк), 6-я кавалерийская дивизия (комбриг Д. А. Вайнерх), 11-я кавалерийская дивизия (комбриг И. К. Гроссберг), 5-я отдельная мехбригада (полковник Л. А. Менджеричский), 1-я танковая бригада РК (полковник В. В. Фавицкий), 52-я легкобомбардировочная авиабригада (полковник Е. Ф. Логинов), 142-я истребительная авиабригада (комбриг Е. С. Птухин), а также части усиления и обеспечения.

Армией "западных" командовал комкор И. Р. Апанасенко, а начальником штаба был полковник Р. Я. Малиновский. В состав этой армии входили: управление 3-го кавалерийского корпуса (командир комдив Д. Ф. Сердич, начальник штаба полковник Э. Б. Гросс), управление 5-го стрелкового корпуса (командир комдив Е. С. Казанский, начальник штаба полковник А. П. Покровский), 4-я кавалерийская дивизия комбрига Г. К. Жукова, 7-я кавалерийская дивизия комдива Г. М. Штерна, 4-я стрелковая дивизия комбрига Г. С. Иссерсона, 8-я стрелковая дивизия комбрига В. В. Косякина, 37-я стрелковая дивизия комдива И. С. Конева, 3, 4 и 21-я мехбригады под командованием комбригов Н. А. Новикова, Д. Г. Павлова и полковника С. Д. Бобкова, 40-я легкобомбардировочная авиабригада комбрига Я. В. Смушкевича, 84-я истребительная авиабригада полковника В. И. Адриашенко, а также части усиления и обеспечения.

В распоряжении руководства игрой находились 3-я и 7-я авиадесантные бригады, 114-я штурмовая и 9-я тяжелобомбардировочная авиабригады, эскадрилья средних бомбардировщиков и авиаотряд связи.

В общей сложности Белорусский военный округ вывел на маневры 85 тыс. человек личного состава

войск, 1136 танков, 580 орудий, 638 самолетов.

Маневрам предшествовали напряженные отрядные учения, начавшиеся еще 1 августа и продолжавшиеся более месяца. Маневры начались 7 сентября. В 6 часов утра налетом авиации и разведкой боем "противник" начал военные действия на границе. Одновременно производил подвод и сосредоточение войск к району боевых действий. На следующий день отрабатывались вопросы сближения войск сторон и атака оборонительной полосы. Утром 9 сентября были выброшены на парашютах две авиадесантные бригады с целью овладеть крупным населенным пунктом, аэродромами противника и важными переправами до подхода к водным рубежам главных сил наземных войск. Для того времени это было неповторимое зрелище: оно произвело большое впечатление и вызвало чувство гордости нашими достижениями и приоритетом в области использования воздушно-десантных войск.

На четвертый день маневров, то есть в ночь на 10 сентября, войска вели боевые действия ночью. Это также было нашим козырем в подготовке войск. Опыт, приобретенный на учениях и маневрах, пригодился в Великой Отечественной войне, в ходе ее он получил свое дальнейшее развитие. В годы войны мне не раз приходилось организовывать, боевые действия ночью, и каждый раз наши войска одерживали успех. Немецко-фашистские войска в ночном бою, как правило, терпели поражение. Следовательно, и в этом неоспоримый приоритет принадлежал нашей армии.

В 10 часов 10 сентября был дан отбой. В этот же день весь начсостав РККА, участвующий в маневрах, а также иностранные делегации присутствовали на обеде, устроенном руководителями партии и правительства Белорусской ССР председателем СНК Н. М. Голодедом и секретарем ЦК КП(б) Белоруссии Н. Ф.

Гикало. Кроме членов ЦК партии и правительства Белоруссии на обеде были секретарь Калининского обкома партии М. Е. Михайлов и председатель облисполкома В. Ф. Иванов, а также секретарь Западного обкома партии тов. Румянцев и председатель облисполкома тов. Ракитов.

Перед полуторатысячной аудиторией с приветственными речами и тостами выступили Н. М. Голодод и главы иностранных делегаций.

11 сентября командующий округом командарм 1 ранга И. П. Уборевич сделал обстоятельный разбор маневров. Выступивший за ним Народный комиссар обороны маршал К. Е. Ворошилов положительно оценил разработанный замысел учений и безупречное руководство маневрами, а также в целом хорошие действия войск и штабов. Он подчеркнул, что эти маневры являются серьезной боевой "репетицией" и что Белорусский военный округ с честью выдержал экзамен на зрелость. Вместе с тем К. Е. Ворошилов отметил, что еще многое предстоит сделать для улучшения организации ПВО, защиты войск от внезапного нападения, для совершенствования управления войсками и взаимодействия их с ВВС.

В заключение нарком сказал, что Белорусский военный округ считается у нас по праву одним из лучших округов, его войска, его начсостав являются наиболее квалифицированными, наиболее подготовленными в РККА, Белорусский военный округ всегда был наряду с Украинским военным округом резервуаром, откуда мы черпали кадры, главным образом из комсостава, людей для других округов, и призвал к бдительности в связи с нараставшей угрозой войны со стороны германского фашизма и японского милитаризма.

Несколько позднее по действиям войск на маневрах были сделаны теоретические и практические выводы,

сыгравшие большую роль в последующем развитии наших вооруженных сил. По этому поводу начальник Генерального штаба маршал А. И. Егоров отмечал, что на основе итогов и результатов маневров можно сделать ряд ценных тактических и оперативных выводов, особенно в использовании механизированных соединений и конницы.

Утром 12 сентября в Минске состоялся парад войск, участвовавших в маневрах. Перед участниками парада и трудящимися столицы Белоруссии выступил Нарком обороны К. Е. Ворошилов. Для читателя небезынтересно знать, как в то время оценивалась международная обстановка и какие задачи стояли перед Красной Армией, ККО и Генеральным штабом. Позволю себе привести несколько цитат.

Так, говоря о нашем миролюбии, "о страстном желании мира, мы о мире говорим со всей искренностью честных тружеников, со всем убеждением людей, которые знают, что война это прежде всего несчастье для трудящихся всех стран, это несчастье для культуры, это по-счастью для нашей человеческой истории... Но... если на нас нападут... мы будем без извинений, без расшаркивания... драться с... врагом рабочих и крестьян, врагом трудящихся, так, как никто еще не дрался". Маршал говорил о том, что, "невзирая на всякого рода начинания в виде конгрессов мира, в виде деклараций лучших людей современного человечества, призывающих к миру, война тем не менее готовится... Об этом... ответственные политические деятели, не стесняясь, говорят открыто и прямо на весь мир... Эта война подготавливается, эта война возникает, неизвестно, рано или поздно, но она возникнет".

После выступления Наркома обороны части 2, 5, 81-й стрелковых дивизий 16-го стрелкового корпуса, 4, 8 и 37-й стрелковых дивизий 5-го стрелкового корпуса, 4, 7-

й кавалерийских дивизий 3-го кавалерийского корпуса, механизированная и авиадесантная группы прошли торжественным маршем перед трибуной, на которой находились руководители партии и правительства Белоруссии, НКО и Генерального штаба, иностранные гости и представители трудящихся Минска.

После парада были проведены конно-спортивные состязания, на которых отличное мастерство и выучку продемонстрировал командно-начальствующий и рядовой состав кавалерийских частей. В частности, были показаны грациозная верховая езда, рубка лозы, прыжки под руководством одного из известнейших кавалерийских военачальников - П. А. Белова.

Те дни, напряженная работа в Белорусском округе остались навсегда в моей памяти. Многих, кто служил тогда в округе, мне довелось увидеть на полях сражений Великой Отечественной войны: занимая должность начальника штаба фронта, я долгое время работал с И. С. Коневым и Р. Я. Малиновским, встречался с командармами В. Я. Колпакчи и К. А. Коротеевым, а также с Ф. В. Камковым, командовавшим кавкорпусом, и с многими другими, ставшими крупными военачальниками.

Ответы на многочисленные вопросы военной теории и практики (связанные, в частности, с началом будущей войны) Генеральный штаб находил в ходе оперативных и стратегических командно-штабных игр.

Проблемы начального периода войны были всегда в центре внимания Генерального штаба; от успешного и правильного решения их в теоретическом и практическом аспектах зависит стратегическое планирование, мобилизационное развертывание, подготовка и эффективность использования вооруженных сил в ходе всей войны. Поэтому с момента своего образования Генеральный штаб постоянно (хотя и недостаточно) проверял эти проблемы на военно-

стратегических играх и крупных командно-штабных учениях, проводившихся во второй половине 30-х годов.

Показательной в этом отношении была военно-стратегическая игра, проведенная Генштабом по плану оперативной подготовки с командующими войсками приграничных округов 19-25 апреля 1936 года. Она преследовала цель проверить правильность наших оперативных предположений, связанных со складывающейся стратегической обстановкой на западной границе.

Согласно исходным соображениям, утвержденным 20 марта 1936 года Народным комиссаром обороны маршалом К. Е. Ворошиловым, на двусторонней и двухступенной (фронт - армия) военно-стратегической игре, проводимой начальником Генерального штаба маршалом А. И. Егоровым, отработывался возможный вариант боевых действий в начальный период войны (в понимании и толковании того времени), и в частности пограничное сражение, перегруппировка основных сил Западного фронта, действовавшего на главном (Белорусском) стратегическом направлении, вступление наших войск в генеральное сражение против армии агрессора.

Согласно замыслу игры главные события разворачивались на Белорусском театре военных действий. Здесь "красные" имели две смешанные группы прикрытия, пять армий, 1250 самолетов фронтового командования, 250 тяжелых самолетов и 250 средних бомбардировщиков Главного Командования. Действия на Прибалтийском и Украинском театрах рассматривались как вспомогательные. Особое внимание обращалось на отработку вопросов организации взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов, на обеспечение Северо-Западным фронтом правого крыла Западного

фронта, использование нашей тяжелой авиации против врага.

Эта ответственная игра разрабатывалась в Генеральном штабе довольно продолжительное время и с особой тщательностью. Некоторые предположения, сделанные на игре, особенно по возможным формам и способам отражения нападения противника и расчетам сил и средств воюющих сторон, в основном подтвердились событиями 1941 года. Однако ряд положений, отрабатываемых на игре, опирался на устаревший опыт первой мировой войны. Соотношение сил сторон было создано равным; главные силы "красных" уже были в развернутом положении на границе, возможное упреждение противника в сосредоточении войск и открытии военных действий не учитывалось. Ход игры привел стороны к фронтальному, встречному столкновению (напоминающему по форме приграничные сражения 1914 года), которое не имело решительного исхода. Фактор внезапности (немцы, как известно, придавали ему исключительное значение) не нашел в игре необходимого отражения. Таким образом, тогда не удалось всесторонне проверить наши оперативные возможности, выработать оптимальные варианты борьбы с противником. Однако игра дала большой импульс руководящему составу округов и Генерального штаба, заставила их пересмотреть многие отжившие концепции.

Следует подчеркнуть, что на очередной игре, проведенной/ по теме "Армейская наступательная операция в начальный период войны" в 1937 году в Военной академии Генерального штаба (автор принимал участие в разработке задания игры), были учтены многие вопросы, не решенные должным образом в 1936 году.

Таким образом, военная теория и практика, взаимно обогащавшие друг друга, находились постоянно в поле зрения Генерального штаба и служили ему той основой, на базе которой он строил свои оперативные расчеты и предположения, готовил вооруженные силы к защите страны от посягательств империалистических агрессоров.

Глава 3.

Накануне Второй Мировой войны

Международная обстановка к весне 1938 года. Генштаб РККА того времени. Мюнхенское соглашение и военные мероприятия Наркомата обороны. Проект положения о службе Генерального штаба. Пятилетний план строительства Красной Армии на единой кадровой основе (1938-1942 гг.). Доклад начальника Генштаба Б. М. Шапошникова по основам стратегического развертывания вооруженных сил. Отражение японской агрессии у озера Хасан. Производство новейших средств борьбы и оснащение Красной Армии. Разгром японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол. Предложения Генштаба РККА в ходе переговоров с Англией и Францией. Заключение пакта о ненападении с фашистской Германией в августе 1939 года.

Во второй половине 1937 года в капиталистическом мире разразился новый экономический кризис, который еще больше обострил международную обстановку. Особенность его заключалась в том, что он возник после длительной депрессии и поразил прежде всего США, Англию, Францию, Германию, Италию и Японию, перестроившим свою экономику на военный лад, удалось несколько отодвинуть наступление кризиса, повысить общий уровень промышленного производства.

К 1938 году гитлеровская Германия в экономическом отношении заняла ведущее положение. По объему промышленного производства она вышла на второе место после США и все более стала теснить

великие державы империализма на международном и особенно на европейском рынке.

Экономическая экспансия на мировой арене сопровождалась усиленной милитаризацией внутри Германии, развязыванием малых войн.

Еще в марте 1935 года в Германии была введена всеобщая воинская повинность. Через три года немецко-фашистская армия выросла со 104 тыс. до 3 754 тыс. человек. Она имела 3350 самолетов и столько же танков. Для удовлетворения потребностей армии к 1938 году в Германии было построено около 300 новых военных заводов. В 1935 году фашистская Италия захватила Эфиопию (Абиссинию). В марте следующего года Гитлером было разорвано локарнское соглашение и немецкие войска заняли рейнскую зону, которая вскоре превратилась в арсенал фашистской Германии. В июле началась германо-итальянская военная интервенция в республиканской Испании. В марте 1938 года с молчаливого согласия Англии и Франции немецко-фашистские войска оккупировали Австрию. Она была включена в состав германского рейха.

Милитаристская Япония, вероломно захватившая еще в сентябре 1931 года Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), расширяла очаг войны на Востоке. В последующие годы ее войска заняли провинции Жэхэ, Хубэй и Чахар.

В июле 1937 года японцы вторглись в центральные провинции и начали войну за захват всего Китая.

Милитаристская Япония рассматривала войну в Китае как "военную подготовку против Советской России"^{83}, как укрепление тыла для вторжения на север.

Фашистский блок лихорадочно готовился к насильственному переделу мира, раздувая пламя войны, возникшей в отдаленных районах земного шара, до мирового пожара.

Этому всемерно способствовали правительства США, Англии и Франции, проводившие коварную и зловещую политику "умиротворения", которая перерастала в политику "свободы рук" для Германии, Италии и Японии в борьбе против СССР, против освободительного движения народов мира.

В годы нарастания угрозы фашистской агрессии Советский Союз прилагал все усилия к созданию в Европе системы коллективной безопасности. Однако западная дипломатия оставалась глуха к этим призывам.

Поэтому "Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая возросшую опасность войны, делали все/необходимое для укрепления Красной Армии. Перед ней ставилась задача быть готовой в любой момент дать отпор посягательствам империалистических держав на суверенитет и территориальную неприкосновенность советских границ.

Неспокойно было на наших дальневосточных границах. Вторжение Японии в Маньчжурию, а затем в Северный и Центральный Китай сопровождалось провокациями ее военщины против Советского Союза.

В те тревожные годы Наркомат обороны и, в частности, Генеральный штаб, осуществляя решения партии и правительства, направленные на укрепление обороноспособности нашей страны, внимательно следили за развитием международных событий, оценивали их и делали соответствующие выводы.

В конце мая 1938 года в штаб Ленинградского военного округа поступил приказ Наркома обороны о моем новом назначении.

Сдав свои дела начальника штаба округа, я прибыл в Москву и вскоре представился начальнику Генерального штаба - командарму 1 ранга Б. М. Шапошникову{84}.

Непосредственно до этого мне пришлось не раз лично встречаться с Борисом Михайловичем. Впервые я познакомился с ним в 1929 году на Всеармейских учениях, проводимых Наркомом обороны К. Е. Ворошиловым в Белорусском военном округе, где я работал в оперативном отделе. Шапошников возглавлял тогда штаб руководства учением. Помнится, общее внимание привлекала исключительная работоспособность этого замечательного военачальника. Борис Михайлович обладал поистине неисчерпаемой энергией и незаурядным организаторским талантом. На учения привлекалось много войск. По замыслу на них должны были решаться вопросы начального периода будущей войны. Все это усложняло действия штаба, и особенно работу операторов. Но Борис Михайлович сумел организовать нашу работу так, что учения в БВО на многие годы остались в моей памяти как образец порядка, четкости и умелого руководства войсками.

Б. М. Шапошников был не только опытным организатором и работником государственного масштаба, мастером штабной службы стратегического уровня, но и крупным ученым советской военной школы. Еще слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе я вместе с однокурсниками с особым интересом и можно сказать, трепетом прочитал только что вышедшую тогда его книгу "Мозг армии". Она поразила меня широтой взглядов и глубиной постановки исследуемых вопросов. Этот труд был первым произведением, который вводил в сложную и многообразную по объему решаемых задач лабораторию Генерального штаба. В то время у нас еще не было такого органа военного управления, и выход книги ставил в перспективе решение этой неотложной задачи в Красной Армии.

В последующем, когда я служил в Белорусском военном округе, а затем учился на оперативном факультете академии им. М. В. Фрунзе и в Академии Генерального штаба, мною были досконально изучены все три книги капитального труда "Мозг армии" и другие военные произведения Б. М. Шапошникова.

В период мирного строительства, руководя работой штабов или командуя округами, Борис Михайлович уделял много времени развитию теории советского военного искусства. Богатейшая эрудиция в области военной истории, исключительная память и умение смотреть вперед очень скоро выдвинули его в ряды видных военных теоретиков того времени. Б. М. Шапошников активно выступал в газетах и журналах, обобщая в своих трудах боевой опыт Красной Армии. Одновременно он напряженно работал в уставных комиссиях и подкомиссиях.

Опираясь на свои богатые военные знания, умение предвидеть основные направления развития советской военной доктрины, Б. М. Шапошников решительно выступал за активный характер ведения боевых действий, рассматривая наступление как основную и решающую форму вооруженной борьбы; учил командиров творчески изыскивать и применять формы и методы ведения боевых действий, учитывать при подготовке и ведении операций весь комплекс моральных, материальных и политических факторов, оказывающих влияние на войска. Труд "Мозг армии" значительно способствовал быстрому росту командных кадров молодой Красной Армии. В нем сказались все черты Бориса Михайловича как крупнейшего военного специалиста: пытливый ум, чрезвычайная тщательность в обработке и определении формулировок, четкость перспектив, глубина обобщений.

В своей монографии "Мозг армии" Б. М. Шапошников делал научный анализ обширного круга проблем

деятельности Генерального штаба как в историческом, так и в теоретическом плане. В очередной - четвертой книге он намеревался коснуться непосредственно деталей работы Генерального штаба по плану войны работы, составляющей основу всей деятельности "мозга армии"{85}. К общему сожалению, ему не удалось по ряду причин осуществить свою мечту - завершить этот фундаментальный труд, столь необходимый для штабных работников оперативно-стратегического звена.

После теплой встречи: "Здравствуйтесь, здравствуйтесь, голубчик, присаживайтесь!" - Борис Михайлович подробно расспрашивал меня о состоянии Ленинградского военного округа. Затем он сказал: "Теперь вам предстоит работа на более ответственном участке, где более всего потребуются глубокие знания стратегического плана и напряженное, до изнурения, аналитическое мышление. Старайтесь охватить одним взором явление в целом, видеть главное, не упуская при этом из внимания, может быть, на первый взгляд, и мелкие, но, по существу, важные детали.

Вы назначены моим помощником по организационно-мобилизационным и материально-техническим вопросам. В вашем ведении будут находиться весьма ответственные управления".

Закончив беседу, Б. М. Шапошников представил меня Наркому обороны К. Е. Ворошилову.

В то время заместителями Наркома обороны были Л. З. Мехлис, Е. А. Щаденко, Г. И. Кулик. Главное политическое управление возглавлял Л. З. Мехлис. Е. А. Щаденко ведал кадрами и административно-мобилизационными вопросами. Г. И. Кулик отвечал за артиллерийское и стрелковое вооружение Красной Армии (на эту должность он был назначен вместо И. Ф. Федько в январе 1939 года).

Первым заместителем начальника Генштаба был К. А. Мерецков. С ним мне пришлось работать еще в начале 30-х годов, когда он занимал должность начальника штаба, а я - начальника оперативного отдела штаба Белорусского военного округа.

Кирилл Афанасьевич имел спокойный, уравновешенный характер, был аккуратным в работе, требовательным по службе, много трудился над разработкой проблем советского военного искусства. В свое время мне и сотрудникам оперативного отдела, в котором работали Р. Я. Малиновский, В. В. Курасов, А. П. Покровский, Ф. П. Озеров, Г. П. Шанин, К. С. Журавлев, И. А. Кузнецов, А. Ф. Исаев и другие, пришлось вместе с К. А. Мерецковым провести много времени, отработывая проект Инструкции по организации и ведению глубокого боя на опыте учений и маневров, проводившихся в войсках округа. Приятно было сознавать, что мне снова пришлось быть с ним рядом, решая уже более широкие и ответственные задачи по укреплению Советских Вооруженных Сил.

В структуре центрального аппарата Наркомата обороны имелись свои особенности. В частности, наряду с Генеральным штабом существовало самостоятельное Административно-мобилизационное управление. Если Генштаб занимался разработкой общих планов строительства Вооруженных Сил СССР, мобилизационного развертывания армии, составлением мобилизационных заявок для промышленности, то Административно-мобилизационное управление увязывало эти вопросы с организацией войск, доводило планы мобилизации до округов и армий, ведало укомплектованием и службой войск, учетом и статистикой, а также руководило работой военкоматов. Наблюдение за деятельностью этого управления и координацию его действий с Генеральным штабом осуществлял Е. А. Щаденко. Поэтому при решении

организационно-штатных и мобилизационных вопросов мне с ним приходилось встречаться особенно часто.

Руководящие работники НКО и Генштаба работали дружно и слаженно под единым руководством наркома. Однако в отношениях Б. М. Шапошникова и Е. А. Щаденко существовала некоторая натянутость, сложившаяся, видимо, еще в бытность первого начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе, а второго - комиссаром этой академии.

Время, когда мне довелось начать работу в центральном аппарате Наркомата обороны, было тревожным и для армии, и для всей страны. Преодолевать возникшие трудности во многом помогали исключительное спокойствие, такт и выдержка Б. М. Шапошникова. И надо сказать, что в тех сложных условиях коллектив Генерального штаба успешно решал поставленные задачи.

Захватив в марте 1938 года Австрию, фашистская Германия немедленно приступила к подготовке вторжения в Чехословакию. Правительства Англии и Франции, зная об этих приготовлениях, встали на путь политических интриг и заигрывания с Гитлером, пытаясь последовательно принести ему в жертву малые страны Восточной Европы во имя своих корыстных империалистических интересов.

В этих условиях всеобщего мартовского смятения только Советский Союз смело выступил в защиту малых народов Европы. Он призвал все государства, в особенности великие державы, занять твердую, недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного воздействия на агрессора и спасения мира. "Время для этого еще не прошло"^{86}, - уверенно заявляло Советское правительство.

В наступившие тревожные месяцы Советский Союз продолжал прилагать все усилия, чтобы спасти Чехословакию от захвата, расчленения и фашистского

порабощения. В марте, апреле, мае, июне, августе 1938 года Советское правительство вновь и вновь подтверждало свою готовность оказать помощь Чехословакии, если она подвергнется нападению{87}.

20 сентября Советское правительство дало положительный ответ на запрос президента Чехословакии Бенеша, готовы ли мы оказать его стране помощь, если Франция сделает то же самое. Более того, оно заверило чехословацкое правительство, что эта помощь будет оказана даже в том случае, если Франция не выполнит своих обязательств{88}.

О решимости Советского Союза оказать военную поддержку Чехословакии говорят следующие факты.

По указанию Центрального Комитета партии и Советского правительства войска Красной Армии приводились в боевую готовность с задачей, если потребуется, оказать помощь Чехословакии вооруженным путем.

Во исполнение этих указаний 21 сентября в 18 часов Военному совету Киевского Особого военного округа по прямому проводу была передана директива, которая предусматривала создать в районе Волочиск, Проскуров, Каменец-Подольский группировку войск в составе управления винницкой армейской группы, 4-го кавалерийского корпуса (34, 32 и 9-я кавалерийские дивизии), 25-го танкового корпуса, 17-го стрелкового корпуса (96, 97 и 72-я стрелковые дивизии), 23-й и 26-й легких танковых бригад. Для доукомплектования стрелковых соединений разрешалось призвать приписной состав по 8000 человек на дивизию, а также мобилизовать из народного хозяйства лошадей. Корпусные части 17-го стрелкового корпуса полностью укомплектовывались личным составом. Одновременно к госгранице выдвигались дивизии 2-го кавалерийского корпуса.

Для обеспечения действий этой группировки привлекались три истребительных полка, три полка скоростных бомбардировщиков, один полк тяжелых ТБ-3 и авиация округа. Для доукомплектования двух авиабаз также призывался приписной состав.

На следующий день штаб округа донес в Генеральный штаб, что в 4 часа утра директива Наркома обороны была доведена до всех войск и они приступили к выполнению поставленных задач. Оперативная группа штаба округа во главе с командующим С. К. Тимошенко перешла из Киева в Проскуров.

23 сентября в 23 часа 45 минут была передана директива Наркома обороны Военному совету Белорусского Особого военного округа. В ней говорилось следующее.

1. На полоцком направлении, оставив пулеметные батальоны в укрепленном районе, 50-ю стрелковую дивизию выдвинуть в район Горбули, Мышки, Россица, Волынцы. Дивизион бронепоездов сосредоточить на станции Бигасово. 5-ю стрелковую дивизию с 18-й танковой бригадой сосредоточить в районе Полюдовичи, Слободка, озеро Навлицкое. Командование полоцкой группой возложить на командира 4-го стрелкового корпуса.

2. На лепельском направлении 24-ю кавалерийскую дивизию (без одного кавалерийского полка) с 16-й танковой бригадой сосредоточить в районе Заречицк, Новые Вольбаровичи, Добрунь, Небышина, Бегомль, Пустоселье. Один кавалерийский полк 24-й кавалерийской дивизии сосредоточить в Малых Кубличах. 79-й стрелковый полк с гаубичным полком 27-й стрелковой дивизии сосредоточить в районе Малая Черница, Отрубок, Березине. Командование лепельской группой возложить на командира 27-й стрелковой дивизии.

3. На минском направлении сосредоточить: 36-ю кавалерийскую дивизию - в районе Задроздье, Крайск, Ставище; 100-ю стрелковую дивизию - в районе Пухляки, Кривое Село, Ратомка; 2-ю стрелковую дивизию - в районе Курпилево, Карачу, Койданово; 21-ю танковую бригаду - в районе Миронщина, Заболотье; 7-ю кавалерийскую дивизию - в районе Узда; 13-ю стрелковую дивизию - в Минском укрепленном районе. Командование частями Минского района возложить на командира 16-го стрелкового корпуса.

4. На слуцком направлении 4-ю кавалерийскую дивизию выдвинуть в район Тимковичи, Семежево, Гулевичи.

Всем перечисленным войскам выступить в новые районы утром 24 сентября.

Истребительная авиация должна была перебазироваться на передовые аэродромы у границы для прикрытия себежского, полоцкого, минского и слуцкого направлений, а скоростная бомбардировочная - в район Витебск, Орша. Тяжелая бомбардировочная авиация должна была действовать со своих аэродромов. Полеты всей авиации округа разрешалось начать с утра 24 сентября.

В 10 часов 55 минут 24 сентября штаб Белорусского военного округа донес в Генштаб о получении директивы и о начале выполнения поставленных в ней задач.

23 сентября Калининскому военному округу была дана директива о выдвижении 67-й стрелковой дивизии к государственной границе.

Одновременно Ленинградскому, Калининскому, Белорусскому, Киевскому, Харьковскому и Московскому военным округам давались указания о приведении в боевую готовность системы ПВО.

Укрепленные районы вдоль государственной границы и в глубине также приводились в боевую

готовность с вызовом приписного состава.

В боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов, а в ПВО - 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков и ряд отдельных зенитных артиллерийских дивизионов.

Но этим не исчерпывались подготовительные мероприятия Красной Армии. В дни, когда в Мюнхене собрались на совещании главы правительств Англии, Франции, Германии и Италии, чтобы в отсутствие представителей правительства Чехословакии сговориться о ее разделе, когда обстановка стала еще более напряженной, Советский Союз предпринял новые меры по повышению оперативной и мобилизационной готовности своих Вооруженных Сил. В соответствии с указаниями правительства 28 сентября начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников направил срочную телеграмму в Ленинградский, Белорусский, Киевский, Харьковский, Орловский, Калининский, Московский, Приволжский, Уральский, Северо-Кавказский и Закавказский военные округа с приказанием: "Красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до особого распоряжения из рядов армии не увольнять".

Подобные приказы, как известно, отдаются в исключительных случаях, когда назревает военная опасность.

Кроме того, 29 сентября Ленинградскому, Белорусскому, Киевскому военным округам были даны указания в двухнедельный срок призвать на учебные сборы приписной рядовой и младший начальствующий состав для семнадцати стрелковых дивизий, управлений трех танковых корпусов, пятнадцати танковых и нескольких авиационных бригад, тридцати

четырёх авиационных баз. Командный и политический состав призывался полностью из расчёта мобилизационной потребности для всех корпусных частей, стрелковых дивизий, танковых и мотострелковых бригад, а также авиабаз.

В тот же день Калининскому, Харьковскому, Орловскому, Северо-Кавказскому, Приволжскому и Уральскому военным округам были даны указания в двухнедельный срок призвать приписной командно-политический состав во все имеющиеся в них части и соединения из расчёта 250-275 человек на дивизию. Эти указания распространялись также на Московский военный округ и те дивизии Ленинградского военного округа, в которые не вызывался рядовой и младший начальствующий состав запаса.

Следовательно, частичное от мобилизации войск коснулось не только наших западных приграничных округов, но и внутренних округов вплоть до Урала.

Таким образом, мероприятия Советского правительства и военного командования имели широкий размах. Всего в боевую готовность было приведено: 60 стрелковых, 16 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 отдельные танковые, 17 авиационных бригад и другие. В армию было призвано в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава запаса. Кроме того, десятки тысяч младших командиров и рядовых, выслуживших установленные сроки службы и подлежащих увольнению, были задержаны в рядах армии.

Информируя о некоторой части этих мероприятий, Народный комиссариат обороны ещё 25 сентября 1938 года телеграфировал в Париж для передачи французским военным властям:

"Наше командование приняло пока следующие предупредительные меры:

1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.

2. Части соответственно пополнены резервистами.

3. Что касается наших технических войск - авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности" {89}.

28 сентября 1938 гола эта информация была повторена французскому военному атташе в СССР Палассу.

Следует напомнить, что Советский Союз в указанный период не имел общей границы с Чехословакией. Поэтому сосредоточение наших войск происходило у советско-польской границы. В период мюнхенского кризиса правящие круги буржуазной Польши начали сосредоточивать свои войска у границ Чехословакии. В связи с этим 23 сентября 1938 года Советское правительство сделало заявление польским властям о том, что если их войска вторгнутся на территорию Чехословакии, то правительство СССР признает это актом невызванной агрессии и вынуждено будет денонсировать польско-советский пакт о ненападении от 25 июля 1932 года{90}. Это своевременное заявление заставило польское правительство отказаться от опрометчивых решений в отношении Чехословакии.

Мюнхенское соглашение правительств четырех держав - Англии, Франции, Германии и Италии, - политику которых активно поддерживали США, сразу же было оценено мировой общественностью как небывалое по вероломству попрание правящими кругами этих стран жизненных интересов чехословацкого народа. С тех пор слово "Мюнхен" в политическом словаре всех народов стало синонимом предательства, олицетворением политики

попустительства фашистской агрессии и натравливания агрессоров на миролюбивые страны.

О мюнхенском сговоре написано много книг, опубликовано большое количество документов. Они убедительно изобличают неприглядную роль творцов Мюнхена, покрывших себя несмываемым позором, и неопровержимо свидетельствуют о последовательной, твердой и честной позиции Советского Союза, который в те трагические дни оставался надежным другом чехословацкого народа, готовым оказать ему помощь всеми имеющимися средствами, в том числе и военными.

Результаты мюнхенского соглашения, безусловно, развязали руки Гитлеру в Европе и ускорили развертывание второй мировой войны.

Уже отмечалось, что обстановка в Генштабе ко времени моего вступления в должность была довольно сложной. Шел третий год, как Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб. Однако многие стороны деятельности этого высшего органа военного управления были еще недостаточно четко выражены. Разработка Положения о службе Генерального штаба по целому ряду причин затягивалась. На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1936 года проект этого документа должен был быть представлен на утверждение к 1 июня 1936 года{91}. Однако ввиду большой важности и сложности многих вопросов, затрагиваемых этим Положением, как писал заместитель Наркома обороны армейский комиссар 1 ранга Я. Б. Гамарник, было возбуждено ходатайство о выделении дополнительного срока для его доработки{92}.

Члены Политбюро ЦК и правительства (В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, В. И. Межлаук, И. В. Сталин) удовлетворили эту просьбу.

В феврале 1937 года проект Положения о службе Генерального штаба РККА был готов и представлен начальником Генштаба А. И. Егоровым на рассмотрение Наркому обороны К. Е. Ворошилову.

После одобрения, в мае, проект был направлен на утверждение Комиссии обороны, возглавлявшейся в то время В. М. Молотовым, но в силу сложившейся в то время обстановки не был принят.

Варианты проекта являлись ценными документами и содержали интересные и важные положения о штабной службе оперативно-стратегического звена, призванной обеспечить наилучшее управление вооруженными силами в мирное и военное время путем создания сколоченных, четко и безотказно работающих штабов, укомплектованных подготовленными и натренированными командирами Генерального штаба.

На службу Генерального штаба возлагались: разработка оперативно-стратегических планов войны, вопросов организационного строительства вооруженных сил, составление мобилизационных планов; изучение и подготовка театров военных действий; разработка перспектив развития военной техники, совершенствование боевых возможностей видов вооруженных сил; организация оперативной подготовки командного и начальствующего состава; разработка вопросов материально-технического обеспечения вооруженных сил во время войны и т. д.

Для работы в службе Генерального штаба должны были привлекаться прежде всего бывшие слушатели Академии Генерального штаба, а также командиры, которые, работая в больших штабах, показали отличные деловые качества и по своей военно-теоретической подготовке достигли уровня знаний, даваемых Академией Генерального штаба. Третьим источником комплектования должностей, отнесенных к службе Генерального штаба, являлись преподаватели военных

академии при условии, если они "успешно провели полный курс по предметам общевойсковых кафедр, сдали зачет по разработке и проведению оперативной игры в масштабе армейской операции и представили научную работу на оперативную или военно-историческую тему"{93}.

В число обязательных требований, предъявляемых к кадрам службы Генерального штаба, включались: беспредельная преданность социалистической Родине и Коммунистической партии; высокая марксистско-ленинская подготовка, широкий общеобразовательный и военно-теоретический кругозор; глубокие и всесторонние знания войск, методов боевой подготовки и всех видов военной техники нашей армии, а также тактики и оперативного искусства армий ведущих капиталистических государств, их истории, географии, экономики и политики. Главными критериями, определявшими годность кандидатов для зачисления в службу Генерального штаба, являлись их деловые и моральные качества: наличие воли, организаторские навыки, трудоспособность и прилежание, способность к самостоятельному, ясному пространственному мышлению с быстрой реакцией на обстановку, аккуратность, скромность. Кроме того, они должны были хорошо владеть техникой штабной службы, уметь организовать и провести учение в оперативно-стратегическом масштабе, участвовать в военно-научной работе, разработке уставов и наставлений, а также вести самостоятельное исследование тем, намеченных Генеральным штабом. Отставание в этих вопросах, указывалось в проекте Положения о службе Генерального штаба, должно учитываться как основной повод для отчисления из Генерального штаба.

Рассмотрение кандидатур для зачисления в службу Генерального штаба намечалось производить специальной комиссией при Генеральном штабе с

участием представителей Политического управления РККА, штабов военно-воздушных и военно-морских сил, Академии Генерального штаба и отдела кадров по службе Генерального штаба.

Должности начальников штабов бригад и выше, руководящие посты в штабах военных округов, в Генеральном штабе, главных и центральных управлениях НКО и военных академиях должны укомплектовываться командирами службы Генерального штаба. При этом службу в штабах предполагалось чередовать с периодической стажировкой, то есть направлять на некоторое время штабных работников в войска, для того чтобы они получили практику в командовании частями и соединениями.

Лица, окончившие Академию Генерального штаба и зачисленные в состав службы Генерального штаба, но не имевшие опыта командования полком или отдельной частью, подлежали назначению на командные должности сроком не менее года. Наоборот, лица, имевшие достаточный командный опыт, подлежали назначению на должности в Генштаб или штаб военного округа сроком на два-три года. После этого они опять должны были "покомандовать" соединением.

Командиры службы Генерального штаба имели право по вопросам, связанным с изменением оперативных руководств, наставлений, уставов и штабной техники, а также по военно-научным вопросам обращаться к вышестоящему начальнику службы Генерального штаба, минуя своих непосредственных начальников.

Для командиров службы Генерального штаба намечалось установить сокращенные сроки выслуги в воинских званиях (при успешном прохождении службы), а также другие льготы и преимущества.

В рассматриваемых проектах, и особенно в последнем, имелись некоторые недостатки и упущения. Бросалась в глаза излишняя забота о предоставлении командирам Генерального штаба несвойственных духу Красной Армии привилегий при прохождении службы. В них не были отражены вопросы, касающиеся стиля и методов работы, важнейшие проблемы, которые должен решать Генеральный штаб.

В 1938 году советский народ приступил к выполнению третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Дальнейшее строительство Советских Вооруженных Сил также осуществлялось на основе нового военного пятилетнего плана, при составлении которого учитывались экономические возможности нашего государства, международная обстановка, требования военной науки и др.

Пятилетние планы строительства Красной Армии всякий раз рассматривались и принимались ЦК партии и Советским правительством параллельно с пятилетними планами развития народного хозяйства.

Исходные данные для составления пятилетнего плана строительства Красной Армии предварительно готовились всеми управлениями центрального аппарата Наркомата обороны, затем они поступали в Генеральный штаб. На основе их отрабатывались первоначальные соображения для доклада начальнику Генерального штаба и Наркому обороны. После одобрения материал поступал в специально выделенный отдел, отвечавший за разработку варианта проекта плана в целом. В частности, проект третьего пятилетнего плана строительства РККА разрабатывал один из талантливых генштабистов (временно исполняющий должность начальника 4-го отдела Генштаба) комбриг С. Н. Красильников.

На основе предварительных соображений о развитии РККА в третьей пятилетке и исходных данных, полученных в мае и июне от управления, отделов и отделений, С. Н. Красильников в течение нескольких суток в конце августа 1937 года отработал и написал от руки проект доклада "Перспективный план развития РККА, 1938-1942 гг.". После этого он неоднократно рассматривался начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым и Наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. Окончательно отредактированный и отпечатанный вариант плана 27 ноября 1937 года был представлен руководителям партии и правительства, а через день утвержден.

Следует отметить такую деталь. Все важнейшие планирующие документы Генштаба после утверждения в Политбюро ЦК и СНК всегда подписывались несколькими ответственными лицами. И. В. Сталин строго придерживался установленного порядка, и подобные документы единолично им не подписывались. И на этот раз на титульном листе третьего пятилетнего плана строительства Красной Армии стояли подписи красным цветом "за" - И. Сталина, К. Ворошилова и других.

При составлении варианта плана строительства Красной Армии Наркомат обороны и Генеральный штаб учитывали продолжавшееся обострение политической обстановки в центре Европы, а также на Дальнем Востоке, которое могло привести к неожиданному вооруженному конфликту на наших границах; гонку вооружений; наращивание мощи военно-морских сил во всех капиталистических странах, и в первую очередь в Германии и Японии, а также прогрессирующее развитие науки и техники.

Исходя из характера будущих вооруженных столкновений и возраставших на основе успехов социалистического строительства материально-

технических возможностей страны, план предусматривал всемерное повышение ударной силы и маневренности стрелковых войск, артиллерии (РГК и войсковой), воздушных и военно-морских сил, создание крупных автобронетанковых соединений РГК оперативного назначения, дальнейшую моторизацию войскового и армейского тыла.

Смешанная система строительства РККА отменялась: был взят курс на создание кадровой армии. Отмобилизование РККА (в военное или мирное время) должно было осуществляться поочередно, в зависимости от накопления материальных ресурсов и степени подготовки людских контингентов.

Примечательно, что, переходя к созданию вооруженных сил на единой кадровой основе, ЦК ВКП(б) и Советское правительство не стремились форсировать их численности: за пять лет они должны были возрасти всего лишь на 175 тыс. человек. К концу пятилетки армия могла обучить около 70 процентов очередного призывного контингента молодежи. При этом имелось в виду, что строительство Красной Армии удастся осуществить в условиях бесконфликтного развития международной обстановки и преобладания мирных тенденций в мировой политике вопреки агрессивным устремлениям фашистских государств.

Генеральный штаб в то время допускал, что в ближайшем будущем не произойдет перерастания локальных, ограниченных войн в новую мировую войну. Поэтому ставка делалась прежде всего на максимальное совершенствование, оттачивание качественной стороны армии, особенно в области вооружения, организационной структуры и системы управления.

Увеличивалась емкость подразделений. Во всех легких танковых бригадах предусматривалось иметь во взводе пять танков. Расширялся танковый резерв

Главного Командования: пять легких танковых бригад переформировывались в тяжелые бригады РГК; за счет боевой техники, получаемой из стрелковых войск и кавалерии, где танковые батальоны заменялись танковыми ротами, формировалось семь танковых полков РГК.

Артиллерия - основная огневая сила сухопутных войск - делилась на войсковую, резерва Главного Командования и противовоздушной обороны (ПВО). Войсковая артиллерия увеличивалась за счет создания в стрелковых дивизиях второго артиллерийского полка, дивизиона, противотанковых орудий и полковых минометных взводов. Кроме того, в 20 стрелковых корпусах создавалось по два артиллерийских полка. Общее количество войсковой артиллерии возрастало с 6810 (пушек - 4434, гаубиц - 2376) до 8900 (пушек 4284, гаубиц 4616) орудий.

Артиллерия РГК по количеству формирований почти не увеличилась, но ее парк возрастал с 768 до 1029 орудий. Смешанные полки корпусной артиллерии упразднялись, оставались только пушечные и гаубичные полки (крупного калибра и особой мощности), которые перевооружались более современными образцами орудий.

Удельный вес тяжелых орудий в артиллерии РГК возрастал почти в два раза.

Артиллерия ПВО имела 20 зенитных артиллерийских полков и 22 отдельных дивизиона. К концу пятилетки намечалось создать еще несколько таких полков и 15 дивизионов. Количество зенитных орудий возрастало с 1164 до 2028 (из них 37-мм орудий - 360) единиц.

В химических войсках предусматривалось переформировать соединения и части смешанного типа в однотипные танковые химические бригады, батальоны и отдельные минометные батальоны. Общая

численность химических войск в мирное время оставалась без изменений.

Серьезной реорганизации подверглись автомобильные войска. Из 32 автомобильных батальонов и 10 рот (различного состава) создавались 8 автомобильных полков, которые в военное время должны были развернуться в 18 автомобильных бригад (по 3000 автомашин в каждой).

Инженерные войска менялись незначительно. В этих дополнительно развертывалось два батальона для наведения наплавных мостов.

Совершенствование войск связи предусматривалось исходя из потребностей внутри каждого рода войск.

По плану развития Красной Армии особенно крупные изменения предусматривались в Военно-Воздушных силах. Прежде всего намечался дальнейший качественный рост авиации. Одновременно предстояла радикальная перестройка всех войсковых формирований, их тылов с целью увеличить подвижность, маневренность боевых частей. Все авиационные бригады и эскадрильи должны были содержаться без тылового и хозяйственного аппарата. Прежние громоздкие эскадрильи каждого вида авиации заменялись более подвижными и маневренными: в бомбардировочной и других эскадрильях намечалось иметь по 12, а в истребительной - 15 самолетов. В состав бригад (кроме истребительных) включалось пять эскадрилий: истребительная бригада имела четыре эскадрильи. Все бригады предполагалось свести в авиационные корпуса (по две - четыре бригады в каждом).

Выполнение вышеприведенного плана строительства Красной Армии предполагалось осуществить поэтапно. Все организационные мероприятия в стрелковых войсках, кавалерии, химических и инженерных войсках, войсках связи

должны завершиться в 1938 году, а в артиллерии РКК и автомобильных частях - в 1939-м.

У бронетанковых войск, Военно-воздушных сил и Военно-Морского Флота была более сложная программа, поэтому выполнение ее планировалось до 1941 года.

Такая последовательность выполнения плана была посильна нашей экономике, не противоречила внешнеполитической обстановке и не создавала штурмовщины.

В соответствии с планом развития и реорганизации РККА на предстоящее пятилетие Комитет Обороны в ноябре 1937 года утвердил мобилизационный план на 1938-1939 годы. Его подробный анализ позволит проследить, в какой степени прогнозы и расчеты НКО и Генеральной штаба были верными и близкими к реальным, насколько они отвечали военно-стратегическим возможностям страны.

Я глубоко убежден, что Генеральный штаб - это не только директивный орган управления и руководства вооруженными силами, аппарат, осуществляющий аналитическую и широкую обобщающую деятельность в военной области, но и своего рода "недремлющее око", постоянно устремленное вперед, в будущее. Имеется в виду, что важнейшим элементом в деятельности Генштаба должно быть глубоко научное планирование с далекой перспективой.

Мне припоминается по этому поводу примечательная беседа с Б. М. Шапошниковым, которая происходила после посещения последним И. В. Сталина. В ходе доклада, рассказывал Б. М. Шапошников, он намекнул И. В. Сталину о своей большой загруженности текущими делами. Выслушав доклад, И. В. Сталин слегка усмехнулся, а потом заметил, что начальник Генерального штаба обязан спланировать свою работу так, чтобы текущие дела не занимали у него более

четырёх часов в суши. Остальное время он должен лежать на диване и думать только о будущем. Видимо, И. В. Сталин хотел этим подчеркнуть, что Генеральному штабу необходимо постоянно осуществлять далекое прогнозирование, глубокий научный анализ вероятных тенденций и перспектив развития военного дела, искать наиболее приемлемые пути укрепления мощи Советских Вооруженных Сил.

Вся планирующая документация по строительству Красной Армии и мобилизации людских и материальных ресурсов может оказаться беспредметной, если она не будет отражать реальных потребностей обороны страны, не будет подкреплена тщательно продуманными расчетами и соображениями НКО и Генерального штаба по основам стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил на случай возникновения угрозы нападения на нашу страну империалистических агрессоров.

Несомненно, что соображения такого порядка являются плодом глубокого анализа внешнеполитического и военно-стратегического положения Советского государства, продумывания всех возможных вариантов стратегических действий, которые необходимо было бы предпринять на угрожаемом театре войны, чтобы успешно решать задачи по защите государственных интересов Союза ССР. Эта область деятельности всякий раз является интеллектуальным состязанием противостоящих генеральных штабов в умении правильно прогнозировать и верно представлять ход предстоящих событий. Много слагаемых лежит в сумме тех научных знаний, которые позволяют глубоко проникнуть в святая святых - сферу вероятного стратегического планирования верховного руководства вражеского государства. От того, насколько своевременно будут вскрыты намерения противника и приняты меры

предосторожности или достаточно убедительные и весомые ответные действия, во многом зависит судьба государства.

Учитывая исторические прецеденты в данной области, разработка таких соображений в последнем варианте производилась, как правило, лично начальником Генерального штаба после предварительного и тщательного обсуждения всех важнейших аспектов данной проблемы со своими ближайшими помощниками.

24 марта 1938 года начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников представил на рассмотрение Народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову доклад по вопросам стратегического развертывания РККА.

13 ноября 1938 года основные положения этого доклада по Западному и Восточному театрам войны были изложены на Главном военном совете и получили в основном одобрение.

Доклад состоял из шести разделов, в которых рассматривались наиболее вероятные противники, их вооруженные силы и возможные оперативные планы, основы стратегического развертывания Красной Армии на западе и на востоке.

Мне по долгу службы пришлось тщательно изучить этот документ. С тех пор прошли десятилетия, многое забылось, однако основные положения доклада остались в моей памяти навсегда.

Сделанные в нем прогнозы о вероятных намерениях противника и сосредоточении его основных усилий были исключительно верными. В последующем, конечно с учетом поправок на время и обстановку, они получили веское подтверждение всем ходом событий. При этом следует учесть, что Генштаб РККА в тот период не располагал документальными данными оперативных планов противников. Поэтому Б. М. Шапошников сделал

оговорку, что все выводы доклада были построены главным образом на наиболее вероятных предположениях.

Краткое содержание основных положений доклада, в котором давались оценки вероятных противников и рассматривались их вероятные намерения, сводится к следующему.

Главным и опасным врагом считался фашистский блок - Германия и Италия, поддерживаемые империалистической Японией. Политика правящих кругов этих стран была направлена на обострение отношений с Советским Союзом вплоть до вооруженного столкновения. Однако к тому времени эти враждебные нам государства для осуществления агрессии против СССР не имели еще достаточных материальных возможностей, выгодных внешнеполитических позиций и свободы рук в отношении СССР, того перевеса сил, который, по моему мнению, был необходим.

Колеблющаяся политика Англии и Франции потворствовала фашистскому блоку в развязывании агрессии на востоке, и в первую очередь против Советского Союза, накладывала отпечаток на поведение Румынии, Болгарии и Турции, а также Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы. Указанные государства под давлением Германии и буржуазной Польши все более склонялись на их сторону. Предполагалось, что Иран и Афганистан будут сохранять вооруженный нейтралитет.

Второй очаг войны мог возникнуть на востоке. Считалось, что Япония (хотя она и увязла в войне с Китаем) имеет достаточно сил, чтобы, опираясь на маньчжурский плацдарм, напасть на СССР в момент выступления против него государств фашистской коалиции.

Таким образом, делал вывод Б. М. Шапошников, Советскому Союзу надо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе - против фашистской Германии, Италии, Польши и тяготевших к ним Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, а на востоке - против Японии.

Тщательный анализ показывал, что в случае войны на два фронта противник может сосредоточить у границ СССР 194-210 пехотных, 4 моторизованные, 15 кавалерийских дивизий, 13077 орудий, 7980 танков, 5775 самолетов. Предполагалось, что на западе из этих сил будут действовать 130-140 пехотных, 4 моторизованные и 12 кавалерийских дивизий, 8500 орудий, 6380 танков и 4136 самолетов (не считая войск Румынии, выступление которой в тот период считалось маловероятным, хотя и не отвергалось полностью).

Допускалось, что при возникновении конфликтной ситуации Литва подвергнется оккупации со стороны фашистской Германии и буржуазной Польши.

Таким образом, исходя из оценки международной обстановки, изучения вероятных противников, предполагаемого развертывания их сил и средств, делался вывод, что главные и наиболее опасные противники СССР находились на западе. Поэтому Западно-Европейский театр войны рассматривался первостепенным основным, где и намечалось сосредоточить главные силы наших войск.

Решая свои задачи, генеральный штаб любого государства стремится к тому, чтобы не только выявить силы, которые может выставить противник, но и определить оперативно-стратегические замыслы их использования. Верность таких прогнозов в значительной мере зависит от степени знаний уровня военного искусства вероятного противника, стиля руководства его высших звеньев управления, характера

сложившейся коалиции, а также особенностей театра войны.

Немецкие генералы, склонные к педантизму и преувеличению значения географических факторов, в своих расчетах при планировании войны против СССР считали район реки Припять сложной и трудноразрешимой стратегической проблемой{94}. Исходя из этого, они избегали развертывать свои войска и вести боевые действия в этом районе.

Учитывая опыт, традиции и сложившиеся методы оперативного мышления противника, Б. М. Шапошников считал, что Германия и ее сателлиты могут сосредоточить свои главные силы к северу или к югу от Полесья. Решение этого вопроса будет зависеть от внутривосточного положения, которое утвердится в странах Центральной и Восточной Европы, и их позиции, которую они наймут по отношению к Украине, крупному промышленному и сельскохозяйственному району СССР.

Армии прибалтийских стран и Финляндии могут быть использованы Германией для концентрического удара на Ленинград и для того, чтобы отрезать Ленинградскую область от остальной территории страны.

Действия военно-морских сил противника представлялись следующим образом: немецкий флот будет осуществлять крейсерские операции и рейды подводных лодок в Баренцевом и Белом морях с целью блокады портов Мурманска и Архангельска, а в Балтийском - попытается добиться господства на море и оттеснить наш флот к востоку от Гогланда; в бассейне Черного моря возможно появление кораблей итальянского флота, а также немецких подводных лодок.

Далее в докладе рассматривались планы возможного развертывания главных сил вероятных

противников Советского Союза на его Западном и Восточном театрах войны.

Предполагаемые действия противника на нашем Западном театре войны (для него Восточный) были представлены в двух вариантах.

Первый вариант (Б. М. Шапошников отдавал ему предпочтение, считал основным, решающим) предусматривал развертывание главных сил германо-польских армий севернее Полесья. Предполагалось, что в составе их может быть до 90 дивизий (пехотных - 56 немецких, 20 польских, 4 латвийские; моторизованных - 4 немецкие; кавалерийских - 4 немецкие, а также 8 польских кавалерийских бригад){95}. Группировка имела 5500 орудий, 3800 танков и танкеток и 2700 самолетов. Наиболее угрожаемыми направлениями считались: витебское со стороны немцев и минское со стороны поляков.

Группировка, развертывавшаяся южнее Полесья, могла иметь в своем составе 40 польских пехотных дивизий и 13 кавалерийских бригад, 2000 орудий, 2500 танков и танкеток и 1000 самолетов. Своими активными действиями она должна была способствовать успеху на главном направлении.

По второму варианту ожидалось развертывание главных сил германо-польских армий к югу от Полесья. Здесь могло быть сосредоточено около 93 дивизий (немецких дивизий: пехотных - 44, моторизованных - 4, кавалерийских - 3; польских: пехотных дивизий - 35 и кавалерийских бригад 13), с общей численностью 5332 орудия, 4700 танков и танкеток, 2800 самолетов. Считалось, что удар главных сил противника будет нацелен на Киев.

К северу от Полесья при данном варианте можно ожидать развертывание более 43 дивизий (пехотных: 12 немецких, 25 польских; 4 латвийские и одна немецкая кавалерийская дивизии и 3 польские кавалерийские

бригады). Эта группировка имела 2168 орудий, 1600 танков и танкеток, 900 самолетов. Указанные соединения своими действиями должны были обеспечить успех главной группировке, действовавшей южнее Полесья.

Примерный срок окончания развертывания немецко-польских армий по первому варианту определялся в 20 дней. По второму варианту сосредоточение главных сил к югу от Полесья могло продолжаться 28-30 дней.

Предполагалось, что на северо-восточном направлении (со стороны противника) Финляндия выдвинет на межозерный перешеек (между Онежским и Ладожским озерами) 2 пехотные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду, а на Карельский перешеек - 7 пехотных дивизий. Эстония может сосредоточить на кингисеппском направлении 7 пехотных и на псковском направлении 3 пехотные бригады. На этом же направлении могут быть развернуты 2 латвийские пехотные дивизии. В составе войск, предназначенных для действий на северо-восточном направлении, находились 1000 орудий, 80 танков, 436 самолетов. Все группировки войск этих стран нацеливались для нанесения ударов в направлении Ленинграда.

Развертывание румынской армии ввиду возможного нейтралитета этого государства не рассматривалось.

На нашем Восточном театре военных действий ожидалось развертывание японской армии, в состав которой должны войти 27-33 пехотные дивизии, 4 охранные и 5 кавалерийских бригад, 2827 орудий, 1400 танков и 1000 самолетов. Ее главные силы будут сосредоточены в течение 22-25 дней в районе Гирин, Мулин, Цзямусы, Люньчжень, Цицикар, Мукден, где противник имел достаточно развитую сеть железных дорог и аэродромов.

Действия японских войск представлялись следующим образом. Группировка (основные силы),

сосредоточенная в восточной части Маньчжурии, где шло интенсивное строительство железных дорог к нашим границам, нанесет главный удар на южную часть советского Приморья, Иман, а также на Благовещенск; части и соединения, расположенные в западных районах Маньчжурии, опираясь на отроги Большого Хингана, перейдут к активной обороне; подвижные части (конница и танки) и одна-две пехотные дивизии, находящиеся в районе Долоннора и Калгана, перейдут в наступление на территорию Монгольской Народной Республики (МНР).

Кроме того, японцы могли высадить десанты как на материк, так и на Камчатку, а также начать наступление из южной части Сахалина на север.

До развертывания главных сил первый эшелон японской армии - 12 дивизий, находящихся в Северной Маньчжурии и Корее, - из-за своей слабости вряд ли начнет активные действия.

Исходя из приведенной оценки сил вероятных противников, их предполагаемого стратегического развертывания и возможных задач, в докладе рассматривались основы стратегического развертывания Красной Армии.

В случае агрессии на Советский Союз первостепенная задача РККА заключалась в том, чтобы нанести решительное поражение противнику как на западе, так и на востоке. Отсюда стратегическое развертывание на два фронта считалось основным. Поскольку наиболее опасная коалиция противника, а отсюда и определяющий театр войны находились на западе, здесь намечалось сосредоточить и наши главные силы.

Генеральный штаб признавал, что по количеству и численности стрелковых дивизий на главном направлении мы несколько уступали противнику, но по танкам и авиации имели незначительный перевес.

Для прикрытия других границ СССР кроме погранохраны предназначались следующие минимальные силы: на Северном побережье - запасные части; на Черноморском побережье - подразделения и части береговой обороны, запасные части.

Исходя из вероятных намерений противника, стратегическое развертывание РККА на западе предусматривалось также в двух вариантах.

По количеству орудий, а также по танкам и самолетам, тактико-технические данные которых были не хуже, а по отдельным образцам даже лучше, чем у противника, мы имели некоторое превосходство над врагом. Поэтому считалось, что оборона советских войск, действующих к югу от Полесья, может быть не только устойчивой, но и активной.

В случае перехода наших войск в контрнаступление (как ответной меры против агрессора) они, говорилось в докладе, нанося главный удар к северу от Полесья, могут встретить главные силы германской армии, вероятнее всего, в районе Свенцяны, Молодечно, Гродно. Если же немцы вступят на территорию Латвии, то, возможно, частью сил они поведут наступление вдоль правого берега Западной Двины. В районе Барановичей, видимо, будут действовать польские войска.

Развертывание нашей армии на главном направлении прикрывали кавалерийские корпуса, которые должны были вести разведку в направлениях Молодечно и Новогрудок. Советские войска, сосредоточенные к югу от Полесья, основными силами должны были перейти к активной обороне. Действовавшие здесь кавалерийские корпуса должны прикрывать развертывание армий, вести боевую разведку на фронте Ровно, Броды, река Днестр.

Предусматривалось, что Финляндия, Эстония и Латвия выступят против СССР; их части и соединения

создадут общий фронт с войсками немцев и поляков. В этом случае стратегическое развертывание советских войск на Северо-Западном направлении должно было обеспечить в первую очередь прочную оборону Ленинграда и господство нашего флота в Финском заливе.

По второму варианту (менее вероятному, но возможному) планировалось развернуть наши главные силы южнее Полесья.

Войска, находившиеся севернее Полесья, должны были активной обороной обеспечить устойчивость фронта, прикрывая особенно надежно направления на Великие Луки и Смоленск.

Эти войска по количеству дивизий незначительно уступали противнику, но превосходили его в боевой технике. Это позволяло ставить перед ними активные задачи: наступать из района западнее Минска на Ошмяны и Новогрудок.

Силы и средства, выделяемые для обеспечения Северо-Западного стратегического направления, оставались прежними.

Следует сказать, что сроки окончания сосредоточения наших войск по второму варианту по сравнению с первым несколько затягивались. Это объясняется тем, что железнодорожная сеть на юге и юго-западе СССР была развита недостаточно. При составлении плана обороны границ Советского Союза на западе предусматривалось использовать Военно-воздушные силы и Военно-Морской Флот.

При всех вариантах развертывания Военно-воздушным силам ставились следующие общие задачи: вести борьбу с авиацией противника, наносить удары по его аэродромам, воспретить железнодорожные перевозки противника, наносить удары по крупным группировкам врага и содействовать в бою нашим

войскам, производить налеты на важные военные объекты и т. д.

Военно-Морской Флот, активно содействуя сухопутным силам, должен был силами Черноморского флота преградить путь кораблям противника через Босфор в Черное море; активно оборонять наши берега от прорвавшегося в Черное море подводного флота вероятных противников; не допустить высадки десантов на побережья Крыма и Кавказа и др. Силами Северного флота прочно оборонять Мурманск и все остальное побережье Кольского полуострова; вести крейсерские операции подводными лодками на морских коммуникациях противника и др. Силами Краснознаменного Балтийского флота уничтожать боевой флот противника; постановкой мин и действиями подводных лодок закрыть проход кораблям противника в Финский залив; вести борьбу с немецким флотом в случае его появления в Финском заливе; не допускать высадки десантов противника и др.

По плану стратегического развертывания на востоке наши войска должны были не допустить вторжения японских войск в пределы советского Дальнего Востока, нанести им решительное поражение в Северной Маньчжурии и удержать за собой побережье Тихого океана, Сахалин и Камчатку. Особое внимание обращалось на оборону Приморья: удержать его нужно было при любых обстоятельствах. Здесь не допускалось ослабление нашей группировки, поскольку с юга этому району угрожали японские дивизии, базировавшиеся в Корее.

Для своевременной переброски войск и техники предусматривалось увеличить пропускную способность Амурской железной дороги и ускорить укладку второй колеи.

Изложенный выше план стратегического развертывания отражал оперативно-стратегические

взгляды руководства НКО и Генерального штаба на характер обороны Советского государства и использование Советских Вооруженных Сил на основных и второстепенных театрах войны.

В то время считалось, что для обороны Советского Союза, как страны неагрессивной, достаточно иметь в мирное время сравнительно небольшую армию прикрытия, богато оснащенную современной боевой техникой и вооружением. Эта армия, по мысли Б. М. Шапошникова, опираясь на заранее подготовленные оборонительные рубежи, могла отразить удары первого эшелона армии вторжения агрессора, обескровить его в приграничных сражениях и с подходом наших главных сил перейти в решительное наступление, с тем чтобы перенести вооруженную борьбу на территорию врага.

Методы и способы стратегического развертывания, принятые в плане, отражали главным образом опыт первой мировой войны, особенно ее начальный период. Учитывалось также все то новое, что в той или иной степени проявилось в боевой практике развязанных империалистами локальных агрессивных войн.

Разгромить первый эшелон главной группировки вероятного противника предусматривалось путем стратегического наступления на одном, решающем направлении в сочетании с активной обороной на других, второстепенных участках. При этом огромное значение придавалось широкому использованию стратегических резервов, военно-воздушных и военно-морских сил.

В плане хотя и не предусматривалось количество фронтовых объединений, однако четко вырисовывались три стратегических направления на Западном театре войны: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное. Главным из них считалось Западное. В определенных условиях основные усилия могли быть перенесены и на Юго-Западное направление.

Ядром вражеской коалиции признавалась фашистская Германия, которая на первом этапе агрессивной войны против СССР заинтересована была, сохраняя за собой прибалтийские страны, искать решения своих стратегических задач совместно с польскими войсками на центральном (минско-смоленском) направлении.

Следует признать, что советская военная мысль, ее стратегические взгляды находились в тот период на верных позициях и намечали правильные пути защиты государственных интересов Советского Союза на Европейском континенте.

* * *

Ранее отмечалось, что империалистическая Япония, оккупировав Маньчжурию и развязав войну с Китаем, создала напряженную обстановку на Дальнем Востоке.

Японская военщина не скрывала своих агрессивных намерений. Бывший главнокомандующий японскими войсками в Центральном Китае генерал Мацуи писал: "Значение создания Маньчжоу-Го заключается не только в обороне против расширения влияния СССР с севера, но и далее - в вытеснении его с востока"{96}.

За пять лет Квантунская армия в Маньчжурии увеличила свою численность почти в шесть раз. Она к началу 1938 года имела около 300 тыс. человек, 1200 орудий, 440 танков и 500 самолетов{97}. Готовясь к нападению на СССР, японские войска тщательно учились воевать в горно-лесистой местности с суровыми климатическими условиями.

Наращивание сил в Маньчжурии сопровождалось бесчисленными провокациями японцев на советской границе. Особенно часто они повторялись в Приморье, а также на реке Амур, у Благовещенска и Хабаровска.

Напряженная обстановка заставляла все больше и больше усиливать наши войска на Дальнем Востоке. Много энергии проявил в укреплении дальневосточных

рубежей Маршал Советского Союза В. К. Блюхер - известный стране военачальник, бессменный командующий Дальневосточным фронтом. Он досконально знал специфику Дальневосточного театра военных действий, коварство и авантюризм японской военщины, убедительно отстаивал перед Главным военным советом и перед правительством все свои предложения, направленные на дальнейшее укрепление советско-маньчжурской границы. Когда по плану организационных мероприятий на 1938 год было предусмотрено усилить Дальневосточный фронт всего лишь на 10 тыс. человек, В. К. Блюхер немедленно направил встречные предложения - увеличить войска фронта на 96-103,4 тыс. человек. Отклонив их, Народный комиссар обороны маршал К. Е. Ворошилов разрешил увеличить численность войск на востоке не более чем на 23,5 тыс. человек, мотивируя следующим: "Этого нельзя сделать не только потому, что у нас исчерпан лимит, но и потому, что тов. В. К. Блюхер не сможет и за ряд лет разместить такого количества народа. Для дела этого не требуется". Однако В. К. Блюхер настоял, чтобы этот вопрос был рассмотрен на Главном военном совете при его личном участии.

Тщательно обсудив глубоко аргументированные и обоснованные с военной, экономической и внешнеполитической стороны предложения командующего, Главный военный совет нашел их правильными и принял решение дополнительно усилить советские войска на Дальнем Востоке на 72,3 тыс. человек. Всего за 1938 год войска Дальневосточного фронта должны были увеличиться на 105 800 человек, а на капитальное войсковое строительство получить почти в два раза больше денежных средств, чем в 1937 году.

Дальновидность и своевременность этих предложений В. К. Блюхера были подтверждены всем

ходом дальнейших событий.

Японские милитаристы, стараясь угодить европейским союзникам и заполучить от них побольше стратегического сырья, скрытно готовили очередную, более крупную провокацию на советско-маньчжурской границе в районе советского Приморья.

Участок границы у озера Хасан, избранный японцами для нападения, находился в самой южной, наиболее отдаленной части советского Приморья. Местность в этом районе была болотистой, изобиловала речками, ручьями и озерами. К границе с нашей стороны подходила одна гравийная дорога. Морские причалы в порту Посьет были недостаточно оборудованы, аэродромная сеть только налаживалась.

Местность в расположении противника была более доступной для действий войск. Японцы располагали железной дорогой, по которой могли подтягивать к Хасану живую силу, технику, вооружение и боеприпасы. Наступление приурочили к началу периода проливных дождей, превращавших речки и ручьи в труднопроходимые преграды.

В течение июля японцы подтянули в район озера Хасан пехотную дивизию, укомплектованную по штатам военного времени, укрепили в инженерном отношении высоты Пулеметная Горка и Богомольная, расположенные у наших границ, установили заранее на огневые позиции наземную и зенитную артиллерию, привели в боевую готовность части гарнизона Хуньчуньского укрепленного района.

Проводя такую тщательную подготовку, противник не без оснований рассчитывал на безнаказанность своей провокации и полный ее успех. Только этим можно было объяснить наглый характер дипломатической диверсии, предпринятой японскими дипломатами в Москве 15 июля 1938 года. Японский поверенный в делах СССР явился в Наркоминдел с

требованием немедленно вывести советских пограничников с высот западнее озера Хасан. Получив отпор, он вынужден был ретироваться. Спустя пять дней был предпринят новый демарш. Японский посол в Москве Сигемицу предъявил нашему правительству ноту, в которой требовалось очистить от советских пограничников высоты Заозерную и Безымянную, являвшиеся якобы частью маньчжурской территории, и говорилось, что в случае невыполнения этих требований Япония прибегнет к применению силы.

В Наркоминделе СССР японскому послу разъяснили, что по хуньчуньскому соглашению, заключенному с Китаем еще в 1886 году, район озера Хасан с прилегающими высотами является исконно русской землей, что угроза применить силу как средство дипломатического запугивания успешного применения в Москве не найдет.

В ночь на 29 июля японцы перешли нашу границу. Завязались упорные бои, длившиеся 14 суток.

События у озера Хасан, несмотря на локальный характер, имели специфические особенности и поучительные уроки.

Задолго до нападения японцев наше командование в ответ на подготовительные меры противника приказало укрепить высоту Заозерную. Одновременно к границе были приближены две роты Посьетского пограничного отряда и 119-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии.

После же официальных притязаний Японии на этот небольшой участок советской земли дальнейшие меры, направленные на укрепление высот у озера Хасан, не предпринимались.

В первые дни, когда завязались бои, командование 1-й армии выдвинуло к озеру Хасан для поддержки пограничников два усиленных батальона 40-й стрелковой дивизии.

31 июля противник предпринял наступление превосходящими силами и занял высоты Заозерную и Безымянную. Разрозненные контратаки не объединенных общим командованием советских батальонов поддержки, к тому же при слабом взаимодействии с приданной артиллерией и танками, потерпели неудачу. Отбросив наши подразделения, японцы продвинулись в глубь нашей территории на 4 км.

Полки 40-й стрелковой дивизии, совершив 200-километровый форсированный марш, подошли к полю боя к исходу 1 августа. Но артиллерия и минометы почти полностью отстали (из пяти артиллерийских дивизионов к полю боя подошло лишь несколько батарей). Не проведя соответствующей рекогносцировки местности, командир дивизии В. К. Базаров (комиссар дивизии бригадный комиссар З. Ф. Иванченко) назначил на 8.00 атаку двумя группами: одной группой (в составе двух полков) с севера и другой (в составе полка) - с юга.

Не поддержанная огнем артиллерии и авиацией (последнюю нельзя было применить из-за тумана), северная группа сумела пробиться только к северо-восточным скатам высоты Безымянной. Танкисты, не зная местности, увязали в болотах и канавах. Южная группа имела еще меньший успех. Преодолевая плотный огонь японцев с высоты Пулеметной, она сумела к концу дня продвинуться до южных скатов высоты Заозерной.

Наступление северной и южной групп наших войск не было увязано по времени и развертывалось на узком пространстве, ограниченном с востока озером Хасан, а с запада - линией границы. Управление боем было плохо организовано; множество начальников вмешивалось в действия войск. Так, на вопрос начальника Генерального штаба при разговоре по прямому проводу,

какова боевая задача 40-й дивизии, ее командир ответил, что получил три задачи - от фронта, армии и корпуса.

Отсутствие, должного руководства, четкости и централизации управления боевыми действиями в районе озера Хасан вынудили Политбюро ЦК и Наркома обороны решительно заняться делами Дальневосточного фронта.

2 августа Политбюро ЦК потребовало от маршала В. К. Блюхера, чтобы он лично руководил боевыми действиями частей в районе озера Хасан и без ведома Наркома обороны не производил перемещения своего командного пункта.

На следующий день, в связи с тем что было принято решение ввести в дело 39-й стрелковый корпус, Нарком обороны и начальник Генерального штаба в своей директиве приказали маршалу В. К. Блюхеру непосредственное руководство боевыми действиями возложить на командира 39-го корпуса. На время операции командиром этого корпуса вместо комбрига В. Н. Сергеева назначался начальник штаба Дальневосточного фронта комкор Г. М. Штерн, который незадолго до нападения японцев вместе с помощником командующего фронтом по укрепленным районам М. М. Поповым прибыл в район озера Хасан для инспектирования укрепленных районов. Комиссаром корпуса оставался Ф. А. Семеновский. Общее руководство действиями корпуса должно остаться либо в руках В. К. Блюхера, либо у командования 1-й армии.

Для пресечения возможных провокационных действий японцев на других участках границы все войска 1-й армии приказывалось привести в полную боевую готовность; в Посьетский район ввести потребное количество сил, необходимых для решения поставленных фронту задач. Для борьбы с артиллерией противника применить всю мощь нашей артиллерии, а

также авиации; советским самолетам дальше артиллерийских позиций японцев не залетать. Сделать все необходимое для полного материально-технического обеспечения действующих войск, для чего мобилизовать усилия управленческого аппарата фронта и 1-й армии. Штабу 39-го стрелкового корпуса три раза в сутки (в 8, 12 и 20 часов) направлять в Генштаб оперативные сводки о положении на участке действующих войск.

Директива определяла следующий состав корпуса: 40-я (командир полковник С. К. Мамонтов) и 32-я стрелковые дивизии (командир полковник Н. Э. Берзарин), 2-я механизированная бригада, которой командовал А. П. Панфилов.

Непосредственная ответственность за тыл корпуса возлагалась на Военный совет 1-й армии.

Поскольку штаб корпуса был в большом некомплекте, для его укомплектования были использованы сотрудники фронтового и армейского аппарата управления.

4 августа маршал Блюхер получил приказ Народного комиссара обороны о приведении в полную боевую готовность всех войск Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа. Приказ требовал усилить наблюдение за границей, особенно ночью, в туман, непогоду. Это делалось для того, чтобы надежно прикрыть государственную границу, а в случае новых провокаций японцев в других районах нанести им сокрушительные удары{98}

В этот же день была направлена директива, в которой маршал В. К. Блюхер и Г. М. Штерн предостерегались от повторения ошибки, совершенной 2 августа 40-й стрелковой дивизией. Директива обязывала организовать атаку высоты Заозерной с обоих флангов, имея фронт наступления на всем протяжении от озера Хасан до реки Тумень-Ула. После

овладения высотой Заозерной предполагалось немедленно отвести все войска за линию границы. В директиве требовалось, чтобы высота Заозерная оставалась в наших руках при всех условиях.

Нет необходимости описывать дальнейший ход событий в районе озера Хасан. Боевые действия советских войск, проходившие 6-11 августа, закончились полным разгромом японских войск. Об этом имеются достаточно подробные публикации.

Здесь целесообразно остановиться лишь на некоторых уроках и общих выводах. Представляют интерес сложившаяся в ходе событий у озера Хасан схема руководства войсками.

Может быть, и был определенный смысл укрепить командование 39-го стрелкового корпуса более авторитетным и опытным командиром, обладавшим достаточно широкими полномочиями (в силу занимаемой должности начальника штаба фронта), каким был Г. М. Штерн, но, с другой стороны, эта мера принижала роль Военного совета и командующего 1-й армией. Г. М. Штерн имел право самостоятельно сноситься и лично докладывать Наркому обороны и Генштабу о ходе событий и тем самым практически выходил из подчинения командования армии. Прибывший в корпус представитель Наркома обороны Л. З. Мехлис не разобрался в обстановке и не сумел должным образом повлиять на события с целью улучшить управление войсками. Донесения в Генштаб посылались с большим опозданием. Последнее вынудило Б. М. Шапошникова серьезно предупредить Г. М. Штерна о недопустимости такого положения дел.

В трудном и изолированном положении оказался маршал В. К. Блюхер. С одной стороны, ему было приказано лично осуществлять общее руководство боевыми действиями у озера Хасан и неотлучно находиться на своем командном пункте. С другой

стороны, он должен был осуществлять руководство и всем Дальневосточным фронтом, приводившимся в полную боевую готовность, поддерживать тесный контакт с Тихоокеанским флотом, местными властями, а также осуществлять контроль за деятельностью тыла 1-й армии, решать множество других вопросов. Все эти функции, лежавшие непосредственно на нем, можно было выполнить при наличии слаженно работающего штаба фронта. Этот же важный орган управления, по сути дела, был отнят у него и ослаблен до крайности.

Бои у озера Хасан были первым после гражданской войны вооруженным столкновением с достаточно опытной и искушенной в боях кадровой армией империалистов. Они преподали важные уроки боевого применения артиллерии, танков, авиации, организации их тесного взаимодействия в условиях труднодоступной местности, а также тактического обучения войск. Стала очевидной возросшая роль автоматического огнестрельного оружия, минометов и артиллерии в тактическом бою. Требовалась особо тщательная отработка взаимодействия между пехотой, артиллерией, танками и авиацией. Выявилась настойчивая необходимость искусного владения штыком и ручной гранатой. Наконец, успех в бою решился в итоге умелых и инициативных действий мелких подразделений и частей. Поэтому вся тяжесть боев легла на плечи пехоты.

Бойцы 118-го и 119-го стрелковых полков к вечеру 6 августа вышли на восточные скаты высоты Заозерной и уже в сумерках перешли в стремительную атаку. Наши части нанесли мощный штыковой удар. Завязались ожесточенные схватки. Пулеметные гнезда и окопы противника забрасывались ручными гранатами, отдельные наиболее укрепленные точки подрывались фугасами.

В 22 часа подразделения 118-го и 119-го стрелковых полков, отбросив японцев, заняли высоту Заозерную. На вершине ее лейтенант И. Н. Мошляк водрузил Красный флаг. За отвагу и мужество И. Н. Мошляк был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Заняв высоту, части 40-й стрелковой дивизии совместно с 43-м саперным батальоном немедленно приступили к ее укреплению. В течение последующих пяти суток они успешно отразили до 20 контратак японской пехоты, нанеся ей большой урон.

В связи с событиями на Хасане мероприятия по усилению войск Дальневосточного фронта были резко форсированы и приняли еще больший размах. К концу сентября 1938 года кроме войск, запрошенных В. К. Блюхером, туда направлялось еще 167,2 тыс. человек, то есть в полтора раза больше, чем предусматривалось планом.

Если на 1 января 1938 года общая численность войск на востоке составляла 250 тыс. человек, то к началу 1939 года она достигла 479 тыс. человек, то есть увеличилась почти в два раза.

Эти решительные меры резко охладили воинственный пыл японских милитаристов.

Несмотря на отмеченные выше некоторые недостатки и промахи, советские войска в боях у озера Хасан показали высокие морально-боевые качества, неукротимую волю к победе, героизм и самоотверженность при защите священных границ своей Родины.

За мужество и отвагу 40-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина, а 32-я дивизия и Посьетский пограничный отряд - орденом Красного Знамени. 26 участников боев получили высокое звание Героя Советского Союза, более 6000 советских воинов награждены орденами и медалями.

31 августа 1938 года состоялось заседание Главного военного совета РККА, на котором обсуждались итоги боев в районе озера Хасан. Кроме членов Главного военного совета на заседание были приглашены представители Наркомата обороны, военных округов и флотов. Доклад о ходе событий в районе озера Хасан делал Г. М. Штерн.

В докладе Г. М. Штерна было нелестно сказано о командующем армией К. П. Подласе. В связи с этим И. В. Сталин обратился к С. К. Тимошенко, который в то время командовал войсками Киевского военного округа, с вопросом: "Вы просили Подласа к себе первым заместителем?" На что С. К. Тимошенко четко ответил: "А я, товарищ Сталин, и сейчас прошу назначить товарища Подласа моим первым заместителем". Такое решительное заявление произвело почти на всех присутствующих большое впечатление. Этот эпизод у меня, как и у многих, остался в памяти. Я лично знал К. П. Подласа с 1930 года, он был тогда командиром 27-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа. Это был честный, работоспособный и высокодисциплинированный командир. В годы Великой Отечественной войны К. П. Подлас командовал 57-й армией и героически погиб в боях на харьковском направлении в период Харьковской операции (12-29 мая 1942 года).

В результате обсуждения итогов событий у Хасана Главный военный совет принял решение упразднить фронтовое управление на Дальнем Востоке, а его командующего маршала В. К. Блюхера отозвать в распоряжение Главного военного совета РККА.

На Дальнем Востоке создавались две отдельные армии с непосредственным подчинением Народному комиссару обороны. Командующим 1-й Отдельной Краснознаменной армией был назначен Г. М. Штерн, начальником штаба - М. М. Попов, членом Военного

совета - Ф. А. Семеновский. Командование 2-й Отдельной Краснознаменной армией было поручено И. С. Коневу, начальником штаба назначался К. С. Мельник, членом Военного совета - Н. И. Бирюков.

Кроме этих армий была создана Северная армейская группа.

На территорию Монгольской Народной Республики передислоцировался 57-й особый корпус, командиром которого был назначен Н. В. Фекленко (до сентября 1938 года корпусом командовал И. С. Конев), а начальником политотдела - И. Т. Коровников. В итоге следует заметить, что ликвидацию фронтового звена управления крупной группировкой советских войск на одном из важнейших отдаленных и совершенно самостоятельных театров войны, где напряженность обстановки быстро нарастала, нельзя признать обоснованной. Спустя год мы были вынуждены вернуться к прежней организации.

Анализируя опыт войн эпохи империализма, и особенно первой мировой войны, В. И. Ленин отмечал, что империалисты в широких масштабах используют для ведения вооруженной борьбы самые могучие завоевания техники, чудеса изобретений, все производственные средства. Отсюда он делал вывод, что в современных войнах "берет верх тот, у кого величайшая техника... и лучшие машины"{99}.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и твердо держа курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, Коммунистическая партия и советский народ в кратчайший срок добились всемирно-исторической победы. Советский Союз стал могучей индустриально-колхозной державой. На основе достижений передовой науки и техники осуществлялись коренные изменения в оснащении Советских Вооруженных Сил.

В условиях враждебного капиталистического окружения и постоянной угрозы агрессии со стороны фашистских государств СССР принимал энергичные меры по перестройке работы промышленности и транспорта, по дальнейшему укреплению Красной Армии.

В конце второй пятилетки по решению Центрального Комитета ВКП(б) проводится тщательная проверка работы военной промышленности, в ходе которой были обнаружены крупные недочеты, ставившие под угрозу выполнение очередных и важнейших оборонных задач.

Военное производство - хозяйство многоотраслевое, высокие темпы развития его по всем линиям на протяжении первых двух пятилеток нам были еще не под силу. Главный упор делался на развитие авиационной в танкостроительной промышленности, которых ранее у нас совсем не было. Нарращивание же мощностей по производству боеприпасов, стрелкового и артиллерийского вооружения шло несколько медленнее, чем хотелось. Кроме того, в этих отраслях оборонной промышленности еще по были внедрены в необходимой степени передовые методы организации труда и всего процесса производства, а оборудование и инструментальная база оставались на старом уровне; конструкторские бюро на заводах отсутствовали.

Естественно, что в начале третьей пятилетки возникла необходимость рассмотреть перспективы дальнейшего укрепления обороноспособности Советского Союза с несколько иных позиций.

Следует подчеркнуть, что в то время развитие военной промышленности, являющейся одним из важнейших элементов подготовки страны к обороне, было делом новым и далеки не изведанным. Поэтому советская военная теория детально занималась данной областью в различных ее аспектах. Для нее не было

секретом, что просчеты и ошибки, допущенные при разработке систем вооружения, могли привести к непроизводительным затратам народных средств, к опасному отставанию от возможных противников, к перегрузке армии устаревшим оружием, острой нехватке необходимых его образцов к моменту войны. Следовательно, в условиях мирного времени снятие с массового производства одного вида оружия и замена его новым образцом вызывает законные и часто трудноразрешимые сомнения и колебания, поскольку это связано с большим материальным и военным риском. Решение проблемы создания приемлемой системы вооружения всякий раз становится все сложнее, чем дальше отходит в прошлое опыт минувшей войны. Ведь техническое усовершенствование вооружения бурно развивается, и характер будущих боевых действий претерпевает коренные изменения.

Выявленные проверкой существенные нарушения пропорционального развития отдельных элементов системы вооружения Красной Армии позволили ЦК партии и Советскому правительству вовремя перенацелить часть денежных средств на отстающие участки и осуществить ряд других неотложных мер.

На основе принятых решений капиталовложения в оборонную промышленность в 1938 году были увеличены на 70 процентов по сравнению с 1937 годом. Значительно расширилось производство боеприпасов, стрелкового оружия и артиллерии. В разработанном плане научно-исследовательской и проектно-конструкторской работы по всем видам вооружения особый упор делался на отыскание новых, более перспективных образцов оружия с повышенными боевыми качествами. Для реализации задач этого плана только по линии Главного артиллерийского управления

было ассигновано из бюджета страны на 1938-1939 годы почти 153 млн. рублей{100}.

На всех ведущих заводах организуются опытные цехи, конструкторские бюро, усиливается научно-технический персонал квалифицированными кадрами. Лишь в 1938 году на военные предприятия было направлено 5 тыс. молодых инженеров.

Постановлением Комитета Обороны от 19 ноября 1937 года военпредовский аппарат наделяется правом проверки выполнения мобилизационных планов своих предприятий.

Для улучшения руководства многоотраслевой областью военного производства в начале 1938 года вместо одного оборонного наркомата создаются четыре: авиационный, судостроительной промышленности, боеприпасов и вооружения.

Известно, что основной огневой ударной силой войск всегда считалась артиллерия. Однако в середине 30-х годов появились высказывания о том, что в эпоху бурного расцвета авиации и танков роль артиллерии будет снижаться. Эти надуманные концепции не нашли поддержки у видных советских военных специалистов. Точку зрения последних разделял и И. В. Сталин, который однажды заявил, что "артиллерия, несмотря на появление новых, исключительно важных видов боевой техники (авиации и танков), остается мощным и решающим фактором в войне и что на нее должно быть обращено особое внимание"{101}.

Учитывая возрастающее значение артиллерии в современных войнах, Советское правительство выделяло значительные средства для выполнения заказов Главного артиллерийского управления (ГАУ). Если в 1937 году на производство артиллерийского вооружения было ассигновано 1,9 млрд. руб., то в 1938 году эта сумма возросла до 4,3 млрд., а в следующем году - до 8,6 млрд. рублей{102}.

Росту производства вооружения способствовали принятый Комитетом Обороны СССР новый мобилизационный план на 1939 год, расширение прав и обязанностей военпредовского аппарата в промышленности, проведение расширенных совещаний, на которых руководителям оборонных заводов указывались способы повышения выпуска продукции путем привлечения неиспользованных резервов производства, а также поддержания четкого графика выполнения правительственных заказов и другое.

С началом второй мировой войны возникла необходимость проверить работу хотя бы части военной промышленности по мобилизационному плану, что и было осуществлено в конце 1939 года. Своеобразное "учение" в сфере оборонного производства, подобно маневрам полевых войск, протекало в напряженной обстановке, близкой к условиям военного времени. Проверка помогла своевременно увидеть недостатки и упущения в работе некоторых отраслей военного производства (в частности, отставание в выпуске минометов и артиллерийских боеприпасов) и наметить пути их устранения.

Повседневная забота, направленная на улучшение научных изысканий и привлечение к изобретательству широкого круга энтузиастов, позволила в короткий срок найти и внедрить в практику более дешевые марки стали, перейти от штамповки некоторых видов корпусов снарядов и мин к методу отливки их из сталистого чугуна и т. д. К началу 1939 года удалось получить для полигонных испытаний 16 образцов отечественных и иностранных винтовок, ручной, два станковых и крупнокалиберный пулеметы, противотанковое ружье, четыре образца минометов (от 50 до 160-мм калибра), противотанковое 45-мм орудие, 76-мм дивизионную пушку УСВ и другие системы.

Примечательна история создания последней упомянутой артиллерийской системы. Мне, как помощнику начальника Генерального штаба, нередко приходилось интересоваться работой конструкторов новых типов вооружения. Первое мое знакомство было с В. Г. Грабиным. Он создал 76-мм пушку Ф-22 с дальностью стрельбы до 14 километров; орудие предназначалось для стрельбы по наземным и воздушным целям. В конце 1937 года комиссия под председательством начальника артиллерии РККА Н. Н. Воронова после испытаний этой системы дала отрицательный отзыв: в заключении акта говорилось, что в орудие необходимо внести ряд усовершенствований.

В середине 1938 года В. Г. Грабин после доработки представил пушку на повторные испытания. Для их проведения Нарком обороны назначил комиссию под моим председательством. В нее входили Н. Н. Воронов, председатель артиллерийского технического комитета В. Д. Грендаль и военком Главного артиллерийского управления Г. К. Савченко. Испытание орудия проходило на Лужском артиллерийском полигоне. Были проверены прочность системы при пробеге до 1500 километров, режим боевой стрельбы и безотказность работы полуавтоматики.

Комиссия установила, что конструктор не устранил многие отмеченные ранее недостатки. В целом пушка не отвечала требованиям универсальности и не могла быть использована для зенитной стрельбы.

В конце испытаний комиссии пришлось выслушать много неприятных слов от конструктора и его помощников. Однако комиссия, руководствуясь прежде всего интересами обороны страны, в своем заключении указала, что пушка Ф-22 не может быть принята на вооружение" В акте, в частности, рекомендовалось устранить недостатки в работе полуавтоматики

затвора, для чего привлечь наиболее опытные конструкторские бюро по автоматике.

Результаты работы были доложены И. В. Сталину. Вначале он заявил, что комиссия слишком строго подошла к оценке новой системы, что она не помогает советским конструкторам внедрять в армию отечественную технику. Однако, убедившись в наличии серьезных недостатков в конструкции пушки Ф-22, И. В. Сталин без каких-либо изменений утвердил акт комиссии.

После этого В. Г. Грабин длительное время работал над устранением недостатков пушки. Тогда идея универсализма в артиллерии еще не нашла успешного инженерного конструкторского решения. Попытки получить такие орудия на вооружение войск были несколько преждевременными, поскольку мы не имели тогда еще необходимой научно-технической и производственной базы. Способы и приемы ведения огня по воздушным и наземным целям, а также специфика организации и ведения борьбы, скажем, с танками и самолетами противника были очень различны. Все это усложняло артиллерийскую систему и требовало длительных конструкторских поисков по ее упрощению. Поэтому В. Г. Грабин отказался от универсализма и начал работать над пушкой среднего калибра для стрельбы по наземным целям. Вскоре его труды увенчались успехом.

В 1939 году на одном из подмосковных полигонов комиссия в присутствии Наркома обороны К. Е. Ворошилова провела испытание новой пушки калибра 76 мм (УСВ-39), которая была принята на вооружение РККА, а в 1940 году запущена в серийное производство. Пушка УСВ-39 обладала хорошими тактико-техническими данными. Ее вес в боевом положении не превышал полутора тоны; орудие могло передвигаться с большой для того времени скоростью - 35 км/ч и

имело скорострельность до 25 выстрелов в минуту, начальная скорость полета снаряда достигала 680 м/с, а дальность стрельбы превышала 13 км. Накануне войны эта пушка была одной из лучших в мире. Например, однотипная американская 75-мм пушка (М-1897А) имела меньшие начальную скорость (595 м/с) и дальность стрельбы (11,7 км), весьма низкую скорострельность (6 выстрелов в минуту).

До 1943 года производство 76-мм пушки УСВ-39 не снималось с конвейера. Гитлеровская Германия оказалась неспособной противопоставить ей сколько-нибудь близкий по мощности тип орудия.

Таким образом, принципиальный подход комиссии к испытаниям пушки Ф-22 помог конструктору В. Г. Грабину найти правильное решение и создать хорошее артиллерийское орудие среднего калибра.

Все вышеизложенное говорит о том, что до 1940 года шел бурный процесс ликвидации отставания в производстве автоматического стрелкового оружия, минометов, орудий среднего и крупного калибра, а также боеприпасов к ним. Резко менялись соотношение и удельный вес различных видов вооружения в пользу наиболее мощных в огневом и маневренном отношении. Сухопутные войска Красной Армии начали получать в большем количестве совершенно новые образцы наземной и зенитной артиллерии, минометов и стрелкового вооружения.

Следовательно, по насыщенности усилий и полученным результатам первые годы третьей пятилетки по праву можно назвать переломными в решении проблем перевооружения Красной Армии. В этот период были созданы такие образцы боевой техники и вооружения, которые с честью выдержали все испытания Великой Отечественной войны.

Как известно, процесс обновления вооружения и техники в армии идет беспрерывно. И темпы его тесно

связаны с внешнеполитической и международной обстановкой. Уже отмечалось ранее, что при всех условиях замена одного образца вооружения другим - дело далеко не легкое. Даже небольшие недоделки, попытки внести поправки и усовершенствования в отдельные образцы вооружения всякий раз болезненно ударяют по военной промышленности. Пересмотр установленной системы вооружения может и должен осуществляться через определенные промежутки времени при строгом учете сложившихся сдвигов в военной технике, уровня развития военного искусства, экономических возможностей страны и ее военно-стратегического положения.

Система вооружения не может быть сведена к механическому перечню различных образцов оружия; она представляет собой нечто единое, органически целое, тесно связанное тысячами нитей между отдельными ее частями, должна отвечать всем оперативно-стратегическим требованиям военной науки.

Пределно четкая, научно разработанная прогрессивная военная теория служит основой для разработки системы вооружения, выбора путей развития отдельных видов оружия и создания новых.

Советские Вооруженные Силы накануне Великой Отечественной войны имели передовую военную науку, опираясь на которую удалось верно определить основную, магистральную линию перевооружения Красной Армии современной военной техникой и оружием и, базируясь на мощную советскую индустрию, создать перспективные образцы таких средств вооруженной борьбы, которые явились для немецко-фашистских захватчиков полной неожиданностью.

Возросшая угроза империалистической агрессии против Советского Союза потребовала в последующем принять ряд дополнительных неотложных мер для

наращивания мощностей оборонной промышленности, о чем будет сказано в следующих главах.

После мюнхенского сговора опасность возникновения второй мировой войны резко возросла. Стало очевидным, что наиболее реакционные силы империализма США, Англии и Франции стремятся путем очередных уступок фашистской Германии за счет малых государств Восточной Европы канализировать немецко-фашистскую агрессию на восток, против Советского Союза.

В Германии усиленно наращивалась боевая мощь армии. Сначала Гитлер значительно укрепил фашистское ядро вооруженных сил, а затем приступил к завершению полной фашизации их. Фактически начиная с марта 1938 года Германия приступила к заблаговременному и скрытному от мобилизации армии, которое продолжалось вплоть до начала войны. Опираясь на бурную милитаризацию своей экономики, она в короткий срок создала значительный перевес сил в боевой мощи по сравнению с соседними буржуазными государствами Европы.

Одновременно шел интенсивный процесс выработки оперативно-стратегических концепций немецко-фашистского командования для ведения большой агрессивной войны. В гитлеровской армии утвердились "новые" взгляды массивного применения танковых, моторизованных и авиационных сил в будущих "сокрушающих" наступательных операциях с решительными целями. Авторами их выступали фашистские генералы Эймансбергер, Гудериан, Клейст, Гот, Гёпнер, которые "прилежно" изучали иностранный опыт и многое заимствовали у советской военной школы, особенно из теории глубокой операции и боя.

Учитывая международную обстановку, ее резкое обострение, Коммунистическая партия и Советское правительство принимали все меры по дальнейшему

укреплении обороноспособности страны, отражению возможной фашистской агрессии.

Проходивший в марте 1939 года XVIII съезд ВКП(б)', ознаменовавший собой вступление нашей страны в новую полосу социалистического развития, сформулировал четкие и определенные задачи внешнеполитического порядка. Он потребовал и впредь проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; проявлять осторожность и не давать возможности провокаторам втянуть нашу страну в военные конфликты; всемерно укреплять боевую мощь Советских Вооруженных Сил; крепить международные связи с трудящимися всех стран на базе сохранения мира, дружбы и солидарности между народами. Съезд подтверждал также, что, отстаивая мир, СССР решительно выступает за поддержку народов, ставших жертвой агрессии и борющихся за свою независимость. В случае же если агрессор попытается нарушить прямо или косвенно целостность и неприкосновенность территории Советского государства, Красная Армия готова ответить двойным ударом на удар поджигателей войны.

На съезде резко осуждались вдохновители и сторонники мюнхенской политики невмешательства, попустительства агрессорам и изоляции СССР, представлявшей собой большую и опасную игру с огнем, которая неминуемо должна была для них окончиться серьезным провалом{103}.

Поощряемый западными державами, фашистский агрессор не заставил себя долго ждать. Не получив отпора при оккупации Австрии и Судетской области, он еще более обнаглел. 15 марта 1939 года гитлеровцы ввели свои войска в Прагу, оккупировали всю Чехословакию, ликвидировав ее независимость. При всеобщем молчании мировых держав одно Советское правительство выступило в защиту чехословацкого

народа, объявив действия Германии произвольными, насильственными, агрессивными, и не признавало включения Чехословакии в состав гитлеровского рейха. 21 марта германское правительство пошло дальше, потребовав от Польши передать Германии Гданьск (Данциг). На следующий день немецкие войска захватили Клайпеду. 23 марта фашистская Германия вынуждает Румынию подписать кабальное соглашение, которое превращало ее в аграрно-сырьевой придаток гитлеровского рейха.

В конце марта фашистские войска генерала Франко при активной помощи Гитлера и Муссолини, используя предательство контрреволюционных заговорщиков, вступили в Мадрид и вскоре овладели всей Испанией. 7 апреля фашистская Италия напала на Албанию и оккупировала ее. Позорная мюнхенская политика предательства и угодничества перед агрессором провалилась с треском. Фашистский молох, пожирая одну жертву за другой, уже не согласовывал свои намерения с западными державами.

Для нашей страны создавалось крайне неблагоприятное положение. Партия и правительство вынуждены были принять ряд предупредительных мер, направленных на повышение боевой готовности Красной Армии и Военно-Морского Флота.

В соответствии с указаниями Советского правительства Генеральный штаб, учитывая опыт подъема войск по боевой тревоге, проведенный в войсках Киевского и Белорусского Особых военных округов в связи с мюнхенским соглашением в сентябре 1938 года, 23 марта 1939 года направил директиву военным советам всех военных округов о порядке усиления и развертывания войск в зависимости от напряженности международной обстановки.

Все войсковые части, поднимаемые в порядке усиления их боевой готовности, подлежали

обеспечению имуществом по нормам мирного времени за счет текущего довольствия и неприкосновенных запасов или по особому указанию. Вызов приписного состава, поставка лошадей, повозок, упряжи и механизированного транспорта, приписанного к частям, должны были производиться только по повесткам.

20 мая 1939 года Генеральный штаб направил военным советам округов и армий еще одну директиву за подписью Наркома обороны и начальника Генерального штаба, которая устанавливала порядок проведения общей или частичной мобилизации Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Быстрое выполнение перечисленных мероприятий позволило значительно укрепить боеспособность войсковых частей и соединений приграничных военных округов, а также нацелить их военные советы на поддержание высокой бдительности и боеготовности у всех органов военного управления подчиненных им войск.

Весной 1939 года японская военщина, подталкиваемая международной империалистической реакцией, бросилась в новую авантюру, начав необъявленную войну против дружественной нам Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

Японские историки пытаются изобразить эти события как обычный пограничный инцидент, развязанный якобы монгольской стороной{104}. На самом же деле японские милитаристы планировали агрессию с далеко идущими стратегическими целями. Они намеревались заблаговременно, до развертывания коалиционной войны против СССР (по их расчетам, она была не за горами), занять выгодные позиции для последующего захвата советского Дальнего Востока и Сибири. Об этом с полной цинизма откровенностью писал в своем докладе в штаб Квантунской армии

начальник японской особой миссии в Бейпине (Пекин) Мацумура: "Основываясь на точке зрения империи и ее большой континентальной политике, после захвата Маньчжурии необходимо продолжать захват Монголии. Монголия является важным военным плацдармом, и в отношении Монголии наша империя прилагает все усилия к тому, чтобы последовательно ее захватить" {105}.

Кроме того, в случае захвата Монголии японцы рассчитывали изолировать от Советского Союза Китай и создать благоприятные условия для ускоренного его разгрома.

Наконец, в войне с МНР, а следовательно, против СССР, японские поджигатели хотели испытать прочность Красной Армии, внести свой весомый вклад в арсенал борьбы антикоммунистических сил. США, Англия, Франция с радостью встретили этот вероломный акт. Английский посол в Токио Крейг заверил японского министра иностранных дел Ариту в середине июля 1939 года, что "Англия не будет противодействовать Японии на Дальнем Востоке" {106}.

Таким образом, урок, полученный японскими захватчиками у озера Хасан, не пошел им впрок. Поощряемая реакционными кругами западных держав, Япония развязала новый, более крупный военный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Японские войска планировали захватить территорию Монгольской Народной Республики, а в дальнейшем прорваться в советское Забайкалье, перерезать Транссибирскую магистраль и отрезать Дальний Восток от остальной территории СССР.

В течение нескольких месяцев до событий на Халхин-Голе японская военщина неоднократно нарушала границу Монгольской Народной Республики, производила обстрел пограничных застав и постов.

В период с 11 по 26 мая японцы активизировали свои провокационные действия на монгольской границе, усиленно проводили боевую разведку. А 28 мая части противника (свыше 2500 штыков и сабель) при поддержке танков, артиллерии и авиации перешли в подготовленное наступление. Монгольские части с пришедшими им на помощь войсками Красной Армии (Монгольская Народная Республика была связана с Советским Союзом протоколом о взаимопомощи от 12 марта 1936 года) после двухдневных боев отбросили противника на 1,5-2 километра от места вторжения.

Это, однако, не охладило пыл японских захватчиков. В начале июля 1939 года они предприняли второе крупное наступление. В результате им удалось захватить часть монгольской территории на правом берегу реки Халхин-Гол севернее горы Баин-Цаган.

До июня 1939 года боевыми действиями советских войск в районе Халхин-Гола руководил командир 57-го особого корпуса комдив Н. В. Фекленко, комиссаром корпуса был бригадный комиссар М. С. Никишев, начальником штаба комбриг А. М. Куцев. 1 июня во время доклада К. Е. Ворошилову (на этом докладе присутствовал и я) о ходе боев в районе реки Халхин-Гол Нарком обороны высказал мнение о том, что Н. В. Фекленко надо было бы заменить, поскольку он не понимает природы боев на территории Монгольской Народной Республики, где для руководства боевыми действиями подошел бы хороший кавалерийский начальник, тем более что в состав войск, действовавших против японцев, входили монгольская конница, механизированные бригады и одна стрелковая дивизия.

Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников согласился с предложением К. Е. Ворошилова, и мы стали искать подходящего командира. Я предложил назначить на эту должность Г. К. Жукова, который в то

время служил в Белорусском военном округе инспектором конно-механизированной группы (в случае войны этой группой должен был командовать Г. К. Жуков). С Г. К. Жуковым я познакомился еще в 30-х годах в этом же округе, где он был командиром кавалерийского полка, а в последующем командовал 4-й кавалерийской дивизией и кавкорпусом. В его служебных аттестациях всегда отмечались незаурядные организаторские способности, сила воли, неукротимая энергия и хорошая оперативно-тактическая подготовка.

Через некоторое время К. Е. Ворошилов позвонил мне из Кремля и приказал срочно связаться со штабом Белорусского военного округа, чтобы передать приказ о вызове Г. К. Жукова в Москву.

2 июня Г. К. Жуков был уже в Москве; получив назначение на должность командира 57-го особого корпуса, он срочно вылетел в Монголию.

В связи с этим следует привести довольно курьезный, но поучительный факт, который связан с пребыванием в Монголии командарма 1 ранга Г. И. Кулика, командированного в район боевых действий. Не имея веских оснований, он в ночь на 14 июля потребовал отвести главные силы корпуса с восточного берега реки Халхин-Гол на западный в целях якобы приведения в порядок частей, их доукомплектования и перегруппировки для активных действий. Удержание же плацдарма на восточном берегу возлагалось на усиленные отряды.

С таким решением командир 57-го особого корпуса комдив Г. К. Жуков не согласился, так как отводить войска в данной обстановке было нецелесообразно и даже пагубно. Однако о случившемся он немедленно доложил Наркому обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову.

14 июля распоряжение Г. И. Кулика, как неправильное, было отменено Ворошиловым, а ему объявлялся выговор за самоуправство, выразившееся в отдаче без ведома и санкции Наркома обороны директивы командованию 57-го стрелкового корпуса об отводе главных сил с восточного берега реки Халхин-Гол. При этом указывалось, что недопустимый с его стороны акт был совершен в момент, когда противник, измотанный нашими войсками, перестал представлять собой серьезную силу, и только ничем не оправданный отход советских войск спровоцировал японцев на новые, хотя и слабые действия. И действительно, в ходе отвода войск мы потеряли высоты Песчаную и Ремизова, которые имели важное для нас оперативно-тактическое значение.

Главный военный совет обязал Г. И. Кулика впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса и Г. М. Штерну{107}. Ему предписывалось ограничить свою работу инструкторскими функциями и 20 июля, закончив дело, выехать в Москву.

Приведенный пример говорит о том, что принятие серьезных оперативных решений не терпит импровизации, легковесного отношения к порученному делу, поскольку в боевой обстановке за это можно поплатиться дорого. Отдавая свое распоряжение, Г. И. Кулик руководствовался не трезвым расчетом, а эмоциональным моментом, навеянным мнимой активностью противника. При этом он не посчитался с аргументированным мнением командования корпуса и его штаба, несших непосредственную ответственность за успех оборонительной операции.

Амбиция, в которую часто впадал Г. И. Кулик, не позволила ему быстро разобратся в допущенных им ошибках. Прибыв в Москву, он сразу же позвонил мне и попросил срочно прийти к нему. Когда я прибыл, Кулик

спросил меня, знаю ли я обстановку на Халхин-Голе. Я ответил утвердительно. "Нет, вы не знаете, - сказал Г. И. Кулик. - Обстановка там такова, что если мы срочно не подбросим пять - семь дивизий, то японцы через несколько дней будут в Чите. Я вызвал вас для того, чтобы вы дали свои соображения, откуда и в какой срок можно направить эти дивизии в район Читы".

Зная вспыльчивый характер Г. И. Кулика, я дипломатично попросил его позволить мне дать свои соображения утром следующего дня, так как должен был доложить его требования К. Е. Ворошилову. Однако Г. И. Кулик настаивал на том, чтобы соображения были представлены не позднее 16 часов. Я ушел и позвонил Ворошилову, находившемуся на даче. К. Е. Ворошилов дал мне указание: никаких предложений не давать, а утром быть у него. Когда я пришел к наркому, у него уже были Б. Ж. Шапошников и Г. И. Кулик. Нарком сделал последнему замечание за панические настроения и отклонил все его необоснованные предложения.

В дальнейшем в целях укрепления руководства войсками, расположенными на территории МНР, в соответствии с постановлением Главного военного совета от 15 июля 1939 года 57-й особый корпус был переформирован в 1-ю армейскую группу{108}. Командующим группой был назначен Г. К. Жуков, членом Военного совета - дивизионный комиссар М. С. Никишев, начальником штаба - комбриг М. А. Богданов.

В состав группы вошли 82, 36 и 57-я стрелковые дивизии, 6-я и 11-я танковые бригады, 7, 8 и 9-я бронетанковые бригады, 191, 192 и 193-й отдельные стрелковые батальоны, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии МНР и другие части.

В период боевых действий в районе реки Халхин-Гол в соответствии с постановлением Главного военного совета от 5 июля 1939 года для объединения и

направления действий 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий и 57-го особого корпуса (впоследствии 1-я армейская группа) была создана фронтовая группа, на которую возлагались функции фронтового управления с задачей координировать действия советских и монгольских войск. Командующим фронтовой группой был назначен Г. М. Штерн, членом Военного совета - дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальником штаба - М. А. Кузнецов. Штаб группы находился в Чите. Несколько позднее (по предложению Г. М. Штерна) Забайкальскому военному округу вменялось в обязанность осуществлять снабжение всеми видами оружия действующих войск в Монголии.

Забегая вперед, скажу, что в июне 1940 года фронтовая группа была расформирована, а на ее базе был создан Дальневосточный Краснознаменный фронт (штаб фронта в Хабаровске). Командующим фронтом был Г. М. Штерн (июнь 1940 - январь 1941 гг.), а затем И. Р. Апанасеяко (январь 1941 - апрель 1943 гг.); членом Военного совета - Ф. П. Яковлев (до августа 1941 г.); начальником штаба - М. А. Кузнецов (июнь 1940 - январь 1941 гг.), затем И. В. Смородинов (январь 1941 - август 1943 гг.). Таким образом, расформированный год назад Дальневосточный фронт был вновь восстановлен.

В августе 1939 года советские и монгольские войска нанесли сокрушительный удар по противнику и выбросили его с территории Монгольской Народной Республики.

Разгром 6-й японской армии в районе Халхин-Гола имел огромное международное значение. Прежде всего, были сорваны зловещие замыслы международного империализма. Стремление японских агрессоров сковать СССР, вовлечь его в длительную и изнурительную войну и тем самым отвлечь внимание на Дальний Восток, а также попытка расширить границы своей империи за счет Советского Союза и Монгольской

Народной Республики потерпели полную неудачу. Осуществление бредового плана "Оцу", ставившего целью оккупировать советское Приморье, было отложено на неопределенное время{109}. Явно выявилась неспособность японской армии вести войну на два фронта.

Победа советских и монгольских войск у реки Халхин-Гол оказала активную поддержку китайскому народу в его национально-освободительной борьбе против японских оккупантов.

Проба сил и проверка боеспособности Красной Армии и монгольских народно-революционных войск принесла японским милитаристам немало огорчений и разочарований.

Боевые действия на реке Халхин-Гол имели большое значение и в оперативно-стратегическом плане для советского Верховного Командования.

События на реке Халхин-Гол представляли собой самостоятельную операцию армейского масштаба, которая проходила на ограниченной территории. В августовских боях (они продолжались 11 дней) ее размах достигал по фронту до 74 и в глубину 20 километров.

Форма и размах операции диктовались главным образом политическими моментами. Руководствуясь желанием добиться решительных результатов в борьбе с японским агрессором, делались предложения перенести действия наших и монгольских войск за пределы границы Монгольской * Народной Республики. В этих условиях можно было глубже и шире охватить и окружить вражеские войска.

Эти предложения И. В. Сталин не поддержал, он ответил примерно следующее: "Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на наши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а

мы будем втянуты в продолжительную войну. Надо сломить японцам хребет на реке Цаган". С доводами И. В. Сталина нельзя не согласиться. Они были целесообразными и правильными.

В ходе наступления 1-я армейская группа, не имея общего превосходства над противником, блестяще осуществила редкий до того случай в истории войн тактическое окружение и полное уничтожение крупной группировки врага в намеченном плане районе.

Выдвигая кандидатуру комкора Г. К. Жукова на пост командующего группой советских войск в МНР, руководство Генерального штаба, как видим, не допустило ошибки. На него возлагались большие надежды. И на то имелись глубокие основания. В степях Монголии Георгий Константинович впервые на практике раскрыл свой военный талант. Партия и Советское правительство увидели в нем незаурядного, крупного военачальника.

В безводных, малонаселенных восточных просторах Монголии, оторванных на 750 километров от железных дорог, без сетей и узлов связи, советское командование сумело в короткий срок сосредоточить крупную по тому времени группировку войск и наголову разгромить одну из хорошо обученных и технически оснащенных армий противника.

Потери японцев были огромны и исчислялись в 60 тыс. убитых, раненых и пленных, 660 сбитых и уничтоженных самолетов. Только в августовской операции советско-монгольскими войсками было захвачено 12 тыс. винтовок, свыше 200 орудий и 340 пулеметов. Потери японских войск, понесенные в течение первых двух с половиной лет войны в Китае, были значительно меньше, чем в боях на реке Халхин-Гол, хотя и продолжались они несколько месяцев. Если в русско-японскую войну в сражениях под Ляояном,

Шахе и Мукденом японцы имели потери в 17-28 процентов, то у Халхин-Гола они достигали 73 процентов состава войск.

Потери же советско-монгольских войск были в три о лишним раза меньше, чем у противника.

Японская газета "Асахи" в то время писала: "...степь оказалась усыпанной трупами наших храбрецов... Наши военные власти из этих событий вынесли поучительный урок о том, что в будущем военные приготовления нужно довести до совершенства... до предела насытить армию моторизованными частями... До сих пор мы не знали, до какой высокой степени оснащены моторизованные войска Советского Союза... Большинство людей оказалось пораженными такой неожиданностью". Победа на Халхин-Голе ярко характеризует передовой характер военного искусства и боевые качества советско-монгольских войск.

В боях на Халхин-Голе Красная Армия и монгольская Народно-революционная армия с честью выдержали испытание, продемонстрировали героизм бойцов, зрелость командного состава по организации и проведению операции на окружение и уничтожение противника. Боевое содружество двух братских союзных армий еще более окрепло и явилось прочной гарантией безопасности дальневосточных рубежей в годы второй мировой войны.

Партия и Советское правительство высоко оценили доблесть советско-монгольских воинов: более 17 тыс. человек были награждены орденами и медалями, 73 бойцам и командирам присвоено звание Героя Советского Союза, из них трое - С. И. Гришевец, Г. П. Кравченко, Я. В. Смушкевич - были награждены второй медалью "Золотая Звезда". Среди отличившихся в боях с японцами много монгольских воинов. Дандар, Дугаржав, Хаян-Хярваа, Гонгор были удостоены звания Героя МНР. Высокие награды получили многие части и

соединения. 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая и 7-я мотоброневая бригады, 24-й мотострелковый и 175-й артиллерийский полки и 100-я авиабригада были награждены орденом Ленина, а ряд других - орденом Красного Знамени.

В заключение хочется выразить сожаление о том, что в нашей военно-исторической литературе операция в районе Халхин-Гола до сих пор не нашла полного и глубокого освещения, хотя попытки такие были. Еще в 1940 году вскоре после событий в Монголии Генеральный штаб с целью широкого распространения боевого опыта среди командного состава разработал краткое описание боевой деятельности 1-й армейской группы в Халхин-Голской операции с приложением большого количества документов своих войск и противника{110}.

Безусловно, в свое время эта книга позволила многим, кто ее изучал, повысить свой оперативный кругозор и более целеустремленно обучать войска с учетом полученного боевого опыта, характерного для Восточного театра войны.

Мною и другими ответственными работниками Генштаба эта операция и театр войны, где она проводилась, были тщательно изучены. Затраченные на это многие часы кропотливого труда впоследствии окупались сторицею. Эти знания особенно пригодились мне в годы Великой Отечественной войны, когда пришлось самому, будучи начальником штаба Забайкальского фронта (командующим был Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), летом 1945 года готовить и проводить в том же районе фронтовую операцию в направлении Солунь, Чаньцунь, Мукден с задачей разгрома японской Квантунской армии.

Весной и летом 1939 года грозные тучи войны все более окутывали мир. Образно говоря, стрелка барометра показывала сильное отклонение,

предсказывая приближение циклона, название которому было "вторая мировая война".

Именно в это время империалистические провокаторы войны США, Англии и Франции возлагали огромные надежды на то, что Германия незамедлительно нападет на Советский Союз. Однако фашистские правители, учитывая недостаточную готовность своих вооруженных сил, не рискнули пойти на такой шаг. Они отказались "платить по векселю", полученному в Мюнхене. К великому огорчению западных держав, вскормленный ими зверь выходил из повиновения. Вскоре Германия и Италия, отбросив антикоминтерновское прикрытие, заключили между собой открытый военный союз (Стальной пакт), который был направлен не только против СССР, но также против Англии, Франции и Польши.

Действия фашистских государств вызвали большой переполох в правительственных кругах Лондона, Парижа, Вашингтона. Западные державы от политики уступок и поощрения агрессора стали переходить к не менее авантюристичной и коварной политике "гарантий", чтобы заставить Гитлера придерживаться восточной ориентации в своих агрессивных устремлениях.

Англо-французские политики прибегли к новым дипломатическим маневрам. Чтобы успокоить общественное мнение и припугнуть Гитлера, они решили пойти на переговоры с Советским Союзом. Видимостью соглашения с СССР они пытались создать так называемый "международный пресс" и заставить Германию пойти на соглашение с ними. Таким образом, империалисты затевали длительную и грандиозную двойную игру провокационного характера.

Коммунистическая партия и правительство Советского Союза, несмотря на всю иллюзорность и неискренность намерений западных держав, не хотели

упустить ни одной возможности для того, чтобы создать хотя бы временные преграды на пути агрессора, а также не допустить консолидации единого антисоветского фронта. Последнее имело жизненно важное значение для нашего единственного в мире социалистического государства.

В пятимесячных переговорах СССР с Англией и Францией о путях предотвращения фашистской агрессии активную роль играл Генеральный штаб Красной Армии, особенно на заключительном их этапе.

Когда политические переговоры в результате позиции, занятой Англией и Францией, стали намеренно затягиваться, Советский Союз поставил дальнейшее их продолжение в зависимость от заключения военной конвенции о формах и размере взаимной помощи с учетом ожидаемого характера агрессии.

Советское правительство настаивало на таком порядке ведения переговоров и подписания военного и политического договоров не случайно. История советско-французско-чехословацкого договора о взаимной помощи показывала, что политический договор, не подкрепленный военной конвенцией, дает возможность буржуазным правительствам, нечестно относящимся к своим обязательствам, легко уклоняться от их выполнения. Буржуазные военные дипломаты хорошо видели теневую сторону своей политики. Один из них генерал Паласе, бывший французский военный атташе в Москве, - в одном своем докладе в июле 1939 года о стратегическом положении на востоке Европы вынужден был написать своему правительству следующее: "Советский Союз, увидев в 1938 году, что его пакты о взаимной помощи с Францией и Чехословакией остались мертвой буквой, так как они не были подкреплены военными соглашениями, а также и потому, что мы, как казалось, уклонялись даже от того, чтобы просто вести переговоры между тремя

генеральными штабами, несомненно, не намерен совершить в этом году тех же ошибок"{111}.

Учитывая печальный опыт прошлого, СССР придавал особую решающую роль заключению военной конвенции в ходе англо-франко-советских переговоров, которые должны были выявить действительные намерения и готовность западных держав сотрудничать с Советским Союзом по предотвращению новой мировой войны.

Советская военная делегация, выполняя задание правительства "подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе"{112}, со всей серьезностью и ответственностью пыталась найти и выработать реальную основу коллективной безопасности против фашистского агрессора.

Зловещая международная обстановка настоятельно выдвигала задачу организации "защиты миролюбивых стран во главе с Англией, Францией и Советским Союзом от агрессивного блока в Европе"{113}. ЦК партии и Советское правительство прилагали все силы к успешному решению этой задачи.

Советская военная делегация, состоявшая из авторитетных и компетентных военных лиц, приступая к работе, имела четкое и ясное представление о характере будущей войны, которое было положено в основу разработки военных планов.

Возникновение большой войны в Европе в самое ближайшее время считалось бесспорным. Агрессор мог начать ее внезапно, в пределах и размерах, которые трудно предугадать. Эта война неизбежно должна была принять коалиционный характер. Против блока агрессоров или против главного агрессора, если он нападет, необходимо было бросить все наличные силы трех договаривающихся государств и всех других, кто с ними связан. В начальный период войны общий принцип

действий Советских Вооруженных Сил требовал сосредоточить усилия всех средств, как наземных, так и воздушных, на направлении главного удара. При использовании авиации имелось в виду тесное взаимодействие ее с наземными войсками на поле боя, а также нанесение самостоятельных ударов по глубокому тылу противника.

Советский Военно-Морской Флот призван был осуществлять взаимодействие с союзным флотом (если таковой будет), с тем чтобы прикрыть советское побережье, сохранить независимость прибалтийских государств, установить мины у берегов Германии, помешать подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора. В районе Черного моря перед флотом ставилась задача закрыть выходы из Босфора и устья Дуная и не допустить проникновения через них надводных эскадр и подводных лодок противника{114}. В целом флот все свои действия должен был согласовывать и проводить в интересах успешного выполнения оперативно-стратегических задач сухопутных войск.

Руководствуясь стратегическими концепциями, разработанными советской военно-теоретической мыслью, Генеральный штаб в противовес неопределенным, приблизительным и расплывчатым военным планам (скорее, наметкам и предложениям) западных государств разработал ясный и конкретный общий план не только развертывания Вооруженных Сил СССР на его западных границах, но и общий план действий сухопутных, воздушных и морских сил союзных государств по отпору агрессии. В нем нашли отражение количество войск трех держав, материальные ресурсы и реальное направление этих действующих сил в защите как договаривающихся стран, так и стран Восточной Европы.

Существо данного плана было изложено на заседании военных миссий 15 и 17 августа 1939 года в докладах Б. М. Шапошникова, А. Д. Локтионова и Н. Г. Кузнецова. В плане войны были рассмотрены совместные действия вооруженных сил СССР, Англии, Франции и Польши во всех возможных случаях агрессии. Он состоял из двух частей. Первая часть рассматривала порядок развертывания Советских Вооруженных Сил на западных границах СССР с учетом сил противника. Вторая часть состояла из трех возможных вариантов совместных действий вооруженных сил Англии, Франции, Польши и СССР против общего врага.

СССР искренне и бескорыстно предлагал свои вооруженные силы и военно-экономические ресурсы на святое дело борьбы с фашистским агрессором. При этом надо иметь в виду, что СССР развертывал на западной границе войска, равные силам Франции, Англии и Польши, вместе взятым. И это в условиях, когда непосредственная угроза прямого нападения агрессора на СССР пока еще не существовала.

Убедительным подтверждением честного выполнения союзнического долга, взятого на себя по договору о взаимной помощи Советским Союзом, могли служить решительные действия советско-монгольских войск в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол, которые успешно завершались уже в ходе переговоров. Данный факт и наши конкретные предложения должны" были стать побудительным примером для делегаций западных стран к серьезному и недвусмысленному сотрудничеству.

Наш проект плана развертывания армии для оказания помощи западным союзникам, в разработке которого и мне, в пределах моих обязанностей, пришлось участвовать, создавался не "на песке" и не против "ветряных мельниц", а на основе точных

расчетов, имевших глубокую научную базу, являвшуюся плодом многолетнего кропотливого труда большого числа ответственных работников Генерального штаба.

Вопросы теории и практики планирования и ведения коалиционной борьбы против агрессора начали интересовать Генеральный штаб уже во второй половине 20-х годов. В теоретическом плане более основательно и детально данная проблема была рассмотрена Б. М. Шапошниковым в третьей книге его труда "Мозг армии"{115}. В труде были разработаны общие принципы построения коалиции, которые сводились к политическому, военному и экономическому единству союзных государств, без них коалиция вряд ли может существовать.

При отсутствии политического единства невозможно установить общие политические цели, которые союзники намерены достичь в ходе войны, а также организовать политическое управление войной и выработать пути и способы заключения мира.

В свою очередь, военное единство выражалось в готовности членов коалиции использовать все вооруженные силы и средства для достижения общих целей войны и организовать слаженное их управление на различных этапах вооруженной борьбы.

Наконец, единение предполагало взаимную экономическую помощь среди союзников, создавая таким образом возможность более слабым членам коалиции выдерживать тяжесть борьбы в современной разрушительной войне.

Руководствуясь общими принципами построения коалиции, союзные государства разрабатывают и скрепляют своими подписями соответствующие документы: политические акты союзов, военные конвенции и экономические соглашения. Отсутствие какого-либо из этих документов неминуемо будет

ослаблять коалицию или может даже привести к ее распаду.

Советская военная мысль разработала и вопросы содержания военных конвенций. В них оговаривались и конкретизировались важнейшие моменты военно-технической стороны коалиционной борьбы. Вначале рекомендовалось определить главный театр войны и основное оперативно-стратегическое направление, затем изложить примерные варианты использования вооруженных сил, районы и сроки развертывания войск, условия организации управления как ходом всей войны, так и на театрах военных действий, системы связи союзного командования и политического руководства, структуру материального содействия.

Помимо общих разделов, отражаемых в военной конвенции, предполагалось, что генеральные штабы союзных держав на своих совместных заседаниях будут разрабатывать более подробно чисто специфические военные вопросы, вытекающие из потребностей вооруженной борьбы. Круг последних замыкался на таких узловых деталях, как определение основной группировки противника и ее численности в каждой данной ситуации, установление решающего театра военных действий и операционных направлений на нем, числа войск и объема материальных средств, сосредоточиваемых для проведения той или иной операции, выявление способа действий и технических сторон связи союзного командования.

Таким образом, вся сумма разнообразных проблем, связанных с построением коалиции или федерации (имелось в виду для социалистических стран) и их функционированием, в деталях заблаговременно изучалась и разрабатывалась в советском Генеральном штабе. Последнее позволило уверенно и квалифицированно решать широкий круг вопросов,

выдвигаемых подготовкой военных переговоров с Англией и Францией в 1939 году.

Буржуазная военная мысль в этой области топталась на месте, несмотря на имевшийся, правда ограниченный, опыт первой мировой войны. Например, Тройственный союз (блок Германии, Австро-Венгрии и Италии) в ходе минувшей войны не имел единого командования и не пытался его создать. В странах же Антанты мучительно долго искали приемлемые формы единого руководства и планирования, которые, однако, не пошли дальше определения главного противника, количества выставляемых сил и времени окончания их сосредоточения. Создание же единого центра руководства войсками и назначение общего главнокомандующего, осуществленное только в конце первой мировой войны, представляло собой бледную импровизацию формального порядка. Буржуазная военная мысль продолжала оставаться на старых позициях. Буржуазный мир, раздираемый социально-политическими противоречиями, сковывал развитие своей военной науки и навязывал ей консервативный образ мышления.

Рассмотрению планов советского командования и западных государств в ходе военных переговоров в августе 1939 года в свое время было отведено много места в нашей печати{116}. В ней нашли отражение политические аспекты интересующего нас события. Помимо изложенного хотелось бы остановиться и на таких деталях, которые не всегда замечаются нашей военно-исторической наукой.

С первых же дней начавшихся переговоров выяснилось, что английская и французская военные миссии не только не имели достаточных полномочий, чтобы подписать военную конвенцию (а это и было главной задачей переговоров), но и не имели даже

предварительных наметок военного плана совместного сопротивления блоку агрессоров в Европе.

Генеральные штабы Англии и Франции не были готовы, а скорее, не желали ответить на стержневой, кардинальный вопрос: как они себе представляют участие Вооруженных Сил СССР в совместной борьбе против блока агрессоров или главного агрессора в случае его выступления и как должна быть организована защита, оттяжка сил агрессора на Востоке? Они также не могли ответить и на другой, более конкретный вопрос, имевший особое значение для советской стороны: будут ли советские войска пропущены через польскую территорию по Виленскому коридору и в Галицию, а также через румынскую территорию, чтобы войти в непосредственное соприкосновение с противником?{117}

Английская и французская военные миссии на протяжении всех переговоров бесконечно навязывали для обсуждения беспредметные, ни к чему не обязывающие "общие цели" и "общие принципы" военного сотрудничества, которые могли бы, по свидетельству главы советской военной миссии маршала К. Е. Ворошилова, "послужить материалом для какой-нибудь абстрактной декларации"{118}.

Советская военная делегация предлагала выработать и подписать военную конвенцию, где бы конкретно были отражены военные планы союзников и точно определены количество выделяемых дивизий, артиллерийских орудий, танков, самолетов, морских эскадр и все прочее для совместных действий по обороне договаривающихся сторон{119}. Строгий подход нашей делегации к решению важных военных проблем диктовался сложной военно-политической обстановкой, когда события в мире нарастали с быстротой снежной лавины. Советская делегация предлагала не тратить попусту время, заседать каждый

день, и не по четыре часа, как на этом настояли западные партнеры, а значительно больше. Если советская военная делегация в ходе переговоров задала всего несколько вопросов делового порядка, то английская и французская миссии, особенно в последние дни, намереваясь, по-видимому, как можно дольше затянуть совещание, зашедшее уже в самом начале в тупик, задали более 26 вопросов явно провокационного и разведывательного характера. Подготовка ответов на эти вопросы и их обсуждение потребовали бы еще нескольких суток бесплодных переговоров.

Этот фарс выглядел явным дипломатическим жульничеством и дипломатической диверсией, которая имела своей конечной целью привести к столкновению Советский Союз с фашистской Германией в момент, когда милитаристская Япония вела уже против нас необъявленную войну на территории союзной нам Монгольской Народной Республики, и, следовательно, заставить СССР втянуться в непосильную и изнурительную борьбу на два фронта.

ЦК партии и Советское правительство своевременно разгадали этот коварный маневр империалистов, готовивших СССР западню, и были вынуждены прекратить дальнейшие переговоры.

Честный и серьезный подход к решению проблемы создания коллективной безопасности бесспорно привел бы к созданию непреодолимого барьера на пути фашистской агрессии в Европе и Азии и, следовательно, к пресечению развязывания второй мировой войны в самом ее зародыше. В этот период соотношение сил могло сложиться не в пользу гитлеровского блока, будь на то доброе желание правительств Англии, Франции и Польши.

Вооруженные силы СССР, Англии, Франции и Польши в совокупности имели (по официальным

сведениям военных миссий) 311 дивизий, 11700 самолетов, 15400 танков и 9 600 тяжелых орудий. У фашистского блока (Германия и Италия) сил было почти в два раза меньше: 168 дивизий, 7700 самолетов. 8400 танков, 4 350 тяжелых орудий.

Однако Англия и Франция, подстрекаемые США, не захотели из-за своих узкокорыстных империалистических интересов использовать выгодное соотношение сил в целях предотвращения войны и поддержания политики коллективной безопасности.

Таким образом, для Советского Союза складывалась самая неблагоприятная обстановка. Вырисовывалась безотрадная перспектива одновременной войны на двух фронтах - в Европе и на Дальнем Востоке. Положение усугублялось тем, что СССР оставался без союзников, в полной изоляции, при наличии враждебного капиталистического окружения.

Партия и Советское правительство должны были сделать все возможное, чтобы избавить наш народ от столкновения один на один с антисоветской коалицией империалистических держав.

Советское правительство, заботясь о судьбах первого в мире социалистического государства, в самый последний момент, когда провал переговоров с Англией и Францией стал очевидным, вынуждено было принять предложение Германии заключить с ней пакт о ненападении, хотя и видело всю непрочность и ненадежность этого договора, его временный характер.

Подписание договора о ненападении с Германией расстроило планы международной империалистической реакции и нанесло удар по сторонникам мюнхенской политики, расставлявшим сети против СССР.

Попытка толкнуть фашистскую Германию на войну против СССР не удалась. США, Англия и Франция просчитались и были наказаны за свою недальновидную политику.

Советский Союз получил почти два года мирного времени, которые были использованы для того, чтобы поднять военно-экономическую мощь государства.

Предпринятый Советским Союзом шаг был довольно верно понят рядом видных политических и государственных деятелей Запада.

В своих мемуарах "Ветер перемен" Г. Макмиллан, бывший с 1957 по 1963 год премьер-министром Англии, дает следующую оценку советско-германскому пакту о ненападении: "Их мотивы (то есть мотивы Советского Союза. - М. З.) были просты. Они уже не верили, что даже трехсторонний союз сдержит Гитлера, который был полон решимости сокрушить Польшу. Они, возможно, также переоценили силы союзников и считали, что война, если она начнется и ее не удастся избежать с помощью второго Мюнхена, измотает немцев. Выгоды от политики нейтралитета были бы значительны: они получили бы время для реорганизации своих армий... и для завершения их оснащения".

Г. Макмиллан, допуская большие передержки, в одном оказался прав: полученное Советским Союзом мирное время было использовано для укрепления обороноспособности страны и вооруженных сил.

Известный всем У. Черчилль также писал, что "если их политика (Советского правительства. - М. З.) была хладнокровной, то она была в тот момент в высшей степени реалистичной".

Спустя тридцать лет, когда английское правительство опубликовало внешнеполитические документы за 1939 год, буржуазная пресса более определенно признает "дипломатическую некомпетентность" и "дипломатическую катастрофу", которую потерпел кабинет Чемберлена в переговорах с Россией. А. Форстер в статье "Как случилось, что мы забыли о России" вынужден признать, что когда СССР

увидел бесперспективность переговоров с Англией и Францией, то "советская политика изменилась - она пошла по пути единственной альтернативы, возможной в тогдашней ситуации, - по пути заключения пакта о ненападении с Гитлером".

Панская Польша, отказавшись от сотрудничества с СССР и возлагая все надежды на Англию и Францию, оказалась одинокой и изолированной перед лицом фашистской Германии. Проводя близорукую и враждебную Советскому Союзу политику, польские правящие круги уготовили для своей страны печальную и трагическую участь. В такой ситуации Советский Союз уже ничем не мог оказать Польше помощь, которая столь категорически была ею отвергнута.

В сложившейся обстановке Советский Союз вынужден был заключить пакт с гитлеровской Германией, чтобы добиться как можно большего ограничения ее захватнических устремлений на Восток. Ему удалось заставить Гитлера взять на себя обязательство уже в ходе войны с Польшей не переступать линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан. Этим самым СССР брал под свою защиту от германского вторжения Западную Белоруссию и Украину, народы Прибалтики и Бессарабии.

Благодаря такой политике партии и правительства паша страна получила возможность в последующем отодвинуть западную государственную границу на 300 километров и присоединить отторгнутые ранее империалистами земли Украины, Белоруссии и Молдавии, помочь народам Эстонии, Латвии, Литвы сохранить свою независимость и тем самым создать более благоприятные условия для организации отпора фашистским захватчикам в годы Великой Отечественной войны.

Заключение советско-германского договора являлось дополнительным фактором, способствовавшим

ликвидации японской агрессии в Восточной Монголии, позволяло избежать одновременного нападения Японии и Германии на СССР, на время оттягивало подписание японо-итало-германского военного соглашения, вбивало клин в отношения между Германией и Японией и тем самым предотвращало совместное их выступление против Франции и Англии. В конечном счете возникали выгодные предпосылки для создания в будущем антигитлеровской коалиции.

Глава 4.

Укрепление безопасности СССР

Начало второй мировой войны. Освобождение Западной Белоруссии и Украины. Строительство укрепленных районов. Организационные изменения войсковых формирований. Советско-финляндская война. Выполнение заданий Наркома обороны. Вновь в штабе округа. Декабрьское совещание высшего начсостава.

Еще не погас очаг вооруженной борьбы, зажженный летом 1939 года японской военщиной на границе Монгольской Народной Республики, как над Европой разразилась гроза, возвестившая о начале второй мировой войны.

Фашистская Германия при попустительстве правительств Англии, Франции и США развязала войну за мировое господство. Первым объектом для нападения гитлеровцы избрали Польшу.

Правительство буржуазной Польши оказалось неспособным организовать отпор немецко-фашистским захватчикам. Западные державы, хотя и дали Польше гарантии, но не спешили оказать ей практическую военную помощь. Они не теряли надежды направить гитлеровскую агрессию далее на восток - против СССР - даже за счет Польши.

Западные державы предали союзное государство, о "защите" которого так много пеклись буржуазные

дипломаты. Англо-французские войска спокойно наблюдали, как гитлеровцы сеяли смерть и разрушения на польской земле. Имея значительное превосходство в живой силе и боевой технике, армии Франции и Англии могли легко опрокинуть немецко-фашистскую группировку на французской границе и глубоко проникнуть в пределы Германии. Но этого не случилось. Сколь же лживо звучали слова французского генерала Думенка на одном из заседаний военных миссий СССР, Англии и Франции! Он тогда утверждал, что если "главные силы фашистских войск окажутся направленными на восточный фронт (против Польши. - М. З.), то немцы вынуждены будут оставить не менее 40 дивизий против Франция, и в этом случае генерал Гамелен (командующий французской армией. - М. З.), перейдя в наступление против них всей массой войск, заставит противника вернуть свои силы обратно с восточного фронта. В противном случае гитлеровская армия прикрытия будет разбита"{120}. Не менее циничны были заверения британского генерала Айронсайда, данные польскому генеральному штабу. "Англия предоставила Польше гарантии, - подчеркивал он, - и она сдержит свое слово, что бы ни случилось. Больше не будет "коварного Альбиона"{121}.

Жалкая "сидячая война" (странная война, как ее называли в буржуазной печати и как это укоренилось ныне, пожалуй, слишком мягко звучит), эта бутафория была проявлением неслыханного коварства, наглого и вызывающего надувательства в международном масштабе, направленного против Польши, а затем и других малых государств Восточной Европы и Скандинавии.

Создавшееся в центре Европы положение вызывало беспокойство Советского правительства, которое вынуждено было предпринять ряд серьезных ответных мер. В первый же день второй мировой войны, 1

сентября 1939 года, Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской обязанности. Закон привел в соответствие систему прохождения службы в Красной Армии с имевшимися глубокими социально-экономическими и морально-политическими преобразованиями в нашем обществе, достигнутыми в итоге всемирно-исторических побед социализма в СССР. Закрепив кадровый принцип строительства вооруженных сил, он расширял возможности роста их численности, создавал благоприятные условия для резкого повышения качества подготовки всех категорий военнослужащих, а также контингентов военнообязанных лиц. Наконец, закон позволял в короткий срок значительно поднять обороноспособность Советского государства перед лицом возросшей угрозы фашистской агрессии.

В резко изменившейся обстановке НКО и Генеральному штабу предстояло по-новому и под другим углом зрения рассматривать и решать проблемы обороны государства. Так, в конце лета 1939 года прибыла заявка от командующего Дальневосточным фронтом о дополнительном усилении войск Дальнего Востока на 270 тыс. человек рядового и младшего командного состава, прошедших первый год обучения. Когда заявку изучили в организационно-мобилизационном отделе Генштаба, выяснилось, что ее удовлетворение приведет к ослаблению наших войск, расположенных на западной границе. Был сделан новый, более обоснованный расчет, который и доложили Наркому обороны. Для Дальнего Востока выделялось 70 тыс. человек обученного пополнения. Остальную часть заявки, чтобы не оставлять дальневосточные районы без нужных войск, предлагалось обеспечить очередным призывом новобранцев. Мотивировка Генштаба была признана правильной и принята к исполнению. Жизнь

подтвердила прозорливость генштабистов: боеспособные войска, расположенные в западных областях и республиках СССР, вскоре оказались весьма необходимыми для решения задач освободительного характера.

Оцепив складывавшуюся международную обстановку, правительство СССР в начале сентября в целях предосторожности решило привести в боевую готовность войска западных и ряда внутренних военных округов.

Несколько дивизий, поднятых на сборы, не имели полного материального обеспечения, в частности обмундирования. Оно должно было поступить от промышленности в первые же десять дней. Но так как перевод промышленности на военное положение тогда не предусматривался, этим дивизиям пришлось выдавать обмундирование из неприкосновенных запасов других дивизий, которые в походе не участвовали. Обязан ли был Генштаб потребовать от соответствующих наркоматов и ведомств в то время полного обеспечения армии материальными средствами? В создавшейся обстановке подобное решение было бы нецелесообразным, поскольку оно вызвало бы в народном хозяйстве известное напряжение и, естественно, отразилось бы на благосостоянии народа. Наркомат обороны поддержал позицию Генштаба, и дело было решено с учетом интересов гражданского населения.

К концу первой недели сентября положение Польши чрезвычайно осложнилось. Растерянность и смятение царили в правящих сферах польского государства. Империалисты Англии и Франции бесстрастно взирали, как их союзник, оставленный в одиночестве, истекал кровью под ударами фашистского агрессора. Поражение Польши не волновало и США. Американское правительство, подбадривая гитлеровцев, 5 сентября

объявило политику "нейтралитета" по отношению к германо-польской войне.

Для империалистов США, по заявлению сенатора Ванденберга, не имело значения, которая из сторон в этой войне победит{122}. 4-6 сентября правители Польши покинули Варшаву; они бежали в Румынию, бросив свой народ и армию.

Во второй половине сентября фронт борьбы в Польше не представлял уже единого целого. Польская армия, поддержанная патриотами страны во главе с коммунистами, продолжала сопротивление. Польские трудящиеся и прогрессивные слои общества поднимались на национально-освободительную борьбу с агрессором за свою свободу и национальную независимость. Но силы были неравными. Польская армия стояла на грани катастрофы. Это заставило Советское правительство поспешить с принятием решения об освободительном походе на Запад.

Для этой цели приводятся в боевую готовность войска Киевского и Белорусского Особых военных округов, на их базе создаются управления Украинского и Белорусского фронтов.

В состав Белорусского фронта, которым командовал командарм 2 ранга М. П. Ковалев, входили 3, 11, 10 и 4-я армии, конно-механизированная группа и 23-й отдельный стрелковый корпус. Украинский фронт возглавлял командарм 1 ранга С. К. Тимошенко. В состав фронта входили 5, 6 и 12-я армии (три кавкорпуса, танковый корпус, семь отдельных танковых бригад) и два отдельных стрелковых корпуса. Войскам было дано указание ни в коем случае не применять оружия против польской армии, если она не станет вести бои. Запрещалось обстреливать из артиллерии и бомбардировать с воздуха города и другие населенные пункты. Строго указывалось также не нарушать границ соседних государств - Латвии, Литвы и Румынии.

17 сентября в 5 часов 40 минут советские войска, не дожидаясь полного сосредоточения, передовыми подвижными соединениями (танковыми и кавалерийскими) начали освободительный поход, который продолжался 12 дней. За это время оба фронта продвинулись на 250-350 километров.

Закончив освободительный поход, передовые части советских войск вышли на линию рек Писса, Нарев, Вепш, Сан.

Предпринятая Советским Союзом инициатива оказалась неожиданной для Германии. Войска Красной Армии не допустили выхода немецко-фашистских соединений к нашей границе, значительно сузили будущий возможный плацдарм нападения на СССР и взяли под защиту около 13 млн. человек мирного населения.

Выдвижение советской границы на запад улучшило стратегическое положение нашей страны. Укреплению обороноспособности СССР в значительной степени способствовало также заключение пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой в конце сентября и начале октября 1939 года.

Стратегические задачи укрепления западных рубежей Советского государства находились постоянно в поле зрения ЦК партии и Советского правительства.

Заблаговременная подготовка возможных театров военных действий является важным слагаемым в успешном решении задач стратегической обороны любых государственных границ. В 20-30-е годы многие европейские буржуазные страны лихорадочно укрепляли свои границы, создавая мощные оборонительные полосы типа линии Мажино, линии Зигфрида, линии Маннергейма и т. д.

Советские военные и государственные деятели придерживались несколько иных взглядов. Наиболее приемлемым у нас считалось строить оборонительные

полосы, в которых долговременные огневые сооружения должны были сочетаться с полевой обороной. Оборонительные полосы предполагалось создавать заблаговременно, а их усовершенствование проводить в условиях угрожаемого периода силами приграничных военных округов.

К началу-1938 года вдоль западной (старой) государственной границы было построено и оборудовано 13 укрепленных районов (УР): в Ленинградском военном округе - Карельский, Кингисеппский и Псковский; в Западном Особом Полоцкий, Минский и Мозырский; в Киевском Особом - Коростенский, Новоград-Волынский, Летичевский, Могилев-Ямпольский, Киевский, Рыбницкий и Тираспольский.

Во всех укрепленных районах имелось 3196 оборонительных сооружений. Их гарнизон состоял из 25 пулеметных батальонов общей численностью до 18 тыс. человек.

В 1938-1939 годах на старой государственной границе началось строительство еще восьми укрепрайонов: Островского, Себежского, Слуцкого, Шепетовского, Изяславского, Староконстантиновского, Остропольского и Каменец-Подольского. Псковский и Островский укрепрайоны объединялись.

В этих восьми укрепрайонах к концу 1939 года было забетонировано 1028 сооружений. В связи с изменением западной границы строительство их было законсервировано, гарнизоны в них не располагались.

В 1940-1941 годах после окончания советско-финляндской кампании, а затем после вхождения Прибалтийских республик в состав СССР на новой западной границе намечалась широкая программа строительства 20 укрепрайонов: Сортавальского, Кексгольмского, Выборгского, Ханкского, Тельняйского, Шяуляйского, Каунасского, Алитусского, Гродненского,

Осовецкого, Замбровского, Брестского, Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского, Перемышльского, Ковельского, Верхнепрутского, Нижнепрутского. Кроме того, после освобождения Бессарабии и Северной Буковины начались подготовительные работы по созданию Дунайского, Одесского и Черновицкого укрепленных районов.

В укрепленных районах, которые строились вдоль новой государственной границы, предусматривалось иметь две оборонительные полосы общей глубиной 15-20 километров. Полосы состояли из узлов, а последние - из опорных пунктов. Между узлами и опорными пунктами создавались полевые позиции и заграждения, а перед основной полосой - предполье, на котором, как и в промежутках между полосами, размещались деревоземляные и укрепленные бутобетонные сооружения. Важнейшие инженерные объекты в опорных пунктах соединялись между собой подземными галереями и перекрытыми ходами сообщения. Во всех вновь строящихся укрепленных районах прежде всего сооружались опорные пункты и узлы сопротивления первой линии.

К началу Великой Отечественной войны строительство первых полос укрепленных районов, не говоря уже о других, не успели закончить. А в Одесском и Ленинградском военных округах еще шли рекогносцировка и привязка сооружений на местности и были сформированы только управления укрепленных районов, численностью по 13 человек в каждом.

Развернутое в крупных масштабах строительство новых укрепленных районов требовало значительного времени. Внезапное нападение фашистской Германии на СССР сорвало планы укрепления наших границ и инженерную подготовку возможного театра военных действий.

В предвоенные годы в нашей армии проводился широкий поиск наиболее лучшей организационно-штатной структуры войсковых формирований, особенно в бронетанковых войсках. В соответствии с постановлением Главного военного совета от 22 июля 1939 года для пересмотра организационно-штатной структуры войск создается специальная комиссия под председательством заместителя Наркома обороны командарма 1 ранга Г. И. Кулика. Заместителем председателя комиссии был назначен заместитель Наркома обороны армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко, а членами - заместитель Наркома обороны Маршал Советского Союза С. М. Буденный, начальник Генштаба командарм 1 ранга Б. М. Шапошников, командующие войсками Киевского, Западного и Ленинградского военных округов командарм 1 ранга С. К. Тимошенко, командармы 2 ранга М. П. Ковалев и К. А. Мерецков, начальник Управления боевой подготовки комкор В. Н. Курдюмов, начальник Автобронетанкового управления комкор Д. Г. Павлов, начальник Артуправления комдив Г. К. Савченко, командир 3-го стрелкового корпуса комбриг П. И. Батов, командир Московской стрелковой дивизии комдив В. И. Морозов, начальник 4-го отдела Генерального штаба полковник Н. И. Четвериков, начальник Административно-мобилизационного управления бригадный комиссар Ф. С. Юдин, начальник штаба 16-й стрелковой дивизии майор А. Н. Иванников, командир 3-го стрелкового полка Московской стрелковой дивизии полковник М. Т. Романов. Секретарем комиссии был комбриг С. И. Любарский.

При решении отдельных вопросов в работе комиссии принимали участие командарм 2 ранга О. И. Городовиков, комкор М. В. Захаров, комдивы И. Д. Найденов, Н. П. Михайлов и М. Т. Попов, комбриги Г. Я. Беляков и И. А. Лебедев, полковник П. Г. Мельников,

бригадный ветврач Н. М. Власов и военврач 1 ранга Е. И. Смирнов.

Комиссия рассматривала организацию стрелковых и кавалерийских дивизий, укрепленных районов, танковых войск, артиллерийских частей и частей ПВО, органов местного и центрального аппарата управления.

В ходе работы комиссии между Генеральным штабом и Административно-мобилизационным управлением возникли серьезные разногласия о численном составе стрелковой дивизии. Административно-мобилизационное управление настаивало, чтобы в стрелковой дивизии было около 22 тыс. человек. Мотивировалось это тем, что во время боев в районе озера Хасан и у реки Халхин-Гол количество бойцов в нашей дивизии было меньше, чем в японской, и это отрицательно сказалось на ходе боевых действий. Генеральный штаб считал, что стрелковая дивизия должна быть мобильной, а не громоздкой. Большинство членов комиссии, согласившись с мнением Генштаба, приняли предложенную им организацию дивизии военного времени численностью 18 тыс. человек (вместо 12 тыс. человек по штату 1935 года).

На заседаниях комиссии возникали и такие вопросы: целесообразно ли включать в состав стрелковых дивизий танковые батальоны, нужны ли танковые и механизированные корпуса?

Большинство членов комиссии, главным образом представители с мест, настаивали на том, чтобы оставить танковые батальоны в стрелковых дивизиях. Вскоре на заседании Главного военного совета было принято решение, предложенное К. Е. Ворошиловым и Б. М. Шапошниковым: танковые батальоны оставить только в дивизиях прикрытия, из остальных соединений изъять их и обратить на формирование танковых бригад РКК.

Жаркая дискуссия разгорелась и о судьбе танковых корпусов. С. К. Тимошенко предложил пересмотреть структуру танкового корпуса и включить в него вместо стрелково-пулеметной бригады сильную моторизованную дивизию. Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик настаивали на упразднении танковых корпусов, как громоздких и трудноуправляемых. Последний договорился даже до того, что стал отрицать возможность использования танков для самостоятельных оперативных действий.

Е. А. Щаденко, С. М. Буденному и мне пришлось настойчиво доказывать и убеждать комиссию в том, что нельзя танковые корпуса ликвидировать, поскольку они играли и будут играть большую роль при проведении глубоких операций и оперативном развитии прорыва. Начальник Автобронетанкового управления Д. Г. Павлов уклонился от изложения своей точки зрения и занял нейтральную позицию.

В конечном счете большинство членов комиссии пришли к твердому решению, что в танковых войсках надо иметь, с одной стороны, танковые бригады (четырехбатальонного состава) двух типов: а) для самостоятельных действий вооруженные танками БТ; б) для усиления стрелковых дивизий и корпусов танковые бригады РКК; кроме них следовало сохранить восемь легких запасных танковых полков для подготовки младших и средних командиров запаса (штаты их поручалось разработать Д. Г. Павлову и мне); с другой стороны, сохранить в танковых войсках крупные танковые соединения в виде танковых корпусов, исключив из их состава стрелково-пулеметные бригады, а стрелково-пулеметные батальоны - из состава танковых бригад. Предлагалось также ликвидировать мотострелковые бригады, а машины их использовать для укомплектования автомобильных полков. Одновременно рекомендовалось в наступлении при

развитии прорыва направлять действия танкового корпуса в интересах пехоты и кавалерии, поддерживая при этом с ними устойчивую связь и тесно взаимодействуя с артиллерией. Признавалось также, что танковый корпус иногда может действовать и самостоятельно, когда противник расстроен и не способен к обороне.

21 ноября 1939 года Главный военный совет в присутствии И. В. Сталина и В. М. Молотова рассмотрел предложения комиссии и признал необходимым вместо четырех опытных танковых корпусов создать в составе стрелковых войск 15 сильных моторизованных дивизий, а в танковых войсках иметь отдельные однотипные танковые бригады РГК. Моторизованная дивизия должна состоять из двух моторизованных стрелковых, танкового и артиллерийского полков и иметь на вооружении 475 пулеметов, 66 минометов, 74 артиллерийских орудия, 257 танков и 73 бронемшины.

Танковые корпуса, стрелково-пулеметные бригады и стрелково-пулеметные батальоны танковых частей подлежали расформированию. В танковых бригадах сокращались обслуживающие подразделения.

Необходимо заметить, что постановление Главного военного совета осенью 1939 года не имело целью отвергнуть и не отвергало идею и наши взгляды на боевое применение крупных танковых и моторизованных соединений в современных операциях. Речь шла лишь о принятии более приемлемых организационных форм подвижных войск с учетом боевого опыта начавшейся второй мировой войны, наличного парка боевых машин и уровня подготовки командных кадров. Начавшаяся советско-финляндская война практически отвлекла внимание на решение других организационных задач. Весной 1940 года (т. е. спустя полгода) проблема строительства бронетанковых войск вновь встала на очередь дня, и

механизированные корпуса были восстановлены, но уже на иных организационных началах. Однако факт попытки ликвидировать управления танковых корпусов нельзя признать оправданным, так как он не вызывался объективной необходимостью и противоречил передовым, прогрессивным взглядам советской военной теории на использование бронетанковых и механизированных войск.

К концу 1939 года резко обострилась обстановка у северо-западных границ Советского Союза. Реакционные правящие круги Финляндии, находившиеся в союзе с Германией, подобно немецким фашистам, мечтали расширить свои владения на восток за счет территории Советского Союза. На подступах к Ленинграду крупнейшему промышленному и культурному центру нашей страны - финская военщина создала сильно укрепленный плацдарм с долговременными оборонительными сооружениями (так называемую линию Маннергейма), позволявший быстро сосредоточить крупную группировку войск и коротким ударом овладеть Ленинградом.

Советское правительство, проводя миролюбивую внешнюю политику, обратилось к правительству Финляндии с предложением заключить договор о взаимопомощи и ненападении, но это предложение было отвергнуто.

Тогда Советское правительство вынуждено было просить правительство Финляндии отодвинуть границу на Карельском перешейке несколько севернее, с тем чтобы исключить возможность обстрела Ленинграда дальнотойной артиллерией, а также сдать Советскому Союзу в аренду полуостров Ханко для улучшения обороны Финского залива. Взамен этого Финляндии предлагалась значительно большая территория севернее Ладожского озера. Однако и это предложение было отвергнуто. Подстрекаемая англо-французскими и

немецкими реакционными кругами, Финляндия объявила всеобщую мобилизацию, стала подтягивать войска к советской границе. Провокационные действия особенно усилились в ноябре 1939 года, когда финская артиллерия обстреливала нашу территорию, а отдельные отряды пытались перейти советско-финляндскую границу.

Правительство СССР вынуждено было порвать с Финляндией дипломатические отношения, укрепить свои северо-западные границы и усилить Ленинградский военный округ войсками.

В связи с активными военными приготовлениями на Карельском перешейке и преднамеренным обострением обстановки со стороны правящих кругов Финляндии Военному совету округа были даны указания подготовить план отражения возможной агрессии.

Военный совет Ленинградского военного округа представил в Генштаб следующие соображения.

Считалось, что Финляндия, закончив мобилизацию к 21 октября 1939 года, призвала в армию 260 тыс. человек.

На Карельском перешейке было сосредоточено четыре пехотные дивизии, три самокатных егерских батальона, кавалерийская бригада, три пулеметных батальона укрепрайона и два пограничных батальона; севернее Ладожского озера (на видлицком направлении) - пехотная дивизия, мотоотряд, дивизион тяжелой артиллерии; на остальных участках к северу до Петсамо (Печенга) располагались мелкие подразделения полевых войск; в районе Петсамо пехотный батальон с артиллерийской и зенитной батареями.

Таким образом, к советско-финляндской границе было выдвинуто до шести пехотных дивизий; три-четыре пехотные дивизии находились в резерве: из них

три - на Карельском перешейке и видлицком направлении, а одна - в северной части Финляндии.

Отмечалось, что на границе и в глубине Финляндии уже длительное время непрерывно ведутся инженерные работы. В стране завершался перевод промышленности на военное положение; в городах строились убежища, заканчивалась эвакуация части населения в глубь страны; осуществлялась перевозка вооружения из Швеции.

Военный совет считал, что наши войска, стоящие непосредственно у границы, готовы к отражению нападения противника, к выполнению поставленных задач, а части, расположенные в глубине на расстоянии 4-5 километров, способны начать действия через четыре-пять часов, необходимых для занятия исходного положения.

Подстрекаемая империалистами США, Англии и Франции, финская военщина усилила провокационные действия у границы СССР, угрожая безопасности Ленинграда.

30 ноября 1939 года начались военные действия между финской и нашей армиями, которые продолжались почти четыре месяца.

Слабые темпы наступления и отдельные неудачи наших войск под Ленинградом и Петрозаводском беспокоили Генеральный штаб и Наркома обороны.

Однажды в начале декабря 1939 года мне позвонил Б. М. Шапошников и сказал: "Зайдите ко мне. Вызывает нарком. Он интересуется нашим мнением по боевым действиям на финском фронте".

Я почувствовал, что разговор предстоит довольно трудный. В свое время Б. М. Шапошников удерживал членов Главного военного совета от чрезмерного оптимизма и недооценки возможностей финской армии. И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов не посчитались тогда с его мнением и полностью доверились командованию

Ленинградского военного округа. А командование округа, недостаточно оценив обстановку, не учло особенностей ведения боевых действий на северо-западе (наличие долговременных укреплений, мощных оборонительных полос в сочетании с естественными препятствиями, тяжелые природные условия). Оно нечетко определило район приложения главных усилий, тяготело на первом этапе к кексгольмскому направлению, которое не выводило к важным центрам противника.

Будучи уверенным в правильности решения, предложенного ранее Генеральным штабом (главный удар наносить на Выборгском направлении), я был намерен твердо отстаивать его и сейчас, у К. Е. Ворошилова.

"Бон на финском фронте, - сказал он, когда мы прибыли, - принимают затяжной характер. Похоже, что Мерецков утратил перспективу и не ищет других решений. Вы хорошо знаете Северо-Западный театр военных действий. Какие, по вашему мнению, надо предпринять шаги, чтобы выправить создавшееся положение?"

Конечно, конкретный и обоснованный ответ на этот вопрос можно было дать только после детального и внимательного изучения сложившейся обстановки непосредственно на месте боев, и главным образом на Карельском перешейке. Поэтому мои предложения свелись к тому, что нужно изменить направление главного удара и улучшить систему управления войсками.

Мои соображения поддержал Б. М. Шапошников. Тогда К. Е. Ворошилов решил командировать меня в качестве своего представителя в Ленинград, чтобы на месте вскрыть причины неудачных действий войск.

В тот же день я отбыл в Ленинград. За сравнительно короткий срок мне удалось побывать в

штабах, поговорить с командирами частей и соединений, тщательно изучить характер боевых действий и особенности театра войны. Вернувшись с фронта 16 декабря, в личном докладе и записке я изложил наркому состояние дел на Карельском перешейке и свои предложения. Основное содержание их сводилось к следующему.

1. Направление главного удара выбрано без учета обстановки; сведения о якобы достигнутом успехе на Кивниемеи не отвечают действительности.

2. Главный удар надо наносить на Выборгском направлении.

3. Прорыв укрепленного района необходимо организовать по методу, рекомендованному Наставлением по прорыву УР (укрепленных районов).

4. Для лучшего управления войсками целесообразно создать два фронта: Северо-Западный (на Карельском перешейке) и Карельский (от Ладожского озера до Мурманска).

5. В штабах армий и штабе фронта двести должность заместителя начальника штаба по тылу, поскольку начальник штаба, занятый большой оперативной работой, не успевает конкретно решать тыловые вопросы.

Мои предложения были приняты положительно. Для окончательного решения вопроса о создании двух фронтов и изучения обстановки на месте на Карельский перешеек 20 декабря выехал командующий Киевским Особым военным округом С. К. Тимошенко, а в район Питкяранта (севернее Ладожского озера), где находилась 8-я армия, - командующий Белорусским Особым военным округом М. П. Ковалев.

К тому времени на Карельском фронте были 7-я армия, которой командовал К. А. Мерецков, и 13-я армия под командованием В. Д. Грендаля.

7 января 1940 года приказом Главного военного совета на Карельском перешейке был создан Северо-Западный фронт в составе 7-й и 13-й армий. Командующим фронтом назначался С. К. Тимошенко, членом Военного совета. Для обобщения итогов работы совещания были созданы комиссии по военно-воздушным силам, автобронетанковым войскам, партполитработе, организационно-штатной структуре войск, военному снабжению, по службам химической, связи, инженерной, дорожной, по железнодорожным войскам, командным кадрам, боевой подготовке и снабжению горючим. Рекомендации комиссии были рассмотрены Главным военным советом и доложены ЦК ВКП(б) и правительству.

Вскоре после заседания Главного военного совета К. Е. Ворошилов был назначен заместителем Председателя Совнаркома, а Наркомом обороны стал командующий Киевским Особым военным округом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

На основе обобщенных итогов войны и рекомендаций НКО партия и правительство приняли соответствующие решения. Согласно им Наркомат обороны обязан был совместно с наркоматами оборонной промышленности принять срочные меры к введению на вооружение и развертыванию серийного производства новых видов оружия и боевой техники, перестроить систему боевой и политической подготовки войск и штабов, пересмотреть организационную структуру всех войсковых звеньев, а также систему военно-хозяйственного снабжения вооруженных сил применительно к требованиям войны.

Вносились изменения в содержание и форму партийно-политической пропаганды и агитации в армии и на флоте.

Уже отмечалось, что в связи с финской кампанией претворение в жизнь многих организационных

мероприятий было временно приостановлено. К ним вернулись лишь весной 1940 года с учетом опыта развертывавшейся войны на Западе, советско-финляндской войны, сентябрьского освободительного похода и событий на Халхин-Голе.

Перестройка коснулась всех родов войск, но особенно большие изменения произошли в бронетанковых войсках и авиации.

В конце мая 1940 года при очередной встрече с первым заместителем начальника Генерального штаба И. В. Смородиновым зашел разговор о разработке новой организационной структуры механизированного корпуса. И. В. Смородинов сказал мне: "Матвей Васильевич, вчера вечером мы с Борисом Михайловичем были у Сталина. Последний спросил: "Почему в нашей армии нет механизированных и танковых корпусов? Ведь опыт войны немецко-фашистской армии в Польше и на Западе показывает их ценность в бою. Нам надо немедленно этот вопрос рассмотреть и сформировать несколько корпусов, в которых бы имелось по 1000-1200 танков". Сталин, - И. В. Смородинов многозначительно посмотрел на меня, - в ближайшее время ждет наших предложений".

Мне пришлось напомнить И. В. Смородинову о том, что у нас имеются разработанные штаты механизированного корпуса. Об этом следовало бы доложить Сталину и просить его разрешения, исходя из расчетов и плана поступления от промышленности танков, вновь сформировать мехкорпуса применительно к ранее существовавшей штатной структуре, в которую, может быть, целесообразно внести лишь некоторые изменения.

И. В. Смородинов ответил, что он не может обсуждать этот вопрос, поскольку получил указание от Сталина - механизированный корпус иметь в составе

двух танковых и одной моторизованной дивизий, а в танковых полках иметь не менее двухсот танков.

Для разработки организационно-штатной структуры мехкорпуса я предложил привлечь начальника Автобронетанкового управления комкора Д. Г. Павлова. Пусть он теперь докажет, что командир танкового полка сможет управлять частью, в составе которой будет двести танков. Ведь в 1939 году, работая в комиссии под председательством Г. И. Кулика, он поддержал мнение, что танковые корпуса прежней организации громоздки и нежизненны.

На реплику И. В. Смородинова: "Мы дадим командиру полка ромбик..."^{123} - я заметил, что дело не в ромбике, а в трудностях управления таким громоздким полком. На этом наш разговор закончился. Разработкой штатов корпуса занялись И. В. Смородинов и Д. Г. Павлов.

Прошло лишь полгода после расформирования управлений танковых корпусов, и Наркомат обороны на основании указаний И. В. Сталина, исследовав результаты боевых действий немецких танковых и механизированных войск на западе, вынужден был пересмотреть принятое ранее решение о структуре танковых войск. 9 июня 1940 года Нарком обороны утвердил план формирования новых механизированных корпусов по специально разработанным штатам. Планом предусматривалось развернуть восемь механизированных корпусов и две отдельные танковые дивизии. В конце года в составе Киевского Особого военного округа был сформирован еще один механизированный корпус.

Таким образом, механизированные корпуса были восстановлены, но в другой организационной структуре. В состав корпуса входили две танковые и одна моторизованная дивизии. Танковая дивизия состояла из двух танковых, моторизованного и

артиллерийского полков (375 танков). В моторизованную дивизию входили танковый, два мотострелковых и артиллерийский полки (275 танков). В целом механизированный корпус должен был по штату иметь 1031 танк.

Кроме того, командующим войсками военных округов указывалось, что каждому корпусу целесообразно придавать авиационную дивизию в составе двух бомбардировочных, штурмового и истребительного авиационных полков. В действительности данная рекомендация практического применения не получила.

Ранее существовавшие танковые корпуса до их расформирования состояли из двух танковых и одной стрелково-пулеметной бригад (560 легких и несколько средних танков). В состав новых механизированных корпусов включались три дивизии и значительное число корпусных частей; они стали действительно громоздкими и тяжеловесными. Управление таким соединением значительно усложнялось, так как в тот период не было хороших и устойчивых средств связи, маневренных средств тылового и боевую обеспечения. Требовалось длительное время и для подготовки высококвалифицированных командных кадров.

Опыт первого этапа второй мировой войны, освободительного похода советских войск на Запад и финской кампании позволил по-иному взглянуть на многие проблемы советского военного строительства. Необходимо было, не мешкая, привести в соответствие с характером современной вооруженной борьбы подготовку войск, их организационные формы, качество боевой техники и вооружения, структурные соотношения различных составных частей вооруженных сил.

С весны 1940 года по всем этим линиям широким фронтом началась планомерная, уверенно набиравшая

темпы работа. В вооруженных силах, гармоничное развитие которых предполагает не уравниловку и неизменный схематизм в их построении, а известную гибкость и научный расчет, важно было найти верные пропорции и сочетания между родами войск и видами сил.

В эпоху мировых войн победу в бою и операции нельзя достигнуть без танков, авиации и артиллерии. В системе сухопутных сил бронетанковые войска считались самыми молодыми. Повышенная забота об этих войсках требовала в кратчайшее время устранить наметившееся некоторое отставание их в качестве вооружения и организационной структуры. Интересы решительного массирования танков для достижения оперативных успехов ставили под сомнение целесообразность существовавшей бригадной системы танковых формирований. Бригаду можно быстро сформировать, экипировать и развернуть, но она не обладает достаточной пробивной силой и по своему назначению и организации считается промежуточным соединением между тактическим и оперативным звеном.

Для решения оперативных задач, безусловно, ближе подходят танковая и моторизованная дивизии, входящие в состав танкового или механизированного корпусов, из которых при необходимости можно создать армию - оперативное объединение, способное обеспечить массирование танков на избранном главном направлении. Подобные корпуса и армии (наиболее емкие, активные, обладающие мощной ударной силой, устойчивой самостоятельностью) были способны, закрепив прорыв фронта, развить его в глубину, превратить тактический успех в оперативный.

Учитывая вышеизложенное, следует заметить, что курс строительства советских бронетанковых войск в целом был верным, хотя при этом и допускались

скороспелые, опрометчивые решения (нередко носившие волевой, субъективистский характер), которые, безусловно, снижали наши достижения, сбивали с избранного направления, создавали дополнительные трудности.

* * *

В конце июня 1940 года после командировки в Прибалтику я получил приказ отбыть в город Коломыя и приступить к исполнению обязанностей начальника штаба 12-й армии, которая готовилась к освободительному походу в Бессарабию{124}. Командующим армией вместо Ф. А. Парусинова был назначен Я. Т. Черевиченко.

Как известно, еще в 1918 году королевское правительство Румынии, пользуясь слабостью молодой Советской республики, отторгло от нее Бессарабию. Советский Союз никогда не признавал этого незаконного акта. 26 июня 1940 года наше правительство потребовало вернуть Бессарабию и северную часть Буковины. Правящие круги Румынии не решились идти на открытый военный конфликт и были вынуждены выполнить это законное требование. 28 июня Красная Армия вступила в Бессарабию и Северную Буковину.

Штаб 12-й армии, выполнив свою задачу, расположился в Черновицах. Вскоре был получен приказ о его расформировании.

Генерал Я. Т. Черевиченко отбывал к месту своей прежней службы. Тут же, как только он выехал, из Москвы позвонил порученец наркома генерал В. М. Злобин и спросил, где Черевиченко. Узнав о том, что его уже в Черновицах нет, В. М. Злобин попросил меня передать Черевиченко, что он назначен командующим Одесским военным округом и что ему, следовательно, надо ехать в Одессу. Догнать Черевиченко не удалось, пришлось позвонить в Москву В. М. Злобину и доложить

об этом. Заодно я спросил, что мне делать, так как расформирование штаба армии заканчивается. В. М. Злобин ответил, что я назначен начальником штаба Одесского военного округа.

Одесский военный округ был сформирован недавно, 11 октября 1939 года. Это было его второе рождение. Впервые он был создан в годы гражданской войны, но просуществовал недолго - с апреля по сентябрь 1919 года. Сейчас округ проходил стадию становления. В его состав включалась территория только что освобожденной Бессарабии, которую нужно было быстрее освоить, как важнейшую приграничную полосу. К концу года округ имел одиннадцать стрелковых, две танковые, моторизованную, две кавалерийские дивизии, два укрепленных района, четыре авиационные бригады, несколько артиллерийских полков РКК и зенитно-артиллерийских частей.

В состав округа входили также 151-я стрелковая дивизия и ряд учреждений и заведений, расположенных в Крыму. В начале 1941 года округ приступил к формированию управления 48-го стрелкового корпуса, двух стрелковых дивизий в районе Днепропетровска и 18-го механизированного корпуса в районе Аккермана (Белгород-Днестровский).

Кроме того, накануне войны из Северо-Кавказского военного округа в Крым были передислоцированы управления 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизия.

В соответствии с указаниями Генерального штаба во второй половине 1940 года штаб Одесского военного округа приступил к рекогносцировке оборонительных рубежей по новой государственной границе, которая проходила от Липканы по реке Прут и далее по Дунаю. Намечалось вновь создать три укрепленных района. Управление одного из них, занимавшего рубеж от Рени до Одессы, возглавлял полковник И. Т. Замерцев, а

начальником штаба был полковник Н. И. Крылов, впоследствии Маршал Советского Союза.

Общее руководство строительством новых укрепленных районов возлагалось на помощника командующего войсками округа по укрепленным районам генерал-лейтенанта В. И. Репина.

Так, спустя более двух с половиной лет мне вновь пришлось возглавить штаб Приморского военного округа, по теперь уже на самом южном крыле Западного театра войны. В то время я не мог еще себе представить, что с данным оперативно-стратегическим направлением надолго будет связана моя военная судьба, сначала в самые первые часы нападения гитлеровцев, а затем в период освобождения Правобережной Украины и на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Тщательное изучение данного театра боевых действий, продумывание и проигрывание различных вариантов оперативного использования войск округа по плану обороны страны позволили в последующем более квалифицированно и глубоко обоснованно планировать и осуществлять как отдельные фронтовые, так и в группе фронтов операции по разгрому немецко-фашистских и союзных им войск, 1940 год завершился важным событием в жизни Красной Армии. В конце декабря было проведено совещание Главного военного совета. Совещание должно было подвести итоги боевой и политической подготовки Красной Армии, а также сделать попытку обобщить минувший боевой опыт советских войск, армий европейских государств, принимавших участие во второй мировой войне, с тем чтобы дать серьезный толчок для развития оперативно-стратегической мысли и совершенствования практики оперативной подготовки высших категорий командного и политического состава Советских Вооруженных Сил.

Перед совещанием проводилась широкая и целенаправленная подготовительная работа, в которой участвовало большое количество командиров и политработников высшего звена. В Генеральном штабе изучался и обобщался опыт войн фашистской Германии в 1939-1940 годах. Генерал А. М. Василевский вместе с полковником В. В. Курасовым дорабатывали Полевой устав 1940 года. Завершалось редактирование Устава тыла. Начальник Генерального штаба К. А. Мерецков лично занимался разработкой проекта наставления "Полевая служба штабов".

Штабы, главным образом войск приграничных округов, проводили полевые поездки, для того чтобы получить практику в планировании и ведении армейских наступательных операций.

Одновременно по заданию Наркома обороны 28 командующих и начальников штабов военных округов готовили научные доклады по оперативно-теоретическим вопросам, связанным с характером современной вооруженной борьбы. Так, например, по проблемам современной наступательной операции доклады готовили генерал армии Г. К. Жуков, генерал-полковник Г. М. Штерн, генерал-лейтенанты М. П. Кирпонос, М. Г. Ефремов, П. С. Кленов; об использовании механизированных корпусов в наступательной операции - генерал-полковник Д. Г. Павлов, генерал-лейтенанты Я. Н. Федоренко, Я. Т. Черевиченко, И. С. Конев; об особенностях современной оборонительной операции - генерал армии И. В. Тюленев, генерал-полковник А. Д. Локтионов, генерал-лейтенанты М. С. Хозин, М. А. Пуркаев, В. Д. Соколовский, генерал-майоры П. Г. Понеделин, В. Е. Климовских.

Рукописи всех докладов были представлены в Генеральный штаб в конце октября - начале ноября 1940 года. Полученные тезисы докладов изучались в отделе оперативной подготовки Генштаба. Проверкой

их выяснялось, насколько глубоко был изучен и использован опыт последних войн, достаточно ли детально разработаны основные вопросы темы, что внесено нового в теорию оперативного искусства.

Тщательное изучение позволило отобрать наиболее оригинальные доклады, в которых глубоко и обоснованно выдвигались новые положения, давался квалифицированный анализ характера современной вооруженной борьбы.

По предложению Генерального штаба доклады по наступательным операциям должны были делать Г. К. Жуков и Г. М. Штерн, а в качестве содокладчика готовился М. Г. Ефремов.

Особый интерес вызвал доклад Г. М. Штерна. Этот труд основывался на глубоком анализе опыта последних войн, в нем поднимались новые вопросы, связанные с управлением и вводом механизированного корпуса в прорыв, выдвигались конкретные предложения по отдельным проблемам наступательной операции.

Труд Г. М. Штерна состоял из основного доклада и приложенных к нему материалов начальников родов войск, соображений по особенностям ведения войны на Дальневосточном театре военных действий, большого количества схем.

Доклады на темы "Использование мехкорпусов в наступательной операции", "Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне", "Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе" должны были соответственно прочитать Д. Г. Павлов (содокладчики Я. Н. Федоренко и И. С. Конев), А. К. Смирнов (содокладчики Ф. А. Ершаков и В. Я. Качалов), Я. В. Смушкевич (содокладчики П. В. Рычагов и М. М. Попов).

Согласно окончательно утвержденному плану совещания первым должен был выступить начальник

Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков с итогами и задачами боевой подготовки Красной Армии и оперативной подготовки высшего начальствующего состава. Затем следовали доклады по оперативным вопросам: характер современной наступательной операции (докладчик командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г. К. Жуков); характер современной оборонительной операции (докладчик командующий войсками Московского военного округа генерал армии И. В. Тюленев); использование механизированных соединений в современной наступательной операции (докладчик командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов); ВВС в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе (докладчик начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов); бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне (докладчик командующий Харьковским военным округом генерал-лейтенант А. К. Смирнов).

После обсуждения этих докладов участники совещания привлекались к участию в решении нескольких армейских и фронтовых летучек, для чего они были разбиты на группы.

На совещание привлекались командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, командующие армиями, начальники главных и центральных управлений и командиры некоторых корпусов и дивизий.

23 декабря 1940 года расширенное заседание Главного военного совета приступило к работе.

Открывая его, Нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко подчеркнул главную цель этой встречи; она заключалась в том, чтобы установить смелость и пытливость мыслей, которыми обогатилась и

должна быть богата наша Красная Армия, выяснить, как мы смотрим на характер современной наступательной и оборонительной операции, использование моторизованных сил и авиации, как мы должны организовать свою деятельность, с тем чтобы люди начали глубже думать и получать больший опыт в работе.

После этого был заслушан доклад начальника Генерального штаба генерала армии К. А. Мерецкова; обсуждение его продолжалось и 24 декабря. Всего в прениях выступило 28 человек.

Следует сказать, что постановкой первого и последующих докладов намечалось достичь единства взглядов в области теории военного искусства. Однако достичь этого оказалось трудно, поскольку почти все докладчики, выдвигая те или иные положения, основывали их главным образом на опыте войн и боевых действий ограниченного характера (бои в Испании, на Хасане, Халхин-Голе и особенно в Финляндии).

После финской кампании в нашей армии необоснованно преувеличивались и выдвигались на первый план отдельные формы ведения боевых действий, связанных с прорывом укрепленных оборонительных полос, построением обороны, оборудованием и подготовкой театра войны. В обучении войск уделялось большое внимание преодолению укрепленных оборонительных рубежей в ущерб другим видам боя и способам осуществления маневра в сложных и многогранных условиях войны.

Все это, естественно, находило отражение и в выступлениях участников совещания. Так, например, К. А. Мерецков указывал, что, исходя из опыта войны на карело-финском фронте, необходимо немедленно перестроить основы вождения войск в бою и операции. По его мнению, данный опыт показал, что наши уставы, дающие основные направления по вождению войск, во

многим не отвечают требованиям современной войны. В них немало ошибочных утверждений, которые вводят в заблуждение командный состав. На войне не руководствовались основными положениями наших уставов потому, что они не отвечали требованиям войны. Ссылаясь на опыт войны на Западе, докладчик отмечал, что наряду с подготовкой к активным наступательным действиям необходимо готовить войска к современной обороне.

Выступившие по первому докладу в целом соглашались с положениями, выдвинутыми Мерецковым.

В основном тезисе доклада генерала Г. К. Жукова "Характер современной наступательной операции" говорилось о том, что первоначальные исходные операции, скорее всего начнутся с фронтальных ударов. Проблема наступления будет состоять в том, чтобы сначала прорвать фронт противника, образовать фланги и затем во второй фазе перейти к широким маневренным действиям. Условия для оперативного обхода, охвата и ударов по флангам будут создаваться в ходе самой наступательной операции.

В докладе обстоятельно рассматривался порядок подготовки и проведения армейской наступательной операции при прорыве заранее подготовленной, сильной обороны противника. Но в нем ни слова не было сказано об операциях начального периода войны. Вероятно, поэтому в прениях (всего по докладу выступило 7 человек) начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов затронул вопрос об "особых наступательных операциях". Указав, что докладчик рассматривает наступательную операцию безотносительно к периоду войны, П. С. Кленов заметил: "Я беру пример, когда эта наступательная операция начинается в начальный период войны. Невольно возникает вопрос о том, как

противник будет воздействовать в этот период на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, то есть от мобилизации, подачу по железным дорогам мобресурсов, сосредоточение и развертывание войск. Начальный период войны явится наиболее ответственным, противник приложит все силы к тому, чтобы не дать возможности планомерно его провести". П. С. Кленов считал, что вопрос о наступательных операциях начального периода войны должен быть рассмотрен особо. Эти операции будут носить характер необычный: армии стороны, подвергшейся нападению, еще не закончат сосредоточение и тем более развертывание; применяя крупные авиационные и механизированные силы, нападающая сторона будет стремиться сорвать от мобилизации, сосредоточение и развертывание армии противника, выиграть необходимое для себя время, обеспечить господство в воздухе, захватить выгодные рубежи для развертывания своих войск. "Каждое, уважающее себя государство, - говорил П. С. Кленов, - постарается этот начальный период использовать в собственных интересах, для того чтобы разведать, что делает противник, как он " группировается, каковы его намерения, помешать ему в решении задач, опередить его в готовности таких же средств".

Интересным было выступление представителя Ленинградского военного округа - командира механизированного корпуса генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Он высказал сомнение в правильности разработанной докладчиком теории наступательной операции, так как в ней отражены взгляды, которые высказывались еще в 1932-1934 годах, а с тех пор прошло много лет. Опыт войны на Западе, отмечал П. Л. Романенко, был проанализирован верно, но докладчик сделал недостаточно четкие выводы. Для проведения

решающих операций немцы сводили механизированные и авиационные соединения в оперативные объединения и тем самым массировали их, превращали в основную ударную силу. Исходя из этого, П. Л. Романенко предлагал создавать ударные армии в составе 4-5 механизированных, 3-4 авиационных корпусов, 1-2 авиадесантных дивизий и 9-12 артиллерийских полков. Он полагал, что, если на внутренних и внешних крыльях двух фронтов будут действовать две такие ударные армии, они сумеют взломать фронт противника, не дадут ему возможности опомниться до завершения операции и превращения ее в стратегический успех. Ударная армия должна начинать операцию примерно за неделю до начала общего наступления. Для обеспечения ее должны быть развернуты действия авиации на большую глубину; в течение четырех-пяти дней должны громиться районы сосредоточения авиации противника, железнодорожные узлы, пути подвоза, узлы связи, с тем чтобы парализовать тыл противника на глубину 200-250 километров. За три дня до начала операции, не ослабляя действий по глубокому тылу, необходимо начать действия по ближайшим тактическим тылам, с тем чтобы разрушать узлы связи, разрушать тыл и не дать возможности противнику подвозить резервы. После этого должна начаться артиллерийская подготовка, которая завершается массированным применением авиации по расположению противника перед фронтом, после чего должны бросаться в атаку войска в несколько эшелонов. Закljučая свое интересное выступление, П. Л. Романенко сказал: "Я знаю, что многие сомневаются в правильности высказанного мною мнения... и против меня будут выступать многие, но прошу продумать то, о чем я говорил... Прошу учесть также, что если мы откажемся от применения ударных механизированно-авиационных армий, то мы можем оказаться в весьма

тяжелом положении и поставить в невыгодные условия свою Родину" {125}.

Помимо создания ударных армий П. Л. Романенко выдвигал важную идею о необходимости проведения с их участием операций группы фронтов. К сожалению, его предложения на совещании не получили развития.

Стенограммы совещания свидетельствуют о том, что, кроме П. Л. Романенко, по этим проблемным вопросам никто больше не выступал, но важно отметить, что у большинства ораторов проскальзывала мысль: дать для армейских и фронтовых операций больше механизированных корпусов, как средство развития прорыва.

В заключительном слове генерал армии Г. К. Жуков отметил, что в речах своих оппонентов он не заметил особых принципиальных расхождений с основными положениями доклада, что он не возражает против отдельных предложений и замечаний, а, наоборот, приветствует их. Жуков еще раз подчеркнул, что необходимо все сказанное тщательно проанализировать и продумать, с тем чтобы с пользой для дела прийти к определенным серьезным выводам, а также высказал надежду, что Народный комиссар обороны в своем заключении даст необходимые указания в соответствии с дальнейшим состоянием боевой деятельности войск.

26 декабря состоялся доклад начальника Главного управления ВВС генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова, который охватил большой круг вопросов, в частности завоевание господства в воздухе, взаимодействие авиации с наземными войсками, нанесение ударов авиации по оперативному тылу противника и другие. Затронутые проблемы использования авиации рассматривались главным образом в рамках армейской операции. Такой подход в решении задач авиации не нашел поддержки.

Выступившие в прениях генералы М. М. Попов, Г. П. Кравченко, Д. Т. Козлов были против децентрализации воздушных сил. По их мнению, завоевание господства в воздухе, нанесение глубоких оперативных авиационных ударов должны быть в компетенции Главного Командования и фронтового звена управления.

На следующий день был заслушан доклад генерала армии И. В. Тюленева "Характер современной оборонительной операции". Для того чтобы подтвердить необходимость создания обороны с системой укрепленных полос, насыщенных большим количеством долговременных сооружений, докладчик ссылаясь на опыт первой мировой войны 1914-1918 годов (оборонительные операции, которые опирались на крепости Льеж, Верден, Осовец, Новогеоргиевск, Ивангород и другие), на опыт второй мировой войны (французская линия Мажино, немецкая линия Зигфрида, финская - на Карельском перешейке).

Раскрывая примерную схему построения оперативной обороны укрепленных полос и позиций, докладчик обращал внимание на то, что они состоят из большого количества бетонных больших, средних и малых гнезд сопротивления различной силы. Эти сооружения противостоят силе огня дивизионной, корпусной артиллерии и авиабомб весом 250 килограммов. Максимальная глубина долговременных укреплений равна 10-15 километрам. Система укреплений на Карельском перешейке, по его мнению, являлась наиболее современной, отвечающей как тактико-техническим, так и оперативным требованиям современных оборонительных операций. Глубина ее начиная от старой нашей государственной границы до Выборгского района - 78 километров. Система укреплений Карельского перешейка имела четыре оборонительные полосы (основную, тыловую, выборгскую и городскую). Перед каждой из них

создавались или предполье глубиной 18-36 километров, состоявшее из 18 позиционных линий с развитой системой заграждений, сюрпризов и препятствий, или промежуточные позиции глубиной 3-6 километров. Основная оборонительная полоса - линия Маннергейма - имела глубину 6 километров, остальные - 2-3 километра.

Докладчик высоко оценивал финскую оборону на Карельском перешейке и, видимо, под влиянием этого выдвинул на рассмотрение участников совещания систему оперативной обороны, состоящей из ряда зон.

Его предложения сводились к следующему.

Армейский оборонительный район, простираясь по фронту до 100, а в глубину до 100-135 километров, состоит из нескольких зон.

Первая (по счету и назначению) - передовая зона оборонительных действий, или предполье, - предназначалась для того, чтобы задержать продвижение противника, не дать ему возможности беспрепятственно подойти к переднему краю, нанести урон его передовым частям, разведать силы врага. Эта зона должна создаваться по возможности на большую глубину, но не менее 15-35 километров, включать в себя искусственные и естественные преграды, под прикрытием которых обороняющиеся в этой зоне части смогли бы применить всю силу внезапного огня, контратак и контрударов. Основу заграждений в предполье составляют рвы, эскарпы, противотанковые мины, фугасы, завалы и мины замедленного действия. Последние устанавливаются главным образом в предполагаемых районах сосредоточения противника. Для создания заграждений и установки минных полей в предполье потребуется примерно 70-80 тонн колючей проволоки и до 20 тыс. противотанковых мин.

Вторая - основная зона оборонительных действий, тесно связанная с предпольем, - создавалась для того,

чтобы всеми силами и средствами, широко используя естественные препятствия, искусственные заграждения и инженерно-полевые сооружения, нанести наступающему противнику поражение огнем с земли и воздуха. Эта зона состоит из двух полос. Ее глубина может быть 12-20 километров.

Первая полоса предназначалась для отражения ударов противника силами первого эшелона. Основу заграждений ее составляют противотанковые и противопехотные препятствия, огневые средства и инженерные сооружения, защищающие обороняющихся от воздействия артиллерийского огня и ударов авиации.

Предназначение второй полосы основной зоны оборонительных действий сводится к тому, чтобы отсечь механизированные соединения ворвавшегося противника силами второго эшелона обороняющихся войск. Она должна быть хорошо развита в инженерном и противотанковом отношении, иметь систему отсечных фланговых позиций перед передним краем. Наиболее прочная оборона создается в полосе корпуса, который расположен на направлении основного удара противника.

Для создания заграждений на первой и второй полосах основной зоны потребуется исходя из средней нормы до 60 тонн взрывчатых веществ, 60 тыс. противотанковых мин, 300 тонн колючей проволоки, 7 тыс. пакетов МЗП (малозаметных препятствий).

Дальше в системе армейского оборонительного района располагается зона оперативного маневра, на которой размещаются армейские резервы. Ее назначение - создать условия для решающих действий из глубины армейскими оперативными резервами. Глубина этой зоны - 25-30 километров.

Зона оперативного маневра оборудуется противотанковыми районами и промежуточными позициями. Такое инженерное оборудование

преследует цель: задержать на определенных направлениях продвижение мотомеханизированных соединений противника, а в случае вклинения в оперативную глубину дать возможность армейским резервам уничтожить его.

Для создания заграждений в этой зоне потребуется: взрывчатых веществ до 60 тонн, противотанковых мин - до 70 тыс., колючей проволоки - до 400 тонн.

Следующая зона - тыловая зона оборонительных действий. Назначение ее укрыто расположить все средства армейского тыла, второй эшелон органов оперативного управления и боевого обеспечения. Помимо этого в тыловой зоне располагаются противотанковые и зенитные средства, а также подвижные отряды для борьбы с воздушными десантами противника. Глубина зоны может быть до 50 километров.

Таким образом, для создания армейского оборонительного района потребуется много огневых, инженерных средств и большое количество рабочей силы и времени. На километр фронта обороны предусматривалось иметь 8-17 орудий средней и крупной, 20-40 орудий противотанковой артиллерии.

Из всего сказанного докладчик делал следующий вывод: основой организации современной оборонительной операции и ее основным костяком являются противотанковые, противосамолетные, артиллерийские средства.

В ходе оборонительных действий предусматривалось прочное удержание передовых сил силами отрядов заграждения и передовых отрядов, действовавших на основных маршрутах. Решающим этапом оборонительной операции считался бой перед передним краем обороны, который должен был начинаться сильной артиллерийской контрподготовкой и действиями авиации. Одновременно при

благоприятной обстановке противник мог быть атакован силами резервов, особенно танкового. Противотанковая артиллерия должна была остановить танки противника перед передним краем. Основу боя внутри оборонительной полосы составлял контрудар, который наносился с целью отсечь и уничтожить прорвавшегося противника.

Все выступавшие в прениях в основном поддержали докладчика. Лишь начальник штаба Западного Особого военного округа генерал-майор В. Е. Климовских высказал несколько критических замечаний, связанных с составом обороняющейся армии и, в частности, с распределением сил по глубине. "Сейчас, - сказал Климовских, - строить армейскую оборону, опираясь на состав армии примерно в 14-15 дивизий (одна из них танковая), вряд ли целесообразно и возможно. Ведь такая армия может сама наступать. Поскольку мы основу обороны видим в силе противотанкового, артиллерийского, противовоздушного огня, то, очевидно, надо стремиться к тому, чтобы задачи решались с возможно меньшим количеством введенной в дело живой силы. Отсюда если взять условно стокилометровый фронт, о котором говорил докладчик, то для обороны его достаточно будет 9, максимум 12 дивизий, с тем чтобы примерно 8-9 дивизий иметь на переднем крае основной оборонительной полосы и 2-3 стрелковые дивизии - в резерве".

В заключительном слове И. В. Тюленев сказал: "Считаю, что выдвинутая тема "Характер современной оборонительной операции" является актуальной". Далее он отметил активность выступавших по этой теме, а также желание внести ряд конкретных предложений, которые сводились к тому, чтобы тот или иной элемент нашей оборонительной армейской операции развить, уточнить и иметь по нему свое правильное суждение.

И, наконец, по его убеждению, опыт, который у нас сейчас имеется и на основе которого мы можем более ясно и четко представить современные оборонительные Операции, - опыт обороны на Карельском перешейке - радо изучить и закрепить, сделать достоянием нашего высшего начальствующего состава, нашего генералитета.

28 декабря выступал генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов. В своем докладе он анализировал использование танков в первой и второй мировых войнах. Так, на реке Сомма 49 танков, введенных для прорыва обороны, сумели за три часа продвинуться на 4 километра, что показало их способность надежно бороться с огневыми средствами пехоты. В 1917 году при Каморе 378 танков смогли прорвать фронт шириной 12 километров и проникнуть на глубину 9 километров. Однако англичане не смогли использовать этот успех, так как под рукой не было подвижных механизированных войск. Аналогичный случай произошел в 1918 году под Суассоном и Амьеном, где в бой было введено 420 танков. Танки не только усиливали пробивную способность, не только усиливали удар, но, кроме того, резко сокращали ра-роту артиллерии, резко сокращали расход снарядов. Использование танков на Западе в 1939-1940 годах позволило немцам разгромить Польшу в течение 17 дней, Закончить операции в Бельгии и Голландии через 13 и во Франции через 17 суток.

Д. Г. Павлов объяснил эти успехи наличием у немцев моторизованных и танковых соединений, которые, отрываясь далеко от пехоты и не встречая особенно прочной обороны, прорывались в глубину и достигали оперативных целей. Следовательно, делал вывод Д. Г. Павлов, необходимо и дальше совершенствовать структуру Механизированных корпусов и их боевое

использование. Далее докладчик подробно осветил этапы ввода в прорыв механизированных корпусов.

Среди выступавших в прениях (всего выступило 10 человек) был командующий Среднеазиатским военным округом генерал-полковник И. Р. Апанасенко, который упрекнул докладчика в том, что он ничего не сказал о коннице, о взаимодействии с ней мехкорпуса.

На следующий день был заслушан последний доклад - генерал-лейтенанта А. К. Смирнова. Он изложил ряд моментов оборонительного и наступательного боя подразделений, частей и соединений с учетом опыта последних войн и проведенных маневров. Докладчик считал, что полосу обороны стрелковой дивизии на нормальном фронте целесообразно иметь до 8 километров, а на широком фронте - 15 километров. Основой обороны должен служить батальонный район обороны. В наступлении, говорил он, следует давать дивизии полосу в 4-5 километров. При этом для ее усиления потребуются один-два артиллерийских полка, несколько батальонов мощных танков. При наступлении же на фронте 2-2,5 километра она может обойтись своими собственными средствами.

Выступавшие в прениях П. Г. Понеделин, Д. Т. Козлов, В. Д. Соколовский и другие во многом не были согласны с положениями, выдвинутыми в последнем докладе. Они резонно оспаривали предложенные плотности обороны, излишний схематизм в организации и ведении боя и прочее.

31 декабря с заключительной речью на совещании выступил Нарком обороны маршал С. К. Тимошенко.

"Совещание, проведенное Главным военным советом, - сказал Тимошенко, по своему содержанию и значению является новым знаменательным этапом в жизни Красной Армии... Мы начинаем создавать новые основы, новые предпосылки для дальнейшего роста

нашей Красной Армии, мы углубляем и расширяем ту перестройку в Красной Армии, которую стали осуществлять... полгода тому назад... Мы начали по-настоящему выполнять указания товарища Сталина о поднятии военно-идеологического уровня наших командных кадров и положили начало созданию собственной военной идеологии" (подчеркнуто мною. - М. З.).

Под началом создания "собственной военной идеологии", видимо, следовало понимать что-то необычное, совершенно новое, что вносилось совещанием в теорию военного дела и ее составные части. Можно подумать, что до декабря 1940 года в нашей армии не было своей "собственной военной идеологии". Прозвучало довольно негативное отношение к прошлому опыту советской военно-теоретической мысли, которая имела полный приоритет и большие заслуги в разработке теории и практики глубокого боя и операции. Интересно проследить, в какой же степени "новые основы" и "начало" "собственной военной идеологии" в теории военной науки и военного искусства в целом нашли свое отражение в разделах доклада, посвященных некоторым вопросам характера современных операций, а также задачам боевой подготовки войск Красной Армии.

Анализируя опыт последних войн, и особенно войны на Западе, докладчик отмечал, что в области военного искусства в связи с применением и усовершенствованием средств вооруженной борьбы происходят большие сдвиги. Однако опыт войны в Европе не дает ничего нового в стратегическом творчестве. Что касается оперативного искусства - фронтовых и армейских операций, то в нем происходят крупные изменения, связанные с массированным применением танков и пикирующих бомбардировщиков,

моторизованных и мотоциклетных войск и авиадесантов. Эти, безусловно правильные, выводы были сделаны на основе операций, проведенных немецко-фашистскими войсками на Западе, и особенно в Польше.

Далее Тимошенко пытался превознести опыт войны на Карельском перешейке. Он говорил: "...если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений".

Такой вывод, на наш взгляд, был недостаточно обоснованным. Железобетонные оборонительные полосы на Западе были созданы на довольно узких участках границ, и главным образом Франции и частично Германии. Остальные страны не имели таких укреплений.

Недостаточно аргументированное положение понадобилось маршалу Тимошенко, видимо, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть важность подготовки Красной Армии в будущем к прорыву современных укрепленных оборонительных полос с самого начала войны. Этот довольно не убедительный тезис уводил командный состав в сторону от решения первостепенных задач, вытекающих из маневренного характера развернувшейся второй мировой войны.

Касаясь характера современной оборонительной операции и оборонительного боя, докладчик говорил: "Опыт войны показывает, что современная оборона не может ограничиться одной тактической зоной сопротивления, что против новых глубоких способов прорыва необходим второй и, пожалуй, третий оперативный эшелон обороны... При этих условиях оборона приобретает вновь свою устойчивость и сохраняет все права гражданства и в будущем..."

Развивая свою мысль, он отметил, что оборона не является решительным способом действий для поражения противника: последнее достигается только наступлением. К обороне прибегают тогда, когда не г достаточно сил для наступления, или тогда, когда она выгодна в создавшейся обстановке для того, чтобы подготовить наступление.

Нам кажется, что в этих высказываниях есть противоречия. С одной стороны, утверждалось, что к обороне прибегают в тех случаях, когда нет достаточно сил, когда их необходимо экономить, а с другой - выдвигалось требование глубоко эшелонировать войска в обороне. До этого в докладе И. В. Тюленева было показано, сколько зон и полос необходимо создавать в обороне и как располагать на них войска. Нет сомнения, что для организации такой обороны в реальной обстановке не хватило бы сил.

Докладчику необходимо было развернуть тезис о том, что оборона особенно выгодна лишь в том случае, если она мыслится как средство для организации наступления, а не как самоцель, и не вводить в свой доклад противоречивых положений.

Разделять оборону на упорную и подвижную, указывал далее Тимошенко, неправильно. Такая терминология неточна, так, как всякая оборона должна быть упорной. Поэтому он ввел два новых понятия: позиционная оборона и маневренная оборона.

Первая организуется с целью удержать определенную и подготовленную к обороне местность.

Вторая проводится при недостатке сил и средств, необходимых для создания позиционной обороны; она должна строиться на принципах подвижных действий войск, стремиться ослабить противника, сохранить свои силы, не считаясь подчас с потерей пространства.

В этих определениях также есть противоречие, так как ранее утверждалось, что "всякая оборона должна

быть упорной".

В позиционной обороне, говорил нарком Тимошенко, развитый армейский оборонительный район будет включать: передовую оперативную зону заграждений, тактическую оборонительную зону, оперативную оборонительную зону.

Тактическая войсковая оборонительная зона, указал нарком, должна являться главной зоной сопротивления, где должны быть сосредоточены основные усилия и где наступление противника должно быть сломлено. Она включает в себя: а) полосу обеспечения глубиной до 10-15 километров, которая создается с целью задержать и измотать наступающего противника и выиграть время для подготовки оборонительной полосы; полоса обеспечения оборудуется заграждениями; в ней действуют разведывательные части и передовые отряды; б) главную полосу обороны глубиной до 8-10 километров, имеющую назначение остановить и расстроить атаку противника; на ней располагаются основные силы обороны; в) вторую полосу обороны, где располагаются корпусные резервы; она должна преградить доступ в глубину прорвавшимся подвижным частям противника и служить исходным рубежом для контратак из глубины.

В целях предохранения войск, занимающих передний край, от огня противника в период его артиллерийской подготовки считалось целесообразным создать в главной полосе обороны две полосы сопротивления: передовую глубиной 2-2,5 километра и главную - глубиной тоже 2-2,5 километра. В первой иметь около 1/4-1/3 сил обороны, а главные силы расположить во второй, главной полосе сопротивления.

Основное назначение передовой полосы - прикрывать и маскировать главную полосу сопротивления. Передовая полоса сопротивления, имея перед собой зону сплошных заграждений, должна

остановить наступление противника или нанести ему наибольшие потери. На второстепенных направлениях передовая полоса может быть заменена усиленным боевым охранением.

Главная полоса сопротивления имеет также перед собой заграждения, и ее передний край должен развиваться как основной рубеж обороны. На ней располагаются главные силы пехоты и основные огневые средства.

За главной полосой следует полоса дивизионных резервов.

Вторая полоса обороны оборудуется по типу первой.

Вот такое развитие обороны и расположение войск в главной полосе сопротивления, говорил докладчик, нам надо ввести в нашу практику как один из вариантов построения обороны. Других вариантов предложено не было.

Нарком рекомендовал провести ряд опытных учений с целью "уточнить некоторые вопросы, связанные с подобным видом обороны".

Далее С. К. Тимошенко говорил об оперативной оборонительной зоне, которая должна быть максимально разгружена от всякого рода тыловых частей и учреждений, чтобы иметь свободу маневрирования резервами.

Тимошенко не согласился с теми, кто ранее вносил предложения о целесообразности создавать эту полосу на глубину 100-120 километров. Такие нормы, говорил он, "безусловно, не реальны и ведут к разброске сил".

Затем докладчик определил войскам возможный фронт обороны: для стрелковой дивизии 6-8-10 километров (на второстепенных направлениях 12-16 км), для стрелкового корпуса (три стрелковые дивизии) 20-25 и для армии (10-12 стрелковых дивизий) 80-100 километров.

В обороне на усиление армии могли быть дополнительно приданы два гаубичных артиллерийских полка, три минометных батальона, одна-две танковые бригады, одна-две химические танковые бригады и до авиационной дивизии. Кроме того, армия должна быть усилена подвижными противотанковыми средствами РКК.

Высказав основные положения по организации позиционной обороны, заимствованной из опыта войны с Финляндией (что подтверждается словами докладчика: "...такую полосу мы видели... на Карельском перешейке"), нарком Тимошенко призвал участников совещания учить войска умело обороняться и прорывать подобного рода укрепления.

Докладывая теоретические взгляды на наступательную операцию, нарком справедливо отметил, что на совещании иногда сквозило стремление перенести, без должного анализа и серьезной критики, образцы фронтовых операций Западной Европы в условия нашего Западного театра. Такие попытки ошибочны. "Наша теория по оперативно-тактическим вопросам помимо общих положений должна охватывать особенности в действиях войск на различных театрах, в разнообразных географических условиях".

По мнению докладчика, фронт как оперативно-стратегическое объединение включал в свои функции планирование боевых усилий армий и непосредственное руководство ими в процессе развития операций.

Добиться осуществления конечных стратегических результатов можно лишь путем достижения ряда промежуточных целей, из которых каждая может быть настолько значительной, что явится содержанием особой фронтовой операции содержанием целого стратегического этапа. Размах крупных фронтовых операций выражался следующими показателями:

ширина полосы наступления 80-150-300 километров; глубина одной операции 60-250 километров, а ряда последовательных операций - значительно больше; темп наступления 10-15 километров в сутки и более. Однако шаблон, говорил Тимошенко, "здесь абсолютно нетерпим".

При осуществлении указанной операции могли быть три формы оперативного прорыва. Первая (встречающаяся чаще. - М. З.) - единый удар сосредоточенными силами нескольких армий на одном сравнительно узком участке (например, мартовский прорыв в 1918 году тремя немецкими армиями на фронте до 70 км). Вторая - разгром всей обороны противника силами нескольких ударных армий, построенных на широком фронте (наступление на реке Сомма в июне 1940 года). Третья - несколько взаимосвязанных ударов, которые приведут к образованию отдельных армейских прорывов на нескольких операционных направлениях (Брусилловский прорыв 1916 года). Как отмечалось в речи, третья форма прорыва характерна для театров с относительно слабо развитой сетью дорог.

Далее был рассмотрен вопрос о том, как лучше совершать оперативный прорыв, в каких боевых порядках направлять войска. Учитывая структуру обороны противника и средства поражения, нарком предложил следующие варианты наступления.

По первому варианту стрелковые соединения, поддержанные эшелонами танков НПП, после мощной артиллерийской подготовки, под прикрытием огневого вала и авиации ближнего действия, ломают тактическую оборону противника и создают подвижным соединениям условия для броска в тыл. Однако этот вариант на основе опыта первой мировой войны считался опасным. Подобные операции, как правило, "затухали", так как темпы наступающих не

превосходили темпов сосредоточения оперативных резервов обороняющейся стороны. Таким образом, докладчик, по сути дела, отвергал разработанные у нас теоретические взгляды на тактику глубокого боя и ?ем самым на глубокую операцию.

Второй вариант наступления состоял в том, что подвижные механизированные соединения не развертываются в начальном этапе операции, а бросаются вперед; поддержанные мощным огнем артиллерии и авиации, они на широком фронте разрушают оборону противника. Этот вариант подкреплялся примером из опыта, полученного немецкой армией в 1940 году на реке Сомма, где для прорыва обороны на фронте 350 километров были развернуты две группы армий и тем самым был создан перевес в силах более чем вдвое. Такая форма, по мнению докладчика, давала большой оперативный эффект и отвечала характеру современной борьбы. Здесь, как мы видим, неправомерно преувеличивался опыт немецко-фашистской армии.

При проведении фронтовых операций на ударных направлениях рекомендовалось создавать следующие плотности: одна стрелковая дивизия на 2-2,5 километра; 50-100 орудий и 50-100 танков на километр фронта. Фронт мог получить на усиление от 15 до 30 авиационных дивизий. Кроме того, считалось необходимым во фронте и армиях иметь мощные подвижные резервные группы. Наступающий должен был иметь двойной перевес в силах.

Боевой порядок подвижной группы, самостоятельно прорывавшей оборону противника, строился следующим образом: впереди особый эшелон - воздушные десанты; за ним эшелон № 1 - бомбардировочная авиация; далее эшелон № 2 тяжелые танки; эшелон № 3 - соединения легких и средних танков; эшелон № 4 моторизованная и мотоциклетная

пехота; эшелон № 5 - артиллерия сопровождения крупных калибров; эшелон № 6 - стрелковые войска (пехота с артиллерией и танками), закрепляющие успех прорыва.

Предложенная схема была абстрактна и нереальна. Эшелоны тяжелых и средних танков должны были действовать без поддержки артиллерии и авиационного прикрития с воздуха; моторизованная пехота также не имела артиллерии и танков непосредственной поддержки. Элемент противовоздушной обороны всего оперативного построения совершенно отсутствовал. Следовательно, такая схема прорыва была неверна, как по боевому построению войск, так и по оснащению их техникой, которую в данном случае необходимо было иметь в невероятно огромных количествах, а это не отвечало производственным возможностям страны. Принцип экономии сил, по сути дела, предавался забвению.

К 1941 году наша армия не располагала таким большим количеством боевой техники. Следовательно, немецкий опыт ведения боевых действий на Западе в то время не мог быть для нас типичным. То же самое относится и к примерной плотности артиллерии (необходимой для прорыва укрепленной позиции противника), которую рекомендовалось рассчитывать, исходя из опыта прорыва линии Маннергейма.

Декабрьское совещание высшего командного состава Красной Армии и сборы, проведенные после этого в округах с командирами и начальниками штабов армейского звена, а также соединений и частей, сослужили большую и добрую службу. В короткий срок значительная часть командных кадров была ознакомлена с последними достижениями военной мысли и получила определенную практику. Личное общение и деловые творческие контакты позволили

военачальникам узнать друг друга, взаимно оценить свои воинские качества и способности.

Поставленные и детально разобранные на совещании и сборах актуальные проблемы советского военного искусства в целом явились новым шагом, новым словом в развитии военной науки. Военный и политический кругозор советского генералитета поднялся на одну ступень выше, горизонты его расширились. Советская теория глубокого боя и операции, разработанная в середине 30-х годов и зафиксированная в наших; уставах, обогащалась новыми положениями с учетом достижений науки и техники и мировой боевой практики.

Из краткого анализа докладов совещания и выступлений по ним следует, что многие вопросы требовали дополнительной разработки, так сказать рентгеновского просвечивания, а также проверки на маневрах и учениях. Начатое большое и нужное дело необходимо было энергично продолжить. Выработанный уровень военных знаний ждал своего распространения и внедрения среди командных кадров нашей армии. Но этого в связи с узкой полиграфической базой, излишней секретностью, ограниченным по своим возможностям научным аппаратом Наркомата обороны сделать полностью не удалось.

Наконец, декабрьское совещание позволило по-иному взглянуть на проблему планирования стратегического развертывания вооруженных сил в случае нападения агрессора на Советский Союз, по-иному оценить больные места и вскрытые недостатки в строительстве Красной Армии, оснащении ее новейшим вооружением и дальнейшем повышении боеготовности войск.

Глава 5.

Опасность фашистской агрессии нарастает

Новый план обороны страны. Изменения схемы мобилизационного развертывания. Совершенствование оборонной промышленности. Двусторонняя оперативно-стратегическая военная игра с высшим командным составом.

К середине 1940 года стратегическая обстановка в Европе изменилась коренным образом. Изменилась она и на наших западных границах. Игра в "странную войну" завершилась для Франции и Англии страшной катастрофой. Дания, Норвегия, Люксембург, Голландия, Бельгия были захвачены Германией в течение нескольких дней. Спустя некоторое время после трехнедельной безуспешной борьбы капитулировала Франция. Блок фашистских государств торжествовал победу.

Фашистская теория "блицкрига", авантюристичная и глубоко антинаучная в своей основе, благодаря политическим и стратегическим просчетам англо-французского командования увенчалась успехом, и гитлеровский генеральный штаб прочно уверовал в "правильность" ее принципиальных положений, исходивших из бредовых расовых идей нацизма.

Многие известные и всеми признанные принципы военного искусства, широко применявшиеся и в прошлом, истолковывались этой теорией в извращенном виде, с налетом элементов эпигонства и невежественного дилетантства. Метод разбоя, извлеченный из самых темных и гнусных арсеналов прошлого, возводится фашистами в высший принцип ведения войны. На первый план выдвигались внезапность и разлагающие морально-политические диверсии в сфере стратегического и оперативного звена руководства противной стороны (действия пятой колонны). Чтобы создать условия для внезапного нападения, рекомендовались методы изощренной провокации и вероломства, коварства и предательства.

При сосредоточении и действии крупных группировок на главных направлениях наступления отвергалась необходимость иметь достаточно сильные резервы. Массированное применение танков и авиации мыслилось без серьезной поддержки общевойсковыми соединениями. Глубокие танковые удары, наносившиеся с целью окружить противника, не обеспечивались другими родами войск, и поэтому танковые соединения часто были предоставлены самим себе. Военно-стратегические идеи фашистских теоретиков были пронизаны духом высокомерия, непристойного чванства иезуитской жестокости и тотального террора. При слабом, политически неустойчивом противнике это приносило успех.

Победа в Западной Европе окрылила гитлеровцев и сократила сроки подготовки нападения фашистской Германии на Советский Союз, разгром которого, по убеждению Гитлера, открывал немцам путь к мировому господству. Взоры хищного германского империализма устремились на Восток. Началась лихорадочная разработка планов и подготовка к наступлению на Советский Союз во всех сферах - экономической, дипломатической и военной.

Однако это были планы с негодными средствами. То, что приносило успех в войне с буржуазными странами Европы, правительства которых боялись своего народа больше, чем фашизма, не могло быть использовано против СССР, народы которого были сплочены Коммунистической партией и полны решимости отстаивать социалистическое Отечество.

Как уже говорилось, в результате событий, которые произошли осенью 1939 и весной 1940 года, государственная граница СССР в Европе была отнесена на несколько сот километров на запад. Красная Армия все больше оснащалась новейшей техникой и вооружением.

В связи с этим план стратегического развертывания, разработанный в 1938 году, потребовал пересмотра. С осени 1939 года в Генеральном штабе началась разработка любого плана. Первый вариант его был готов к концу июля 1940 года.

Основное содержание плана сводилось к следующему. Нападение врага на Советский Союз может ограничиться только нашими западными границами, но не исключалась возможность одновременного удара и со стороны Японии на Дальнем Востоке. Наиболее вероятным противником считалась Германия. Италия также примет участие в войне, главным образом на Балканах. На стороне Германии в военный конфликт могут быть втянуты Финляндия, Румыния, а возможно, и Венгрия. Иран и Афганистан займут позицию вооруженного нейтралитета. Турция под давлением гитлеровского правительства может открыто выступить против СССР.

Таким образом, Советский Союз должен был быть готовым вести борьбу на два фронта: на западе и на востоке. Ожидалось, что на западе и востоке Советского Союза противник сможет выставить около 270 пехотных дивизий, 11750 танков, до 16400 самолетов и 22000 полевых орудий.

Армия Германии, ведущая сила коалиции, имела до 8 млн. человек, в ней состояло 240-243 дивизии, 13900 самолетов, 9-10 тыс. танков, 20 тыс. орудий. Она была полностью развернута и отобилизована, получила богатый опыт ведения большой войны.

Против наших границ Германия вместе с Финляндией, Румынией, Венгрией могли развернуть 233 дивизии, 10550 танков, 13900 самолетов, до 18000 полевых орудий{126}.

При подготовке агрессии против СССР немецко-фашистский блок развернет свои главные силы, вероятнее всего, к северу от устья реки Сан, имея

основную группировку войск в Восточной Пруссии. Отсюда следовало ожидать развития главного удара в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и в дальнейшем на Двинск, Полоцк либо на Ковно, Вильно (Вильнюс), Минск; одновременно могли последовать удар другой группировки, развернутой по линии Ломжа, Брест в направлении Барановичей, а также высадка морских десантов в районе Либавы и на побережье Эстонии. В случае выступления Финляндии на стороне Германии финские войска при поддержке немецких дивизий могут нанести удар по Ленинграду с северо-запада.

В это время на юге Польши немцы могли развернуть наступление своих войск с фронта Хелм, Томашув, Ярослав на Дубно и Броды с целью выйти в тыл нашей львовской группировке, с тем чтобы в последующем овладеть Западной Украиной. Одновременно из районов Северной Румынии в общем направлении на Жмеринку ожидался переход в наступление румынской армии и немецких дивизий.

При изложенном варианте действий противника развертывание сил Германии выглядело следующим образом. К северу от устья реки Сан (на фронте Мемель, Седлец) немцы могли иметь до 123 пехотных, 10 танковых дивизий, большую часть своих самолетов; к югу от устья реки Сан - до 50 пехотных и 5 танковых дивизий.

Не исключалось, что для захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа немцы могут сосредоточить свои основные силы к югу от устья реки Сан, в районе Седлец, Люблин, с тем чтобы нанести удар на Киев, сопровождая его вспомогательными ударами из Восточной Пруссии.

Предполагалось, что при таком варианте немцы сосредоточат на юге 110-120 пехотных дивизий, основную массу бронетанковой техники и авиации, а на

севере - 50-60 пехотных дивизий и некоторую часть танков и самолетов.

В плане подчеркивалось, что "основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий - с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан".

Считалось, что Германии с начала сосредоточения до полного развертывания своих сил на наших западных границах потребуется 10-15 дней, Румынии (30 пехотных дивизий, в том числе 18 пехотных дивизий в районе Бо-тошани, Сучава) - 15-20 дней.

Финская армия, учитывая опыт кампании 1939/40 года, могла развернуть свои войска против СССР на пяти операционных направлениях: ленинградском, петрозаводском, ухтинском, кандалакшском и мурманском. Тогда их главные силы были нацелены на Карельский перешеек (армия Эстермана - 6 пехотных дивизий и 3 пехотные бригады) и на среднее течение реки Свирь (армейский корпус Хеглунда и группа генерала Талвелы силою до 3 дивизий).

В новых условиях при нападении на Советский Союз финская сторона без помощи извне вряд ли сумеет внести серьезные изменения в свою группировку. Лишь на Карельском перешейке ожидалось усиление ее за счет ввода 3-4 немецких дивизий. Завершение развертывания финской и немецкой армий допускалось не ранее как на 20-25-е сутки.

Следует сказать, что в плане была допущена недооценка возможностей Финляндии, особенно ее способности в короткий срок оправиться от только что понесенного серьезного поражения в советско-финляндской войне. Накануне Великой Отечественной войны финны совместно с гитлеровцами развернули более значительные силы, чем предусматривалось. На ленинградском и петрозаводском направлениях

противник сосредоточил 15 дивизий (из них одна немецкая) и на северном крыле фронта 6 дивизий (из них 4 немецкие).

Изложенные в плане прогнозы о районах приложения основных усилий немецко-фашистских войск на северо-западе также фактически не подтвердились. Главный удар их ожидался в первую очередь на Выборгско-ленинградском направлении, а вспомогательные - в сторону Петрозаводска и Кандалякши. Но боевые действия развернулись не только на Карельском перешейке, но и в межозерном дефиле (между Ладожским и Онежским озерами) в сторону реки Свирь, а также в направлении Мурманска.

Действия противника на западных морских акваториях ожидалось в трех районах. Немецкий и финский флоты могли сосредоточить свои силы главным образом в Балтийском и Баренцевом морях с задачей блокировать наши военно-морские базы на Балтике; высадить десанты в районе Либавы и захватить Моонзундский архипелаг; прорваться в Финский залив и заставить наш флот уйти к востоку; крейсерскими операциями и действиями подводных лодок контролировать коммуникации на Баренцевом море, блокировать порты Мурманска и Архангельска. Итальянский флот мог развернуть свои действия на Черном море.

На Дальнем Востоке Япония могла выставить против СССР и Монгольской Народной Республики до 39 пехотных дивизий, 2500 самолетов, 1200 танков и до 4000 орудий. Основная масса ее сухопутных войск, авиации и морского флота нацеливалась против советского Приморья.

В плане, исходя из изложенной расстановки сил на востоке и западе, делался вывод, что "в данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта

необходимо считать основным фронтом Западный. Здесь и должны быть сосредоточены наши главные силы". На восток же, учитывая возможности японцев, необходимо выдвинуть такое количество войск, которое полностью гарантировало бы нам устойчивое положение. Для прикрытия и охраны северного и южного побережья, границ в Закавказье и Средней Азии выделялись минимальные силы.

Поскольку главный удар немцев ожидался из района севернее устья реки Сан, то и основные силы Красной Армии развертывались к северу от Полесья. В случае начала агрессии на Западном театре военных действий предполагалось развернуть три фронта: на главном направлении - Северо-Западный и Западный, на юге - Юго-Западный.

Агрессивная политика Японии, подтверждавшаяся событиями последних лет, вынуждала Советский Союз иметь на Дальнем Востоке значительные вооруженные силы. Для действия в этом районе стратегический план развертывания предусматривал использовать группировку войск в составе Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Тихоокеанский флот.

Предложенный вариант плана обороны СССР, разработанный заместителем начальника Оперативного управления генерал-майором А. М. Василевским и одобренный Б. М. Шапошниковым, опираясь на тщательно обоснованный анализ складывающейся стратегической обстановки страны, вероятных группировок противника и ожидаемых его агрессивных действий, верно определял наиболее опасный театр войны и главное направление приложения основных усилий Советских Вооруженных Сил.

В данном варианте плана имелись, конечно, и свои недостатки. К ним, прежде всего, следует отнести излишне большое внимание, которое придавалось Северо-Западному стратегическому направлению (в

ущерб центральному); допуская возможность нанесения противником главного удара на люблинско-киевском направлении, план не предусматривал необходимых для данного случая противодействий.

В августе 1940 года, когда начальником Генерального штаба стал генерал армии К. А. Мерецков, этот проект плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР был пересмотрен. Генерал-майор А. М. Василевский с присущей ему добросовестностью и тщательностью разработал новый план с учетом данных ему указаний и представил его на рассмотрение.

18 сентября 1940 года доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза, скрепленный подписями Наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии К. А. Мерецкова, был представлен в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову для утверждения.

В докладе, как и в прежнем варианте плана, указывалось, что Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе - против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, на востоке - против Японии, занимавшей позицию вооруженного нейтралитета и всегда могущей пойти на открытое столкновение.

Западный театр войны определялся основным. На нем и должны быть развернуты наши главные силы. Наиболее мощным и опасным противником Генштаб продолжал считать Германию.

Силы фашистского блока и Японии, которые могли начать свои действия против СССР одновременно на западе и востоке, определялись в значительно больших размерах: 280-290 дивизий, 11750 танков, 30000 полевых орудий и 18000 самолетов.

Генеральный штаб производил эти расчеты, как и прежде, аналитическим методом. Конечно, ошибки при этом были неизбежны, но, как видим, приведенные цифры были недалеко от истины.

При распределении своих сил и средств учитывались степень важности тех или иных стратегических направлений и другие факторы.

Состав войск, выделяемых для обороны северного побережья, берегов Черного моря от Одессы до Сухуми, Закавказья и границы Средней Азии, оставался без изменения в сравнении с предыдущим проектом.

Все внимание обращалось на Западный театр (от Баренцева до Черного моря), где предусматривалось иметь почти такую же группировку войск, как и в первом плане.

По сравнению с прежним в новом плане нет каких-либо заметных изменений в оценке противника и своих войск, в распределении наших сил и в постановке им боевых задач, а также избираемых способах борьбы. Но совсем иными стали взгляды на решение коренного вопроса обороны страны на Западном театре.

В представленном плане Генеральный штаб предлагал главные силы Красной Армии в зависимости от обстановки развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста).

Окончательное решение на развертывание, по мнению Генштаба, зависело от той военно-политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны.

Поэтому в условиях мирного времени считалось необходимым иметь разработанными оба варианта.

Существенно новым моментом в сентябрьском проекте плана являлось признание, что основным его вариантом следует считать развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. Это утверждение вступало в явное противоречие с оценкой

предполагаемых намерений противника, приведенной в плане.

5 октября 1940 года план стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил был рассмотрен руководителями партии и правительства. В ходе обсуждения было признано целесообразным несколько рельефнее подчеркнуть, что Западный театр войны является главным и что основная группировка здесь должна быть развернута на Юго-Западном направлении. Исходя из этого, предлагалось еще более усилить состав войск Юго-Западного фронта. Второй вариант развертывания войск (севернее Припяти) хотя и не был открыто отвергнут, однако особой поддержки не получил.

Доработанный с учетом полученных замечаний план развертывания Советских Вооруженных Сил был представлен на утверждение правительству и ЦК ВКП(б) 14 октября 1940 года.

Таким образом, произошла полная переориентировка и перенацеливание основных усилий наших войск с Северо-Западного (как предлагал Б. М. Шапошников) на Юго-Западное направление.

С назначением генерала армии Г. К. Жукова начальником Генерального штаба план стратегического развертывания весной 1941 года вновь стал предметом обсуждения и уточнения. Последняя корректировка его была проведена в мае - начале июня 1941 года. Документ был написан, как и прежде, А. М. Василевским, а затем скорректирован генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным. Юго-Западное направление усиливалось 25 дивизиями.

Возникает вопрос: почему в конце 1940 года и особенно в первой половине 1941 года у советского стратегического руководства укоренился взгляд, что гитлеровская Германия при столкновении с СССР

направит свой главный стратегический удар именно на юг нашей страны?

Этот вопрос, при окончательном решении которого нашли свое отражение различные мнения как объективного, так и субъективного порядка, имеет свою историю. Еще в начале 30-х годов один из теоретиков в области стратегии А. А. Свечин, исходя из того, что против СССР должна была выступить коалиция во главе с Англией и Францией, предлагал Штабу РККА южный вариант обороны страны. По расчетам Свечина, главные силы интервентов могли вторгнуться со стороны моря на Черноморское побережье, а частью сил - через западные границы на Украину. Вспомогательный удар ожидался севернее реки Припять и со стороны Прибалтики. На мышление А. А. Свечина большое влияние оказывала теория "стратегии измора", его стратегические концепции не шли дальше эпохи Крымской войны. Не учитывался им и опыт гражданской войны 1918-1920 годов. Следовательно, Штабу РККА навязывалась давно скомпрометировавшая себя идея периферийной стратегии и кружных путей к достижению цели. Предложения А. А. Свечина в свое время после тщательного изучения были отклонены обоснованными аргументами Б. М. Шапошникова, а в последующем и А. И. Егорова.

Эта проблема возникла вновь в начале 1940 года. "И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном"^{127}. Он считал, что без важнейших жизненных ресурсов, которыми обладали Украина и Северный Кавказ, фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну^{128}.

Это убеждение И. В. Сталина постепенно окрепло. Особенно упрочилось оно весной 1941 года, когда гитлеровская Германия двинула свои вооруженные

силы для овладения странами Балканского полуострова.

Можно предположить, что частая смена начальников Генерального штаба в тот период (в течение шести месяцев на этот ответственный пост был назначен третий начальник{129}) кроется именно в той позиции, которую они вынуждены были отстаивать при решении коренного вопроса плана обороны страны.

Объяснения, что перемещение с поста начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова произошло якобы из-за того, что он стал "часто прибаливать", а К. А. Мерецкова - якобы потому, что его доклад на декабрьском расширенном совещании Главного военного совета в 1940 году не понравился С. К. Тимошенко, а разбор январской оперативной игры в 1941 году - И. В. Сталину, конечно, нельзя принять всерьез.

Перенацеливанию основных усилий Красной Армии на Юго-Западное направление в плане стратегического развертывания способствовали и другие обстоятельства. Отчасти это можно объяснить и тем, что ключевые посты в Генеральном штабе начиная с лета 1940 года постепенно заняли специалисты по Юго-Западному направлению. С назначением Народным комиссаром обороны маршала С. К. Тимошенко, до этого командовавшего Киевским Особым военным округом, произошли крупные перестановки в Генштабе.

В июле 1940 года из Киевского Особого военного округа в Генеральный штаб были назначены: генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин (начальник штаба округа) - сначала на должность начальника Оперативного управления, затем первого заместителя начальника Генштаба; генерал-майор Н. Л. Никитин начальником мобилизационного управления; корпусной комиссар С. К. Кожевников (член Военного совета КОВО) - военным комиссаром Генштаба.

В феврале 1941 года командующий КОВО генерал армии Г. К. Жуков выдвигается на пост начальника Генштаба. В марте этого года на должность начальника Оперативного управления Генштаба переводится заместитель начальника штаба КОВО генерал-майор Г. К. Маландин, а начальник отдела укрепленных районов штаба КОВО генерал-майор С. И. Ширяев - на должность начальника укрепленных районов.

Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение Юго-Западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на Западном театре войны их внимание, на наш взгляд, невольно приковывалось к тому, что было более знакомо, тщательно изучено и проверено, что "прикипело к сердцу", длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало на второй план наиболее весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий.

Подобный метод подбора руководящих работников Генерального штаба нельзя признать удачным. Никакого повода или веских оснований к широкому обновлению его состава в условиях приближавшейся войны, да к тому же лицами, тяготевшими по опыту своей прежней деятельности к оценке обстановки с позиций интересов командования Юго-Западного направления, не было.

Характер оперативно-стратегических взглядов работников, прибывших из КОВО, достаточно рельефно выражает представленная в Генштаб в декабре 1940 года "Записка по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год" за подписью начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева.

В разделе "Военно-политическая обстановка и оценка противника" указывалось, что "ввод немецких войск в Румынию и Финляндию, сосредоточение к границам СССР более 100 дивизий и направление политических и стратегических усилий на Балканы (группа генерала Бласковец и группа генерала Рейхенау), наличие германо-итало-японского союза и появление итальянских (видимо, имелось в виду немецких. - М. З.) дивизий в Румынии следует рассматривать не только как мероприятия, направленные против Англии, но и как мероприятия, которые могут обратиться своим острием против СССР... Такое положение на Балканах создает для Германии благоприятные условия: а) использование взаимодействия с европейским союзником - Италией; б) использование военно-экономических ресурсов Балканских государств (в первую очередь нефти) и их вооруженных сил (в первую очередь Венгрии и Румынии); в) использование плацдарма для вторжения на богатую сельским хозяйством и промышленностью территорию УССР". Отсюда делается вывод, что основные усилия Германии будут нацелены против Юго-Западного фронта, а значит, "здесь следует ожидать главный удар объединенных сил противника".

Возможность наступления немцев из Восточной Пруссии и района Брест-Литовска не отвергалась, но считалась маловероятной, поскольку Германия будет держать значительные силы против Юго-Западного фронта, чтобы не допустить его наступления на юге с целью разорвать связи гитлеровцев с Балканскими государствами.

Таким образом, оценивая сложившуюся к тому времени группировку германской армии и не приняв во внимание имевшиеся сведения о ее временном характере, Военный совет Киевского военного округа (на военное время округ становился Юго-Западным

фронтом) приходил к заключению, что "на ближайший отрезок времени группировка против СССР будет создаваться из существующей, характерной наличием крупных сил на Балканах и на юге Германии". Считалось, что против Юго-Западного фронта фашистский блок выставит 135-160 пехотных дивизий, 14 танковых соединений, 14-16 тыс. самолетов и 15 тыс. орудий.

С такой устоявшейся точкой зрения на военно-стратегическую обстановку на Западном театре войны, которая не расходилась со взглядами И. В. Сталина, надо думать, и вступил в должность начальника Генштаба генерал армии Г. К. Жуков. Тем более что эта идея получила веское подтверждение военными событиями, разыгравшимися весной 1941 года на Балканах при вторжении фашистской Германии в Югославию и Грецию.

Кстати сказать, вариант приложения основных усилий Германии против СССР на Южном стратегическом направлении одно время был вполне допустим. Как стало известно позднее, при разработке фашистского плана нападения на Советский Союз немецкое верховное командование рассматривало подобное предложение, представленное в оперативной разработке генерала фон Зоденштерна 7 декабря 1940 года{130} (в начале Великой Отечественной войны он был начальником штаба группы армий "Юг").

План Зоденштерна не нашел поддержки у немецкого верховного командования главным образом потому, что Южный театр военных действий, ограниченный Карпатами и припятскими болотами, имел малую оперативную емкость. Состояние коммуникаций в Венгрии и Румынии не позволяло осуществить своевременное сосредоточение достаточно мощной ударной группировки и внезапное вторжение в пределы СССР, а также обеспечить ее всем

необходимым. Пугали Гитлера и ненадежный балканский тыл, а также необходимость преодолеть в ходе наступления многочисленные реки, протекавшие в этом районе с северо-запада на юго-восток. Приведенные мотивы заставили немецко-фашистское руководство придерживаться северного варианта при нападении на СССР, который по всем предъявляемым требованиям имел существенный перевес по отношению к южному.

Было бы наивным утверждать, что указанные негативные стороны Юго-Западного театра военных действий оставались не известными нашему Генеральному штабу. Скорее всего, их отнесли в то время к числу второстепенных и при оценке обстановки в расчет не приняли. Убеждение в "правильности" принятых стратегических решений дополнительно подтверждалось информацией, полученной по каналам Наркомата государственной безопасности СССР в начале апреля 1941 года. В сообщении указывалось, что "выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает... молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток...".

Находясь под впечатлением вышеприведенных обстоятельств, наше стратегическое руководство не уловило своевременно момент, когда гитлеровский генеральный штаб отказался от "имеющихся выгод" на юге в связи со сложившейся военно-политической ситуацией на Балканах и принял сторону "кратчайших путей" на севере. Время же для этого, хотя и ограниченное, имелось. Это позволило бы нам переориентировать свои вооруженные силы с учетом вероятных намерений противника.

Целесообразно хотя бы коротко остановиться еще на одном плане обороны страны, выдвинутом накануне

войны якобы Б. М. Шапошниковым.

Суть этого плана (как это трактуется в некоторых военно-исторических и мемуарных трудах) заключается в том, что основные силы приграничных округов рекомендовалось держать на старой государственной границе за линией укрепленных районов. На новую границу предлагалось выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения. По мнению некоторых авторов, наше командование, отвергнув такой план, совершило чуть ли не роковую ошибку.

Достоверность выдвинутого плана выглядит по меньшей мере просто-напросто надуманной, сомнительной гипотезой. Чтобы установить всю несостоятельность и нереальность его основных стратегических положений, не потребуется глубокого анализа.

В военной истории уже имели место подобные прецеденты. Накануне Отечественной войны 1812 года прус-скип авантюрист генерал Фуль пытался навязать русскому царю Александру I нечто подобное для обороны русского государства от наполеоновского нашествия. По его мысли, армия Баркляя де Толли должна была, медленно отойдя за реку Западная Двина, обороняться, опираясь на укрепленные позиции Дрисского лагеря, а армия Багратиона, маневрируя и нанося короткие удары, должна была изматывать противника на обширных пространствах между границей и полосой укреплений. Приведенный план еще в начале XIX века представлял собой обветшалый курьез, взятый из эпохи наемных, вербовочных армий с магазинной системой снабжения.

Не менее печальный пример "маневренной" обороны можно привести из первой мировой войны. Оборона на реке Марна была поручена немецким войскам генерала Марвица. Последний решил оборону осуществить на

свой манер. Выставив наблюдение и небольшое прикрытие вдоль реки, он сосредоточил остальные силы в стратегическом резерве за линией укреплений. Когда англичане и французы начали переправу на северный берег Марны, то они почти не встретили никакого сопротивления. Проведенные в последующем немецкие контратаки не могли остановить англо-французского наступления. Такая "дубовая активность" немецкого генерала стала причиной серьезной неудачи.

По плану, автором которого якобы являлся Б. М. Шапошников, выходило, что часть территории советских республик, расположенной от Балтики до Карпат и от Западного Буга до 27-го меридиана (глубиной более 300 км), должна была стать чем-то вроде гигантского предполья, зоны заграждения. Эта территория неизбежно была бы утрачена почти без серьезного сопротивления, она обрекалась на захват противником без упорной и ожесточенной борьбы. Войска прикрытия, состоящие преимущественно из танковых и механизированных войск, без поддержки сильных групп пехоты и авиации неминуемо в неравной схватке были бы уничтожены. Красная Армия в короткий срок лишалась наиболее мощных ударных средств и оказалась бы в очень тяжелом и опасном положении.

Нет никакого сомнения, что существо разбираемого плана выглядит стратегической нелепостью. Такие предложения не могли исходить от Б. М. Шапошникова, который глубоко знал характер современной борьбы, владел обширными знаниями в области военной истории, имел крупные военно-исторические исследования, являлся автором ряда оригинальных планов стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил в различных международных условиях нашей страны, утвержденных после

тщательного обсуждения Центральным Комитетом и Советским правительством.

* * *

План стратегического развертывания, принятый в конце 1940 года, неумолимо потребовал пересмотреть прежний мобилизационный план. Практически он уже исчерпал себя, поскольку на его основе в сентябре 1939 года была проведена частичная мобилизация семи военных округов, прошло развертывание войск действующей армии во время событий на реке Халхин-Гол и в советско-финляндской войне. Развернутая с весны 1940 года широкая реорганизация стрелковых, танковых войск, войск противовоздушной обороны, артиллерии и военно-воздушных сил, а также перемещение значительного количества формирований к новой западной границе настоятельно требовали внесения существенных коррективов в мобилизационный план. При разработке его новой схемы необходимо было тщательно учесть опыт второй мировой войны и боевых действий Красной Армии по обеспечению государственных границ СССР, происходившие организационные изменения, установить иную систему дислокации войск и возможность их отмобилизования по очереди и в каждом округе в отдельности, в зависимости от обстановки.

Разработка мобилизационного плана на 1940-1941 годы, начатая в августе - сентябре 1940 года, осуществлялась начальником мобилизационного отдела Организационно-мобилизационного управления генералом Н. И. Четвериковым и его заместителем комбригом П. Н. Голубевым. Петр Никифорович Голубев - один из старейших моих сослуживцев по Белорусскому военному округу. Вместе с ним мы продолжали работать и в Генеральном штабе. Он был добросовестнейшим и хорошо подготовленным

штабным работником, особенно по организационным и мобилизационным вопросам. Многие месяцы с большим увлечением трудился П. Н. Голубев над новым мобилизационным планом. Им были последовательно разработаны три варианта плана. Последний вариант окончательно был доработан и доложен ЦК ВКП(б) и правительству в феврале 1941 года. Но, как и всякий другой план, не являющийся закостенелой догмой, он продолжал в последующем уточняться и дополняться.

В процессе работы над мобпланом было особенно рельефно видно, как с нарастанием угрозы нападения фашистской Германии на СССР советское стратегическое руководство, сообразуясь с меняющейся обстановкой, наращивало усилия по укреплению обороны страны, предусматривало привлечение более значительных мобилизационных ресурсов, чем это имелось в виду в первоначальных наметках.

С приходом на пост начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова была сделана попытка заново пересмотреть проекты плана мобилизационного развертывания.

К весне 1941 года Центральному Комитету ВКП(б) и Советскому правительству из авторитетных источников и информации, поступавшей по многим каналам, становится ясно, что фашистская Германия, разгромив буржуазные государства Западной Европы, переносит военные усилия с запада на восток, что она все шире развертывает интенсивную подготовку для нападения на Советский Союз.

В конце 1939 года на территории Польши и Словакии гитлеровцы имели примерно 25 дивизий. На границах с СССР к концу 1940 года находилось уже (вместе с финской армией) около 68, а в апреле следующего года до 100 дивизий. Через несколько месяцев фашистская Германия сосредоточивает на

востоке довольно внушительную силу - 150 дивизий (вместе со своей балканской группой){131}.

К середине марта 1941 года общая численность вооруженных сил Германии, по расчетам нашего Разведывательного управления, составляла около 8 млн. человек (в том числе в сухопутных войсках 6,5-7 млн. человек). В боевом составе гитлеровских сухопутных войск было 262-272 дивизии (пехотных 220-230, танковых - 20, моторизованных - 22), 11-12 тыс. танков, более 52 тыс. орудий, около 19200 самолетов. С широким размахом шло оборудование Восточного театра военных действий: расширялись и реконструировались аэродромы, строились полевые укрепления, склады и хранилища, расширялась и улучшалась дорожная сеть и т. д.

В условиях угрожаемого периода Советскому Союзу необходимо было в короткий срок пересмотреть многое. Генеральный штаб, конечно, видел, что сложившаяся ранее схема мобилизационного развертывания вооруженных сил (растянутая по времени на целый год и предусматривавшая отмотобилизование войск под защитой армии прикрытия) не отвечала новой природе войны. Времена, когда официально объявлялась война, затем открыто проводилась мобилизация, осуществлялись сосредоточение и развертывание войск и, наконец, открывались военные действия, давно миновали. Фашистские агрессоры, развязывая вторую мировую войну, провели мобилизацию, сосредоточение и развертывание вооруженных сил скрытно, еще в мирное время, прикрываясь мероприятиями, связанными с оккупацией Австрии, Чехословакии и боевыми действиями в Испании. Это позволяло им внезапно всей мощью ударных группировок вторгнуться на территорию избранной жертвы. Завершение мобилизационного развертывания они осуществили уже после начала войны.

К весне 1941 года обстановка для СССР еще более осложнилась. Теперь у наших западных границ стояли полностью отмобилизованные и развернутые, прошедшие почти двухлетнюю школу большой войны, готовые к нападению вооруженные силы фашистского блока. Экономика фашистских и оккупированных ими государств, переведенная на военное производство, в большом количестве ковала средства истребления. Становилось очевидным, что сдержать натиск внезапно перешедших в наступление ударных группировок агрессора мог только мощный эшелон войск, не уступавший противнику в живой силе и технике, но не "армия прикрытия".

Поскольку в новом варианте мобилизационного плана количество стрелковых и кавалерийских дивизий было снижено, сложилось новое соотношение родов войск по сравнению с мобпланом 1938-1939 годов. Удельный вес стрелковых соединений сократился на 2,3 процента, кавалерийских - в три раза, транспортных частей - в шесть и дорожно-эксплуатационных - в два раза. В свою очередь, количество механизированных соединений возросло почти в пять раз, частей авиации и войск противовоздушной обороны - в два раза.

Формирование новых частей и соединений планировалось провести в одну очередь. Создание вторых и третьих эшелонов формирований на этот раз не предусматривалось. Видимо, только ради формы ставились задачи: за первое полугодие войны дополнительно сформировать 9 артиллерийских полков, к концу года увеличить численный состав армии на 219 тыс. человек, а госпитальную сеть - на 400 тыс. коек.

В разработанном мобплане недостатки, присущие прежним планам, не были устранены полностью.

Планом предусматривалось в сжатые сроки развернуть большое количество частей и соединений. Но оборонная промышленность страны, не имея

необходимых материальных возможностей, не могла своевременно и в достаточном количестве обеспечить их, и особенно моторизованные и танковые дивизии, боевой техникой. Например, для оснащения армии недоставало 12,5 тыс. тяжелых и средних танков, 43 тыс. тракторов, около 298 тыс. автомобилей. Обеспеченность формирований и механизированных войск по тяжелым и средним танкам составляла 24-31 процент. К началу Великой Отечественной войны танковый парк новейших машин составлял: тяжелых танков KV - 625, средних Т-34-1225. Если бы наша промышленность производила ежегодно 4620 танков, 13525 тракторов, 83155 автомобилей, как это было предусмотрено планом на 1941 год, то некомплект по данным видам боевой техники можно было бы ликвидировать не ранее чем через пять лет.

Подобная картина наблюдалась и с оснащением авиации. В ее парке недоставало 13,6 тыс. самолетов фронтовой и тыловой авиации, в авиационных частях полностью отсутствовали двухмоторные истребители, не хватало около половины ближних бомбардировщиков.

Обеспеченность войск малокалиберной зенитной артиллерией и зенитными пулеметами не превышала 23-37 процентов. В войсках не хватало средств заправки и транспортировки горючего, имущества связи, особенно кабеля, полковых и армейских радиостанций.

Такое планирование могло быть вполне приемлемым и даже перспективным для условий мирного времени при устойчивой стабилизации международной обстановки. В предгрозовое же время в интересах поддержания высокой боевой готовности вооруженных сил следовало быть сугубо осторожным и строить расчеты не из того, что будет, а из того, что есть, установив поэтапное формирование с учетом

производственных возможностей нашей военной промышленности.

Принятые ЦК партии и Советским правительством меры, по своему характеру довольно напряженные, имели целью всемерно укрепить боеготовность Советских Вооруженных Сил. Они были вынужденной ответной мерой на усиленную подготовку фашистской Германии для нападения на СССР, развернутую еще с середины 1940 года.

Поэтому утверждения фельдмаршала Кейтеля и других гитлеровских военных преступников на Нюрнбергском процессе, что они вели против СССР превентивную войну, раздувание этой версии западно-германскими военными идеологами и их покровителями являются неприкрытой фальсификацией исторических событий.

Разработанный на 1940-1941 годы мобилизационный план предъявлял повышенные требования к уровню технического оснащения Красной Армии в новой обстановке.

Теперь, учитывая характер вооруженной борьбы (массовое применение танков и авиации, широкое использование минометов, автоматов и других средств), а также опыт первого периода второй мировой войны и военных действий Красной Армии по защите государственных границ в 1938-1940 годах, в план производства вооружения необходимо было внести существенные коррективы.

Приходилось серьезно считаться и с теневыми моментами, которые имелись в процессе всего военного производства. Отдельные отрасли нашей оборонной промышленности не обеспечивали всех запросов армии. Они нуждались в улучшении руководства, организации, контроля, а также в приложении новых усилий со стороны представителей науки и техники. Значительное отставание наметилось в производстве

боеприпасов: программа первого полугодия 1940 года была невыполнена. При реализации танковой, авиационной и морской программы возникли значительные трудности с производством отдельных видов артиллерийских орудий и стрелковых автоматических систем.

В апреле - мае 1941 года ЦК ВКП(б) и СПК СССР, положив в основу решения XVIII Всесоюзной партийной конференции (15-20 февраля 1941 года), на которой большое внимание было уделено состоянию оборонной промышленности, приняли ряд постановлений, направленных на расширение производства боеприпасов, морских и противотанковых орудий, танков и авиации. Повышенный интерес к данным видам вооружения вытекал из военно-стратегической обстановки, из необходимости резко поднять огневую мощь и ударную силу Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Однако возможности для создания новых производственных мощностей и расширения действующих почти отсутствовали. Поэтому правительство вынуждено было принять решение временно приостановить или сузить производство тех видов артиллерийского и стрелкового вооружения для Красной Армии, обеспеченность которыми была более или менее благополучной и запасами которых можно было обойтись хотя бы на короткий срок. Высвобожденные таким образом производственные мощности ряда военных предприятий использовались для производства вооружения, крайне необходимого для оснащения армии и флота. Вследствие этого на некоторое время был сокращен выпуск полковых и дивизионных пушек, ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов.

Анализ мероприятий, проводившихся в нашей стране в 1939-1941 годах, свидетельствует о том, что в

предвоенный период Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство принимали энергичные, порою чрезвычайные меры для того, чтобы удовлетворить потребности вооруженных сил в наиболее важных системах вооружения и не оказаться слабее противника.

Эти мероприятия, если перевести их на военный язык, можно было бы назвать производственно-техническим маневром с целью сосредоточить основные усилия производства на решении главнейших задач, прибегнув на второстепенных участках к неизбежным временным ограничениям.

Некоторые малоосведомленные авторы обвиняют наших военных руководителей и других ответственных лиц в том, что они как раз в канун войны сняли с производства пулеметы, противотанковые орудия, полковые пушки и т. д., допустив грубейшую ошибку, сказавшуюся в начале Великой Отечественной войны. Подобные суждения не убедительны и недостаточно обоснованны. Безусловно, огромный и сложный процесс усовершенствования систем вооружения не проходил идеально, без ошибок. При тщательном и заблаговременном изучении положения дел в оборонной промышленности, возможно, еще в тот период удалось бы найти дополнительные производственные мощности, тогда отпала бы всякая необходимость прибегать к временному ослаблению производства некоторых образцов наземной артиллерии и стрелкового автоматического оружия. Но для подобного поиска не доставало ряда важных слагаемых, главным из которых было время. Не приняв же срочно мер по повышению огневой мощи авиации и бронетанковых войск в угрожающих условиях надвигавшейся войны, можно было бы действительно оказаться в трагическом положении.

Своевременные мероприятия ЦК ВКП(б) и Советского правительства, самоотверженный труд наших ученых, рабочих, инженеров и техников позволили достигнуть крупных успехов в производстве решающих видов боевой техники и вооружения. К июню 1941 года Красная Армия получила 2739 самолетов новейших типов, 4357 танков, из них около 50 процентов совершенно новых конструкций, более 23 тыс. орудий и 48 тыс. минометов, в том числе опытные образцы реактивных установок М-13 ("катюши"). Система вооружения Красной Армии оказалась настолько совершенной и перспективной, что в ходе Великой Отечественной войны не потребовались значительная ее корректировка или коренные изменения, связанные с серьезной ломкой сложившегося процесса производства.

Строительство новых заводов, реконструкция существовавших, привлечение гражданских заводов к производству элементов артиллерийских выстрелов, переход к поквартальному планированию позволили повысить выпуск боеприпасов в 1941 году более чем в три раза по сравнению с 1940 годом.

Боеприпасы являются основным показателем целесообразности существования и боевого применения того или иного вида оружия. Об этом хорошо сказал И. В. Сталин: "...Все сводится к разрушению цели. Сила взрыва боеприпасов определяет мощь всех родов войск... и служит мерилom военно-экономической целесообразности затрат на ту или иную боевую технику. Неразумно строить дорогой бомбардировщик на большой радиус действия, если заряд авиационной бомбы будет недостаточно мощным"^{132}. В системе оборонной промышленности производство боеприпасов было наиболее трудоемким и дорогим, оно поглощало около 50 процентов бюджетных ассигнований на все военное производство.

Если за все предвоенные годы третьей пятилетки средний прирост валовой продукции всей промышленности составлял 13 процентов в год, то в оборонной он достигал 39 процентов. Такое колоссальное напряжение, связанное с производством боевой техники, вооружения, боеприпасов, было совершенно необходимо для всемерного укрепления обороноспособности Советского Союза.

Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство провели большую работу по созданию и размещению заводов-дублеров на востоке страны, за 50-м меридианом, где их раньше почти совсем не имелось.

К июню 1941 года военные предприятия, расположенные за Волгой, производили около 12 процентов продукции всей оборонной промышленности, а по некоторым видам вооружения и боеприпасов - более 25 процентов. Ускоренными темпами шло строительство военных заводов во многих районах Урала и Сибири.

Состояние оборонной промышленности накануне Великой Отечественной войны следует характеризовать не только количеством и качеством выпускаемой боевой техники, вооружения и боеприпасов, но и наличием значительных производственных резервов, необходимых для того, чтобы увеличить при необходимости выпуск продукции с началом войны. А такие резервы были. Ввод их в действие позволил в течение первых двух месяцев войны значительно поднять производительность оборонной промышленности, которая только за счет перевода оборонных заводов на режим работы военного времени возросла почти в два раза.

Благодаря неустанной и повседневной заботе партии и Советского правительства, самоотверженному труду рабочих, инженеров и техников наша

промышленность накануне войны оснастила Красную Армию самым современным и мощным вооружением, превосходящим по ряду показателей боевые и эксплуатационные качества вооружения армий западноевропейских стран, и в том числе Германии.

Если степень оснащения Красной Армии на 1 января 1937 года взять за 100 процентов, то к 22 июня 1941 года количество винтовок в ней возросло в 2,5 раза, пулеметов - почти в 2 раза, минометов - в 35 раз, противотанковых орудий - почти в 4 раза, танковых пушек - в 2,5, зенитных орудий - в 5, орудий средних калибров - в 2 и крупных калибров - в 3,5 раза. Появились совершенно новые виды оружия: автоматы, крупнокалиберные пулеметы, полковые минометы, полевая реактивная артиллерия.

Потребности Красной Армии в вооружении по плану обеспечения 1940 года были почти полностью удовлетворены, особенно в полковой, дивизионной и корпусной артиллерии.

Войска имели в достаточном количестве совершенные противотанковые и зенитные орудия. Вполне убедительно и авторитетно звучит заявление одного из видных руководителей оборонной промышленности того времени - Б. Л. Ванникова, что "наиболее подготовленной к началу войны была промышленность вооружения, занятая производством артиллерийского и стрелкового оружия"{133}.

Значительными были успехи и в производстве бронетанковой техники. Если с 1931 по 1936 год в общей массе выпущенных танков удельный вес средних и тяжелых; составлял 24 процента, то в первой половине 1941 года их доля возросла до 43 процентов. Производство тяжелых боевых машин, по сути дела, было создано заново: до этого выпускались опытные, единичные машины, теперь же переходили к серийному выпуску. Выдающимся достижением советского

танкостроения явилось создание непревзойденных в мире по совершенству конструкций и боевым качествам среднего танка Т-34 и тяжелого танка КВ.

Эти боевые машины были созданы в результате большого и упорного труда талантливых групп конструкторов во главе с М. И. Кошкиным (танк Т-34) и Ж. Я. Котиным (танк КВ).

Немецкая техническая мысль не только не сумела создать ничего подобного советским танкам - ей оказалось не под силу воспроизвести хотя бы приблизительную их копию.

Несмотря на то, что к 22 июня 1941 года на вооружении нашей армии (в составе парка средних и тяжелых боевых машин) имелся сравнительно небольшой процент новых образцов средних и тяжелых танков, тем не менее главная задача уже была решена: наша промышленность могла начать массовый серийный выпуск боевых машин новых систем. Теперь личному составу танковых войск необходимо было в короткие сроки освоить новую боевую технику, отыскать для них наиболее выгодные организационные формы и способы использования в боевой обстановке.

Важным моментом, ставившим немецко-фашистскую армию перед технической внезапностью, явилось создание в нашей стране совершенно нового вида вооружения - реактивной артиллерии. Судьба боевых ракет чрезвычайно превратна. История не раз выносила им смертный приговор. Некоторые военачальники не верили в перспективность их развития и использования. Еще в XIX веке французский генерал Пексана заявил: "Искусство и таланты тех, кто совершенствует боевые ракеты, кажется, очень велики. Но не потеряны ли эти старания и эти таланты, и можно ли надеяться, что это упрямое оружие когда-либо найдет применение на суше или на море?"

Прав был Пексана лишь в одном: боевые ракеты действительно "упрямое оружие". Попытки применить их: в ходе боевых действий предпринимались Англией, Германией, царской Россией. Кончались они неудачей. Русская военная мысль еще в начале XX века довольно близко подошла к правильному разрешению некоторых важных проблем в области ракетостроения. Однако практическая реализация выдвигаемых идей всякий раз наталкивалась на рутину, бюрократические барьеры и техническую отсталость. Только после Великой Октябрьской социалистической революции по достоинству оценили величие мысли и гениальные предложения К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, дали ход идеям молодых ученых; Н. И. Тихомирова, В. А. Артемьева, С. П. Королева и других.

Усилия энтузиастов ракетного дела в 1934 году были объединены в одном научном учреждении - РНИИ (Реактивный научно-исследовательский институт). В 1938-1939 годах мне, как помощнику начальника Генерального штаба, пришлось детально знакомиться с характером работы института, встречаться с его сотрудниками. Замечательный коллектив РНИИ, создавая и совершенствуя "рельсовую артиллерию", как иногда называли в то время реактивные установки, прошел нелегкий путь. Вначале сотрудники под руководством Б. С. Петропавловского сконструировали реактивный снаряд осколочно-фугасного типа. Сколько усилий в последующем потратили работники института для того, чтобы придать ракете устойчивость в полете и добиться кучности стрельбы при поражении цели, как часто им приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы усмирить ракету, не дать ей "рыскать" в полете.

Однажды произошел довольно курьезный случай. Известный советский ученый и талантливый инженер Г. Э. Лангемак предложил создать ракетный снаряд с

нарезами и выстрелить им из обычного орудия. Создали образец. Выехали на полигон. Зарядили, произвели выстрел. Здесь-то и начались злоклучения. Снаряд, дойдя до дульного среза, заклинился и потащил за собой пушку. Двигаясь по неровной местности, орудие стало разворачиваться в сторону комиссии, присутствовавшей на стрельбе. Все заметались, а потом бросились в укрытие. В конце концов эта своенравная "система" остановилась; в дульной части ствола, как бы насмехаясь над изобретателем, торчал вышедший наполовину снаряд. Теперь все были озадачены: как поступить со снарядом, как извлечь его из орудия? Развязка пришла неожиданно: охладившись, он сам выпал оттуда.

Обеспечить устойчивость ракеты в полете удалось В. А. Артемьеву, который применил стабилизаторы, значительно превышавшие калибр снаряда.

Не менее драматичными были эксперименты, связанные с созданием пусковых установок, без которых отработанные и испытанные 82- и 132-мм реактивные снаряды не могли эффективно использоваться.

Какие только конструкции не предлагались: сначала появился станок из труб, затем станок-штырь, за ним станок "флейта" (труба с прикрепленной к ней стальной полосой) и еще один станок, в шутку названный "моссельпромом".

Наконец И. И. Гвай и А. С. Попов предложили более совершенную конструкцию пусковой установки с Т-образным пазом; А. П. Павленко соединил две направляющие в одну; в заводских условиях они превратились в "рельсы".

В ноябре 1938 года в РНИИ стояли две первые установки, сделанные по заказу Главного артиллерийского управления. Выглядели они очень странно: все однопланные направляющие были

смонтированы поперек кузова машины. В декабре 1938 года состоялись первые испытания. Дали залп 24 снарядами. Артиллеристы сделали много полезных замечаний, их учли затем в 1939 году. Второй вариант установки испытывали в присутствии Наркома обороны. Новое оружие произвело сильное впечатление на всех присутствующих. В мае 1940 года был готов третий вариант машины. Его испытали летом на полигоне. Боевая машина приобрела почти окончательные формы. Направляющие удлинени до 5 метров (первоначальная длина 1,7 метра) и расположили вдоль платформы автомобиля. Их число уменьшилось до 16. Официально установка получила название БМ-13, что означало: боевая машина с калибром мины 132 мм.

Для войсковых испытаний к ноябрю 1940 года было создано семь установок. На основе этих первых машин в последующем сформировали батарею капитана И. А. Флерова. 14 июля 1941 года она дала свой первый боевой залп по врагу возле железнодорожной станции Орша. Так вышла на поля сражений знаменитая "катюша".

Труд создателей этого замечательного оружия был высоко оценен ЦК партии и Советским правительством. Еще 15 марта 1941 года большой группе научных сотрудников Реактивного научно-исследовательского института была присуждена Государственная премия за это выдающееся изобретение.

Ни одно из воевавших во второй мировой войне государств накануне и в ходе ее не избежало каких-либо промахов или ошибок в подготовке своих армий. Были просчеты и у нас, но они не носили рокового или катастрофического характера.

Заблаговременная и тщательная подготовка военной промышленности с учетом постоянно меняющейся международной обстановки, достижений научно-технической мысли и характера войны явилась

прочной военно-материальной основой победы Советского Союза над силами агрессии и фашизма. "Созданная в предвоенные годы оборонная промышленность обеспечила вооруженные силы страны современной военной техникой"{134}, причем на протяжении всей войны и во все возрастающих размерах.

Это обстоятельство было одним из слагаемых в сумме факторов, принесших победу Советскому Союзу над фашистской Германией. Источники нашей победы заложены надежде всего в преимуществах советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства.

Следует учитывать, что в современных условиях деятельность оборонной промышленности значительно усложнилась ввиду совершившейся военно-технической революции и создания ракетно-ядерного оружия. Оборонная промышленность теперь должна быть готова обеспечить все потребности вооруженных сил на основе новейших достижений науки и техники.

Нагрузка на военную экономику значительно увеличивается. Правильный выбор наиболее оптимального и перспективного направления в развитии систем вооружения, который создавал бы техническую неожиданность для врага в условиях войны, приобретает ныне первостепенное значение.

Поскольку темпы развития и совершенствования современного вооружения и техники резко возрастают, поскольку усложняются их конструкции и увеличивается стоимость производства, подход к смене одной системы вооружения другой, более эффективной, должен быть глубоко научным, тщательно согласованным с экономическими ресурсами государства и его военно-стратегическим положением.

Как бы остро ни стоял вопрос удовлетворения потребностей вооруженных сил более современным

оснащением, перестройка производства на изготовление новых образцов вооружения может быть осуществлена только поэтапно. Опыт прошлого убедительно свидетельствует, что на протяжении какого-то довольно длительного периода производство старого и нового вооружения обязательно будет идти параллельно. При этом производство старого вооружения закономерно сужается, а нового - расширяется. Быстрое моральное устаревание оружия в современных условиях неминуемо выдвигает на сцену новейшие образцы различных систем. Состязание между количественными и качественными показателями в вооружении и технике достигло сейчас столь высокого динамизма, что период перехода от производства одной системы к другой практически не имеет резко очерченных границ. В военном производстве помимо основного, отработанного и проверенного всегда будет оставаться что-то от старой системы, а что-то представлять новейшую. При оценке системы вооружения речь должна идти о том, в каком процентном соотношении находятся новые средства современной борьбы по сравнению как со старыми, так и с новейшими их образцами. Преимущество закономерно получит та сторона, у которой качественные и количественные показатели вооружения окажутся выше, чем у противника. Успешное осуществление предъявляемых жизнью требований под силу только современному, развитому производству, опирающемуся на высокий уровень науки и техники.

Для проверки основных положений плана обороны страны, отработки некоторых вопросов, связанных с действиями войск в начальный период войны, в январе 1941 года в Генеральном штабе с высшим командным составом проводились оперативно-стратегические игры. Они проходили под общим руководством Наркома

обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии К. А. Мерецкова. К руководству игрой привлекались заместители Наркома обороны Маршалы Советского Союза С. М. Буденный, Г. И. Кулик и Б. М. Шапошников, заместители начальника Генерального штаба генерал-лейтенанты Н. Ф. Ватутин и Ф. И. Голиков, помощник начальника Генерального штаба генерал-майор В. Д. Иванов, начальники родов войск и служб Наркомата обороны. Свыше 32 наиболее подготовленных офицеров и генералов Оперативного управления Генштаба вошли в состав штаба руководства. Кроме того, для технической работы привлекалось 55 человек. Таким образом, было создано что-то вроде импровизированной Ставки Верховного Главнокомандования.

Планы проведения игр были разработаны под руководством заместителя начальника Генерального штаба, начальника Оперативного управления генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, его заместителя генерал-майора А. М. Василевского, начальников отделов Оперативного управления генерал-майора П. И. Кокорева и полковника В. В. Курасова.

В разработке важнейших составных частей плана игр (общая и частная обстановка действующих сторон) принимали участие сотрудники Генштаба полковники Н. П. Ковальчук, С. И. Гунеев, С. М. Енюков, подполковники А. А. Грызлов и С. И. Иванов. Материалы и расчеты по видам сил и родам войск представили: по ВВС - генерал-майоры П. П. Юсупов и Б. Л. Теплинский, полковник Е. С. Чалик; по морскому флоту - капитаны 2 ранга И. Голубев, В. И. Сумин; по вопросам тыла - полковник И. Н. Титов; по связи - полковник Д. Н. Абрамов; по автобронетанковым войскам - генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко, генерал-майор И. С. Евтихеев, полковник А. И. Акимов; по инженерным вопросам - генерал-майор инженерных войск И. П. Галицкий, подполковник З. И.

Колесников, бригадный инженер И. А. Савин; от санитарных войск - военврач 1 ранга А. Н. Соколов.

При составлении планов игр в основу стратегической обстановки были положены предполагаемые события, которые могли развернуться на западной границе в случае нападения фашистской Германии на Советский Союз. При этом был учтен опыт последних действий немецко-фашистских войск в Европе. "Западные" (немцы) и их: союзники условно были нападающей стороной, а "восточные" (Красная Армия) - обороняющейся.

На играх Генеральный штаб планировал решить следующие учебные задачи: 1) разработать и усвоить основы современной оборонительной и наступательной операции; 2) дать практику высшему командному составу в организации и планировании фронтовой и армейской операции, в управлении войсками и организации взаимодействия основных родов войск и Военно-Морского Флота; 3) отработать вопросы: оборона государственной границы при нападении превосходящих сил врага; отход на подготовленный оборонительный рубеж; проведение частных операций с целью нанести поражение противнику в приграничном сражении; преодоление предполья; овладение укрепленными районами; прорыв оборонительного полевого рубежа противника; организация преследования и форсирования конно-механизированной армией реки, а также горных перевалов; 4) изучить Прибалтийский и Юго-Западный театры военных действий.

Обстановка, созданная для игр, изобиловала драматическими эпизодами для восточной стороны; она во многом была похожей на события, которые развернулись на наших границах в июне 1941 года после вероломного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз.

Не имея целью раскрывать весь ход игр и перипетии борьбы сторон, для чего потребовалось бы целое исследование, остановимся только на некоторых характерных их особенностях.

Так, согласно общей исходной обстановке по планируемой первой оперативно-стратегической игре "западные", упредив в развертывании "восточных", создали четыре фронта от Балтики до Черного моря (Северо-Восточный, Восточный, Юго-Восточный и Южный) и 15 июля 1941 года перешли в наступление двумя северными фронтами. Главный удар "западные" наносили двумя южными фронтами (160 дивизий) в полосе к югу от Бреста в направлении Владимир-Волынский, Тарнополь.

Два фронта к северу от Бреста до Балтийского моря выставили в первом эшелоне 60 дивизий. Они, не дожидаясь полного сосредоточения всех сил, перешли в наступление с целью обеспечить действия соседних фронтов на главном направлении; нанося удары из районов Восточной Пруссии в направлении Риги и Двинска (Даугавпилс), а из районов Сувалки и Брест-Литовска на Барановичи, имели целью к 15 августа выйти на фронт Барановичи, Двинск, Рига.

Наступление сухопутных войск "западных" поддерживалось мощными воздушными силами. На приморском направлении войска взаимодействовали с флотом.

По обстановке войска Северо-Восточного фронта (в его составе находилось три армии) были остановлены на рубеже Осовец, Скидель, Лида, Каунас, Шяуляй сильным контрнаступлением "восточных", в котором участвовало 50 дивизий. Не сдержав натиска, соединения Северо-Восточного фронта начали отход на заранее подготовленный рубеж обороны с широко развитой системой укрепленных районов. Опираясь на него, фронт должен был до подхода резервов сдержать

наступление "восточных", а затем (ориентировочно 10 августа) перейти в наступление и во взаимодействии с войсками соседнего фронта, а также морским флотом разгромить противника и к 5 сентября 1941 года овладеть ранее указанным рубежом.

В это время соседний фронт справа, тоже отошедший под давлением "восточных" на подготовленную полосу обороны на рубеже Влодава, Остров-Мазовецки, с подходом резервов (десять пехотных и две танковые дивизии) должен был перейти в наступление в прежнем направлении - Брест, Барановичи.

Соседи слева (союзники "западных"), встретив сильное сопротивление "восточных", вели безуспешные наступательные бои на линии государственной границы.

Командование Северо-Восточного фронта "западных" возглавлял генерал Г. К. Жуков - командующий войсками Киевского Особого военного округа. Начальником штаба фронта был генерал М. А. Пуркаев - начальник штаба этого же округа, начальником оперативного отдела - генерал Е. Г. Троценко начальник штаба Забайкальского военного округа, заместителем начальника штаба фронта по тылу - генерал П. А. Ермолин - заместитель начальника Управления устройства тыла Генштаба, командующим ВВС фронта - генерал П. Ф. Жигарев - заместитель начальника Главного управления ВВС, начальником штаба ВВС фронта - генерал А. А. Новиков - командующий ВВС Ленинградского военного округа. Командующий Северным флотом контрадмирал А. Г. Головкин играл в должности командующего Балтийским флотом "западных".

Командующие Одесским (генерал Я. Т. Черевиченко), Ленинградским (генерал М. П. Кирпонос) округами и командующий Дальневосточным фронтом

(генерал Г. М. Штерн) руководили соответственно действиями 10, 9 и 8-й армий; командующий Приволжским военным округом генерал В. Ф. Герасименко, начальник штаба Ленинградского военного округа генерал П. Г. Понеделин и начальник штаба Дальневосточного фронта генерал М. А. Кузнецов были соответственно назначены на должности начальников штабов этих армий. Начальник штаба Закавказского военного округа генерал Ф. И. Толбухин играл за командира армейского корпуса, а командующий 17-й армией генерал П. А. Курочкин - за командира механизированного корпуса.

Северо-Западный фронт "восточных", имея в своем составе пять армий, прикрывал Балтийское побережье. Его главные силы, успешно отразив наступление "западных", к 1 августа 1941 года отбросили их в исходное положение.

Справа действовал Северный фронт, успешно отражавший удары противника на Ленинград и готовившийся перейти в наступление с 5 августа; слева Западный фронт (27 стрелковых, 4 танковые и 10 авиационных дивизий), имевший задачу обеспечивать операцию Северо-Западного фронта.

Балтийский флот вел борьбу с флотом "западных", воспрещая высадку десантов противника на побережье островов Эзель и Даго, совместно с авиацией действовал на коммуникациях врага, не допуская проникновения его флота в Финский, Ботнический и Рижский заливы.

Северо-Западный фронт "восточных" возглавлял командующий войсками Западного Особого военного округа генерал Д. Г. Павлов. Начальником штаба фронта был начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал П. С. Кленов, начальником оперативного отдела - начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В. Е. Климовских,

командующим ВВС фронта начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал П. В. Рычагов, а начальником штаба ВВС фронта - начальник штаба ВВС Красной Армии генерал Д. Н. Никишев. Балтийским флотом в игре командовал заместитель начальника Главного военно-морского штаба - начальник Оперативного управления контр-адмирал В. А. Алафузов. Командующий Северо-Кавказским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, генерал-инспектор пехоты Красной Армии генерал А. К. Смирнов, командующие Закавказским военным округом генерал М. Г. Ефремов, Среднеазиатским военным округом генерал И. Р. Апанасенко и Забайкальским военным округом генерал И. С. Конев командовали соответственно 1, 14, 9, 19 и 27-й армиями, а командующий Уральским военным округом генерал Ф. А. Ершаков играл за командиров 25-го и 10-го механизированных корпусов. Командующие армиями генералы А. А. Тюрин, В. И. Морозов, В. И. Кузнецов, В. З. Романовский и И. Н. Музыченко исполняли должности начальников штабов соответствующих армий, начальник штаба Среднеазиатского военного округа генерал М. И. Казаков выполнял обязанности командиров двух механизированных и кавалерийского корпусов. Командующими ВВС армий были генералы Т. Т. Хрюкин, Г. П. Кравченко и И. И. Конец.

Для подыгрывания восточной стороне была создана дублирующая особая группа, в которую вошли генерал И. В. Тюленев - командующий Северо-Западным фронтом, генерал М. М. Попов - начальник штаба фронта, генерал П. Г. Егоров - начальник оперативного отдела, генерал И. И. Проскуров командующий ВВС. Соответственно командующими армиями фронта были назначены генералы С. А. Калинин, А. И. Еременко, В. Я. Качалов, Ф. Г. Ремизов, М. Ф. Лукин.

Согласно исходной обстановке и замыслу операций сторон второй проводимой игры "западные" и их союзники разворачивали свои силы к югу от Люблина до Черного моря. Перейдя в наступление двумя фронтами, вначале Юго-Восточным, а затем Южным фронтом, в общем направлении на Проскуров, они должны были окружить и уничтожить львовско-тернопольскую группировку "восточных", а в последующем выйти на фронт Одесса, Хмельники, Шепетовка, река Случь.

Южный фронт (48 пехотных, 4 кавалерийские, 4 танковые, 2 механизированные дивизии и 2 мехбригады, 2475 танков и 2286 самолетов) силами 4, 6 и 5-й армий переходил в наступление на проскуровском направлении. Прорвав оборону "восточных" и отбросив их на север, его ударная группировка должна была к исходу 8 августа выйти к Днестру и форсировать его на участке Могилев-Подольский, Хотип. Попытки 2-й армии форсировать реку Прут на фронте Хуши, Яссы успеха не имели; поэтому она занимала прежнее положение по реке Прут, от побережья до Ясс.

Фронт возглавлял командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, начальником штаба фронта был генерал П. С. Кленов, начальником оперативного отдела - начальник штаба Архангельского военного округа генерал П. Г. Егоров. Командующий Ленинградским военным округом генерал М. П. Кирпонос и командующий Забайкальским военным округом генерал И. С. Конев командовали соответственно 6-й и 5-й, а генералы М. М. Попов и В. И. Кузнецов - 2-й и 4-й армиями.

Юго-Восточный фронт "западных" в составе 3, 14, 16, 18 и 24-й армий (37 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, 4 механизированные бригады, около 739 танков, 2170 самолетов), выполняя задачу по окружению и разгрому львовско-тернопольской группировки "восточных" (направление ударов см.

схему 17), получил сильный контрудар "восточных" с рубежа Львов, Ковель. 14, 16 и 18-я армии, потеряв до 20 дивизий, к исходу 8 августа 1941 года отошли на заранее подготовленный рубеж по рекам Дунаец и Висла (по линии Тарнув, Демблин), а 3-я армия вела боевые действия на рубеже Жабье, Ужок вдоль границы.

Действиями Юго-Восточного фронта руководил генерал Д. Г. Павлов, начальником штаба фронта был генерал В. Е. Климовских. 3-й армией командовал генерал Ф. А. Ершаков, 14-й - генерал В. Я. Колпакчи (командующий Архангельским военным округом), 16-й - генерал М. Г. Ефремов (командующий Закавказского округа), 18-й - генерал М. П. Ковалев (инспектор пехоты Красной Армии) и 24-й армией - генерал В. Ф. Герасименко (командующий Приволжским военным округом).

Морские силы "западных", выйдя к исходу 8 августа из Средиземного моря, должны были к 10 августа преодолеть противодействие морских сил "восточных" и прорваться через Босфор в Черное море для того, чтобы захватить там господство и содействовать армиям Южного фронта на приморском направлении.

Юго-Западный фронт "восточных" (он действовал от Бреста до Черного моря) в составе 3, 25, 7, 9, 11, 13, 15-й и конно-механизированной армий (81 стрелковая, 6 кавалерийских, 10 танковых и 4 механизированные дивизии, 12 отдельных танковых и 6 отдельных механизированных бригад, около 8840 танков, 5790 самолетов) осуществлял наступательную операцию.

На дрогобычском и каменец-подольском направлениях войска левого крыла фронта с трудом сдерживали крупные силы противника, перешедшие в наступление 10 августа.

За Юго-Западный фронт играли: командующий - генерал Г. К. Жуков, начальник штаба - генерал М. А.

Пуркаев, начальник оперативного отдела генерал М. А. Кузнецов, командующий военно-воздушными силами фронта генерал П. В. Рычагов. Армиями соответственно командовали генералы И. В. Тюленев, А. И. Еременко, И. Н. Музыченко, Ф. Г. Ремизов, И. Р. Апанасенко, А. К. Смирнов, Я. Т. Черевиченко, П. А. Курочкин.

В тезисах по итогам первой игры (она проходила 2-6 января 1941 года) внимание ее участников обращалось на следующие положения.

В вооруженных столкновениях, происходивших до первой мировой войны и в ходе ее, боевые действия начинались обычно встречным сражением. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, опоясаны железобетонными укреплениями. Но их можно обойти. Примером этому являются действия немецко-фашистской армии, которая, не считаясь с нейтралитетом Голландии и Бельгии, обошла с севера французскую линию Мажино. Однако на Карельском перешейке в 1939-1940 году этого сделать было невозможно: укрепления Финляндии пришлось прорывать. Поэтому войска должны учиться действовать в подобных условиях.

По замыслу первой оперативной игры наступательную операцию фронта, проводившуюся в условиях только что начавшейся войны, предусматривалось начинать с прорыва сильно укрепленных полос. Этим, как видно, отдавалась дань взглядам на наступательную операцию, изложенным в докладе Г. К. Жукова и заключительной речи наркома С. К. Тимошенко на совещании в декабре 1940 года.

"Восточные" (Северо-Западный фронт) перед началом прорыва обороны противника должны были частными операциями ликвидировать "западных". За время, потребное для выполнения этих задач, необходимо было закончить перегруппировку сил, спланировать всю фронтную операцию в целом, чтобы

не допустить паузы между окончанием частных операций и началом главной, не дать противнику оправиться после поражения.

Командующий "западной" стороны (Северо-Восточный фронт) должен был принять решение, которое могло бы сводиться к следующему: остановить наступление противника на заранее подготовленных укрепленных рубежах, нанести ему поражение и, сосредоточив подходившие резервы, создать группировку войск, выгодную для наступления. Это предполагаемое решение и было принято командованием "западных".

По решению "западных" руководитель учений сделал следующие замечания.

Наносить контрудары перед укрепленными районами нецелесообразно и опасно; при неудачных действиях атакующих противник на плечах отходящих войск может ворваться в укрепленные районы. Следует стремиться нанести наибольший урон наступающему огневыми средствами, не допуская разгрома своих войск по частям перед укрепленными районами. Оставлять сувалкский выступ также нецелесообразно, лучше сохранить его за собой, чтобы в последующем одновременными ударами с выступа из района Бресг-Литовска на Барановичи изолировать всю основную группировку Северо-Западного фронта.

Разбирая действия "восточных", руководство игрой отметило следующее: решение нанести главный удар левым крылом фронта (19-й, 27-й армиями и подвижной группой) является, по существу, правильным, так как фронтальное наступление на сильно развитую систему долговременных укреплений врага не сулило быстрого и решительного успеха. Однако для выполнения этой задачи войскам, наносившим удар на главном направлении, необходимо иметь большее количество сил и подвижных средств, так как при осуществлении

обходного маневра значительно увеличится протяженность фронта, что, в свою очередь, потребует надежного обеспечения внешнего заходящего фланга.

Оценивая действия военно-морских сил, руководство игрой отмечало, что флот "восточных" выделял недостаточное количество кораблей для уничтожения основных сил противника на море. Поэтому "западные", хотя и понесли значительные потери, но все же сумели укрыть большую часть средств в базах.

Флот "западных", отказавшись от высадки десантов на побережье, занимался демонстрацией и предварительным развертыванием главных сил, а также выводом линкоров в открытое море. Эти ошибочные решения привели к бесцельным потерям 3 броненосцев, 8 эсминцев и 20 транспортов.

Играющие стороны не организовали четкого взаимодействия морских сил с сухопутными.

Таким образом, итоги первой игры показали, что оперативно-стратегический кругозор многих командиров высшего звена был далек от совершенства и требовал дальнейшего кропотливого и настойчивого труда в оттачивании искусства управления и вождения крупными соединениями, глубокого усвоения характера современных операций, их организации, планирования и последовательного осуществления на практике.

Вышеупомянутые тезисы подводили итоги и второй оперативно-стратегической игры, проходившей 8-11 января 1941 года.

На второй игре, так же как и на первой, отрабатывались следующие вопросы: преодоление предполья и овладение укрепленными районами, преследование противника, форсирование конно-механизированной армией крупных рек и преодоление горных районов, прорыв полевой обороны, отражение контрударов превосходящих сил врага, отход в

сочетании с обороной на заранее подготовленные рубежи. Эта игра в отличие от первой, которая проходила в сравнительно небольшом лесисто-болотистом районе, имела более широкий пространственный размах и протекала в степной и горной местности с наличием большого количества водных преград.

С обеих сторон участвовали значительные силы. В составе Юго-Восточного и Южного фронтов "западные" имели 85 пехотных, 6 кавалерийских, 4 танковые, 2 механизированные дивизии, 6 механизированных бригад, 3214 танков, около 8 тыс. орудий, 4456 самолетов.

В составе Юго-Западного фронта "восточных" было: 81 стрелковая, 6 кавалерийских, 10 танковых и 4 механизированные дивизии, 12 отдельных танковых и 6 отдельных механизированных бригад, около 8840 танков, 9 тыс. орудий (без противотанковых) и около 5790 самолетов.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Г. К. Жуков, получив к исходу 8 августа вводную от руководства проводимой игрой, должен был при оценке обстановки учитывать, что противник при примерном равенстве сил продолжал наступать на юге в направлении Проскурова и тем самым создавал угрозу глубокому тылу войск фронта.

Исходя из этого, он решил ликвидировать эту опасность, а также сорвать угрозу наступления противника на люблинско-львовском направлении и одновременно создать мощную группировку для того, чтобы нанести удар на главном направлении. Этот удар давал возможность расколоть общий фронт коалиции врага, изолировать силы основного противника от армии сателлитов, т.е. есть "юго-западных" и "южных".

Для решения последней задачи фронт имел сильные резервы (6 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских и 2

механизированных корпуса). Проводя частные операции на крыльях фронта, эти резервы необходимо было сохранить во что бы то ни стало.

Места и задачи армий в замысле операции Юго-Западного фронта определялись следующим образом.

Прежде всего необходимо было уничтожить "южных", наступающих на Проскуров. Для решения этой задачи привлекались 13-я и 15-я армии. Они наносили концентрические удары глубиной 100-120 километров, окружали и уничтожали противника. От обеих армий требовалось решительное сосредоточение сил на направлении главного удара, так как они действовали на широком фронте (13-я армия - 300 км и 15-я армия - 540 км).

Одновременно с этим фронт должен был силами 9-й армии нанести короткий удар, чтобы ввести противника в заблуждение (скрыть направление своего главного удара).

Действия 9-й армии и всего фронта в целом обеспечивали 25-я и 7-я армии, которые прочной обороной прикрывали правое крыло фронта от возможных ударов варшавской группировки противника.

При разработке и в ходе первой и второй оперативно-стратегических игр (проводимых на фоне начального периода войны, в условиях нападения "западных" на "восточных") были допущены существенные недочеты.

Так, планом первой игры предусматривалось, что "восточные", сдержав натиск противника, при нанесении ответного удара сразу же на границе должны были преодолевать предполье и укрепленные полосы врага. Однако на новой государственной границе, образованной после освободительного похода на Запад, советские войска не могли встретить подобных укреплений. Следовательно, созданная на

игре обстановка не отвечала действительности, несколько переоценивала наши оборонительные возможности и, таким образом, не давала реального представления о характере боевых действий войск в начальный период войны.

Как видно, при разработке игры ее составители руководствовались лишь теми положениями, которые были высказаны на декабрьском совещании высшего командного состава в 1940 году.

Фронтные объединения, созданные по игре, были тяжеловесными и трудно управляемыми. Для фронта наиболее приемлемы действия на одном, в крайнем случае на двух операционных направлениях. Действия же Юго-Западного фронта происходили на трех расходящихся, ярко выраженных самостоятельных направлениях. Каждое из них имело свои специфические особенности, так сказать - свой колорит. Поэтому по ходу событий на юге следовало образовать не одно, а два-три фронтных управления, что впоследствии подтвердил и опыт Великой Отечественной войны.

Ход игры также выявил, что наше стратегическое руководство начало заметно тяготеть к юго-западному направлению, где, по его мнению, и в будущем следовало искать основные решения, связанные с планом обороны страны.

На военных играх недостаточно была учтена реальная обстановка, сложившаяся к январю 1941 года на нашей западной границе. Если бы она была принята во внимание, то, естественно, на играх следовало бы очень серьезно и творчески отработать вопросы прикрытия новой государственной границы с учетом того, что по другую ее сторону стоят боеспособные немецко-фашистские войска, и^ той возможной группировке, которая создавалась для ведения главных начальных операций войны. При этом необходимо было

учитывать и незавершенность строительства наших пограничных укрепленных районов. Тогда не могло бы быть и речи о том, что разрешение проблем, связанных с прикрытием границы и сложным процессом мобилизации, развертыванием и сосредоточением войск по плану обороны страны, должно исходить только из опыта первой мировой войны. В новых условиях войны - войны моторов и разнообразной мощной боевой техники - требовались прежде всего высокая боевая готовность войск, целая система хорошо отработанных способов и приемов для отражения массированного наступления крупных сил подвижных соединений при мощной поддержке авиации и артиллерии.

На играх были допущены просчеты и с созданием выгодного соотношения сторон - важным фактором в подготовке, ведении и успешном завершении любых операций. Перевес в силах по пехотным войскам как в первом, так и во втором случае оказался на стороне противника. В частности, в первой игре это обстоятельство позволило "западным" создать крупную группировку на своем левом фланге для нанесения удара в направлении Рига, Двинск, удачно решить эту задачу и выиграть операцию. Составители игры объясняли этот просчет следующим: при разработке задания они исходили из того, что наши дивизии якобы в полтора раза сильнее немецких, и поэтому при меньшем количестве соединений перевес в живой силе и технике был на их стороне. Таким образом, в Генштабе считали, что численного превосходства у противника не было. Такое предвзятое толкование этого важнейшего вопроса было осуждено как необоснованное.

Проведенные игры имели и положительные стороны. В разыгрываемых операциях широко использовались подвижные соединения и объединения, что свидетельствовало о коренном изменении взглядов

на мехкорпуса, о которых в конце 1939 года Главный военный совет высказывался отрицательно. Великая Отечественная война ярко продемонстрировала жизненность механизированных и танковых корпусов и созданных на их основе танковых армий. Высший командный состав получил значительную практику в управлении крупными фронтовыми объединениями в сложных условиях маневренных действий начального периода войны на больших территориальных пространствах. Уже тогда становилось ясным, что в будущем фронтовые операции войдут составной частью в более крупные операции группы фронтов.

Новые явления в военном искусстве требовали от командного состава приобретения новых качеств, выработка которых была связана с упорным и настойчивым трудом, глубоким проникновением умов в область многообразных и сложных законов современной войны.

Глава 6.

Накануне и в первые дни Великой Отечественной Руководящий состав НКО, Генерального штаба и военных округов. Мероприятия Генерального штаба в войсках. План прикрытия государственной границы в полосе Одесского военного округа. Накануне и в первые месяцы вторжения врага на территорию СССР.

Первая половина 1941 года была особенно напряженной для НКО, и в частности для Генерального штаба. Рабочий день в ведущих управлениях Генштаба заканчивался обычно далеко за полночь и практически продолжался 15-16 часов. С таким же напряжением работали и штабы приграничных военных округов.

В связи с явно приближавшейся фашистской агрессией советское командование по решению партии и правительства проводило крупнейшие мероприятия, направленные на укрепление обороноспособности страны и повышение боевой готовности Вооруженных

Сил. В тот период завершались реорганизация центрального аппарата и местных органов военного управления, перестройка управления войсками, начавшиеся еще во второй половине 1939 года. В частности, были переведены на новые штаты с увеличением личного состава Главное политическое управление пропаганды, Главное управление ВВС, Управление ПВО страны преобразовано в Главное управление; в июне 1941 года началось формирование Управления воздушно-десантных войск.

К началу Великой Отечественной войны в центральном аппарате НКО наряду с Генеральным штабом имелось 7 главных управлений (политической пропаганды, военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковых войск, противовоздушной обороны, военно-инженерное и интендантское), 13 управлений (боевой подготовки, воздушно-десантных войск, военно-химической защиты, оборонительного строительства, снабжения горючим, военно-учебных заведений, кадров, санитарное, ветеринарное, военного издательства, военно-конных заводов, финансовое и делами НКО), различные инспекции, отдел материальных фондов и бюро изобретений.

Главное автобронетанковое и финансовое управления, Управление кадров и бюро изобретений подчинялись непосредственно Народному комиссару обороны СССР.

8 марта 1941 года ЦК Коммунистической партии и Совнарком СССР приняли решение, уточняющее обязанности руководящего состава НКО. Теперь Народный комиссар обороны осуществлял руководство Красной Армией через своих заместителей, Генеральный штаб и управления НКО.

Каждый заместитель Наркома отвечал за определенный круг вопросов, связанных с жизнью армии, для успешного решения которых ему

подчинялись соответствующие управления НКО и другие военные органы. Так, маршал С. М. Буденный руководил работой Главного интендантского управления, Санитарного и Ветеринарного управлений и отдела материальных фондов{135}; маршал Б. М. Шапошников - Главного военно-инженерного управления и Управления строительства укрепленных районов; генерал К. А. Мерецков - инспекций всех родов войск и Управлений военно-учебных заведений и боевой подготовки Красной Армии; армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец возглавлял Главное управление пропаганды и руководил издательскими и культурно-просветительными учреждениями Красной Армии, Военно-политической и Военно-юридической академиями, а также военно-политическими училищами; маршал Г. И. Кулик являлся начальником Главного артиллерийского управления и руководил Управлением химической защиты и Артиллерийской академией; генерал П. В. Рычагов возглавлял Главное управление ВВС Красной Армии; генерал Г. К. Жуков, назначенный, как уже отмечалось, 1 февраля 1941 года заместителем наркома, был начальником Генерального штаба и, кроме того, руководил работой Главного управления ПВО, Управления связи, Управления снабжения горючим, а также Военной академией Генерального штаба.

К этому же времени произошли изменения и в командовании некоторых приграничных военных округов. Командующим Киевским Особым военным округом вместо Г. К. Жукова был назначен генерал-полковник М. П. Кирпонос. Его прежнюю должность - командующего войсками Ленинградского военного округа занял генерал-лейтенант М. М. Попов, который раньше командовал 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке.

Генеральный штаб являлся важнейшим органом НКО. Начальник Генштаба имел право входить в правительство для решения вопросов Наркомата обороны. Его заместителем по общим вопросам остался генерал Н. Ф. Ватутин, начальником Оперативного управления стал генерал Г. К. Маландин, заместителем по организационно-мобилизационным вопросам - генерал В. Д. Соколовский. Должность помощника начальника Генерального штаба по вопросам тыла и материально-технического планирования упраздняялась.

В результате реорганизации, закончившейся к началу 1941 года, количество военнослужащих в Генеральном штабе увеличилось вдвое, а вольнонаемных - в три раза.

Повторно структура Генерального штаба подверглась организационным изменениям с началом войны в конце июля 1941 года. Генштаб, ставший основным рабочим органом Верховного Главнокомандования, был перестроен с таким расчетом, чтобы обеспечить квалифицированное руководство действующими вооруженными силами на высоком уровне и в полном соответствии с требованиями и условиями начавшейся войны. Решение задач, не связанных с оперативным руководством действующих вооруженных сил, было передано в другие органы НКО. Так, укомплектованием, формированием и подготовкой пополнений для действующей армии занималось вновь созданное Главное управление формирования и укомплектования войск (Главупраформ), а также управления командующих видами вооруженных сил и родами войск. В связи с этим из Генерального штаба были изъяты три соответствующих управления (организационное, мобилизационное и укомплектования войск) и включены в Главупраформ.

Как известно, до Великой Отечественной войны основным организующим звеном материально-

технического обеспечения армии являлся Генеральный штаб, в частности его Управление устройства тыла и снабжения. Исходя из потребностей армии в материальных средствах, Генеральный штаб представлял в правительство соответствующие заявки и после их утверждения разрабатывал планы заказов, давал распоряжения управлениям родов войск и служб на размещение этих заказов. Последние по указанию Генштаба принимали из народного хозяйства все материальные средства и распределяли их. Предусматривалось, что в военное время снабжение войск будет осуществляться главными и центральными управлениями НКО по заявкам фронтов через Генеральный штаб. При этом начальники управлений обязаны были одновременно представлять заявки в Управление военных сообщений (ВОСО) Генерального штаба на потребное количество железнодорожного или водного транспорта.

Уже в первые же месяцы войны стало ясно, что существовавшая система тыла требовала пересмотра, что она нуждалась в жесткой централизации, особенно в организации подвоза материальных средств, охраны и обороны тыловых учреждений. В связи с этим на основании решения Государственного Комитета Обороны от 27 июля 1941 года управление всеми службами в центре было сосредоточено в руках начальника тыла Красной Армии, подчиненного Верховному Главнокомандованию. Начальнику тыла были переданы Управление ВОСО и ряд отделов Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба.

Таким образом, начальнику тыла подчинялись все транспортные средства, а также службы: снабжения горючим, продовольственная, вещевого обеспечения, медицинская, ветеринарная, квартирно-эксплуатационная, а позже и трофейная. Снабжение

войск артиллерийским вооружением и боеприпасами, бронетанковым вооружением, инженерным и химическим имуществом, а также средствами связи оставалось в руках начальников родов войск и служб. Но начальник тыла, являясь заместителем наркома, мог осуществлять общее руководство и по службам снабжения родов войск, особенно в организации подвоза и эвакуации.

Оперативно-стратегическое руководство органами тыла по-прежнему оставалось в руках Генерального штаба и штабов фронтов и армий. Поэтому в Генеральном штабе (вместо Управления устройства тыла и снабжения) было создано Управление устройства оперативного тыла, которое занималось планированием материально-технического обеспечения вооруженных сил в соответствии с их стратегическими задачами, размещением заказов в промышленности, распределением продукции через командующих родов войск и служб, определением тыловых границ фронтов и размещением соответствующих учреждений.

В результате реорганизации органов центрального аппарата НКО была обеспечена необходимая стройность и оперативность в управлении вооруженными силами; установленная структура их без существенных изменений сохранилась до конца войны и в целом отвечала требованиям того времени.

Генеральный штаб в конце июля 1941 года в своем составе имел 6 управлений (оперативное, разведывательное, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, военно-топографическое), 3 отдела (военно-исторический, общий, кадров) и на правах отдела - группу офицеров Генерального штаба.

Оперативность и эффективность работы Генштаба определялась не только его стройной и действенной структурой или каким-то лицом, стоявшим во главе

этого высокого учреждения, что, безусловно, тоже имеет большое значение, но во многом и тем, что начальник Генштаба являлся членом Ставки Верховного Главнокомандования.

Генеральный штаб являлся центральным органом управления НКО по подготовке и использованию вооруженных сил для обороны страны. Он в соответствии с указаниями и решениями наркома объединял деятельность всех управлений НКО, давал им задания и указания. Генеральный штаб разрабатывал директивы и приказы Ставки Верховного Главнокомандования по оперативному использованию вооруженных сил и планы войны на новых театрах военных действий; руководил деятельностью всех видов разведки; разрабатывал вопросы противовоздушной обороны; руководил строительством укрепленных районов, военно-топографической службой, оперативной подготовкой всех родов войск, штабов и офицеров; осуществлял организацию и устройство оперативного тыла действующей армии; разрабатывал положения о вождении войск, наставления и руководства по штабной службе производил описание театров военных действий; собирал, обрабатывал и обобщал материалы по изучению опыта войны и доводил его до войск; отвечал за организацию скрытого управления войсками.

Специального штаба по руководству сухопутными силами не было ни в предвоенные годы, ни во время войны. Эта задача возлагалась непосредственно на Наркомат обороны и Генеральный штаб, которые руководили всей деятельностью войск через командующих фронтами и военными округами.

Для удобства управления войсками и их лучшего снабжения, а также исходя из оперативно-стратегических и мобилизационных соображений на территории СССР было образовано 16 военных округов и

один фронт (см. приложение 2). Из восьми приграничных округов и одного фронта пять находились на западе: Ленинградский военный округ (7, 14, 23-я армии, 1-й мехкорпус и восемь авиадивизий); Прибалтийский Особый (8, 11, 27-я армии, 3-й мехкорпус и пять авиадивизий); Западный Особый (3, 4, 10, 13-я армии, 6-й мехкорпус и восемь авиадивизий); Киевский Особый (5, 6, 12, 26-я армии, 4, 8, 9-й мехкорпуса и десять авиадивизий); Одесский (9-я армия, 2-й мехкорпус и четыре авиадивизии).

Кроме того, в западных приграничных округах в феврале - марте началось формирование еще 13 мехкорпусов: 10-го в Ленинградском, 12-го в Прибалтийском, 11, 13, 14, 17 и 20-го в Западном, 15, 16, 19, 22 и 24-го в Киевском и 18-го в Одесском. Но эти корпуса к началу войны еще не имели новой боевой техники и практически были небоеспособны.

Общевойсковые армии и механизированные корпуса находились лишь в западных приграничных округах и один на Дальнем Востоке. На территориях остальных военных округов дислоцировались стрелковые и кавалерийские соединения.

Кавалерия Красной Армии организационно состояла из четырех корпусов двухдивизионного состава и пяти отдельных дивизий. Эти войска возглавлял генерал-инспектор кавалерии генерал О. И. Городовиков. Корпусами командовали генералы П. А. Белов, Т. Т. Шапкин, Ф. В. Камков и И. С. Никитин. Руководящие кадры соединений имели большой опыт, полученный в годы гражданской войны; большинство командиров выросли в рядах 1-й и 2-й Конных армий, любили свой род войск и продолжали его славные традиции.

Артиллерию возглавлял заместитель Наркома обороны и начальник Главного артиллерийского управления маршал Г. И. Кулик. С 14 июня 1941 года

начальником Главного артиллерийского управления стал генерал Н. Д. Яковлев.

Руководство Войсками противовоздушной обороны страны{136} осуществлялось Главным управлением ПВО, начальником которого с 19 марта 1941 года был генерал Г. М. Штерн, а с 14 июня 1941 года - генерал Н. Н. Воронов.

Автобронетанковые войска возглавлялись Автобронетанковым управлением Красной Армии, начальником накануне и в ходе войны был генерал Я. Н. Федоренко.

Руководство инженерными войсками, войсками связи и химическими войсками осуществлялось соответствующими управлениями. Начальником Главного военно-инженерного управления с июля 1940 по 12 марта 1941 года был комбриг А. Ф. Хренов, а с 20 марта 1941 года - генерал Л. З. Котляр; начальником Управления связи - генерал Н. И. Капич; начальником Управления военно-химической защиты - генерал П. Г. Мельников.

Военно-воздушными силами руководили командующий ВВС Красной Армии генерал П. Ф. Жигарев и его штаб, возглавляемый генералом П. С. Володиным. К началу Великой Отечественной войны в Красной Армии было 16 управлений ВВС округов (фронтов), два управления ВВС общевойсковых армий и одна армейская группа.

Военно-Морской Флот, возглавляемый флагманом 1 ранга Н. Г. Кузнецовым, к началу войны имел четыре флота и пять флотилий (см. приложение 2). В Наркомате Военно-Морского Флота были Главный штаб ВМФ и Главное управление ВВС, начальником которого был генерал С. Ф. Жаворонков.

По указанию ЦК Коммунистической партии и Советского правительства на руководящие должности выдвигались способные командиры и политработники.

К началу войны звено командующих войсками округов и армии было полностью укомплектовано генералами - участниками гражданской войны со стажем службы не менее двадцати лет. Большая часть руководящего состава округов и армий (командующие, члены военных советов, начальники штабов) имели высшее военное образование, были выходцами из рабочих и крестьян. Все они являлись членами ВКП(б). По возрасту 84 процента командующих войсками округов и армий были моложе пятидесяти лет, 54 процента командармов - моложе сорока пяти лет.

Однако следует отметить, что необоснованные массовые репрессии нанесли огромный ущерб Красной Армии: на высокие командные должности были выдвинуты люди, хотя и безгранично преданные партии и народу, но в большинстве своем не имевшие достаточных навыков в руководстве крупными соединениями и оперативными объединениями в условиях войны.

Руководствуясь указаниями ЦК Коммунистической партии и Советского правительства, НКО и Генеральный штаб проводили реорганизацию бронетанковых войск, боевых частей и тыла авиации, осуществляли формирование новых соединений и частей.

Несмотря на незавершенность этих мероприятий, НКО и Генеральному штабу к началу войны все же удалось сделать многое для повышения боевой готовности Советских Вооруженных Сил к отпору фашистской агрессии.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Советское правительство, последовательно проводившие политику мира, стремились во что бы то ни стало предотвратить или по крайней мере как можно дольше оттянуть столкновение с фашистской Германией, чтобы тем временем укрепить экономическую и военную мощь нашего государства. Исходя из этого, принимались все меры к тому, чтобы

не дать Гитлеру повода для оправдания возможной антисоветской агрессии. Вот почему, когда иностранная пресса подняла шумиху о "концентрации крупных сил" советских войск на западной границе, перебрасываемых с Дальнего Востока и из Средней Азии, Советское правительство уполномочило ТАСС выступить 9 мая 1941 года с опровержением измышлений буржуазной прессы и разъяснить, что передислокация войск, носившая частный характер, является обычным мероприятием в мирное время. В сообщении ТАСС указывалось, что эти слухи распространяются кругами, явно заинтересованными в обострении отношений между Германией и Советским Союзом. Не последнюю роль в этих провокационных инсинуациях сыграла немецкая агентура, проводившая, как стало известно впоследствии, широкие дезинформационные мероприятия для скрытия приготовления фашистской Германии к нападению на Советский Союз, а также для оправдания ее агрессивных устремлений. На это же была нацелена и немецкая пресса, распространявшая слухи о "военных приготовлениях Советского Союза на германской границе".

К тому времени уже стало совершенно ясно, что фашистская Германия не собирается нормализовать отношения с СССР и всячески уклоняется от переговоров по поводу создавшейся ситуации. Предпринимаемые Советским правительством дипломатические шаги не давали положительных результатов. Вблизи советских границ в возрастающих масштабах продолжали сосредоточиваться немецкие войска. Из различных источников, по каналам разведки и иным, все чаще стали поступать сведения с указанием конкретных дат нападения Германии и о том, что фашистская армия практически завершила подготовку

к вторжению, что в любой момент следует ожидать ее нападения.

В порядке ответной меры, обусловленной суровой необходимостью, Генеральный штаб по указанию правительства в начале мая 1941 года дал указания приграничным военным округам передислоцировать ряд соединений ближе к государственной границе, а директивой от 13 мая 1941 года приказал выдвинуть на запад войска из внутренних военных округов.

В мае - июне шла переброска 19-й армии из Северо-Кавказского военного округа, 20-й - из Орловского, 21-й - из Приволжского, 22-й - из Уральского и 16-й - из Забайкальского.

19-я армия выдвигалась в район Черкассы, Белая Церковь. Ее стрелковые корпуса сосредоточивались: 34-й (4 дивизии) в районе Ржищев, Золотоноша, Лубны; 25-й (3 дивизии) в районе Корсуня; 67-й (3 дивизии) в районе Тараща, Степелев, Богуслав. Выгрузка 25-го механизированного корпуса (50-я и 55-я танковые и 219-я мотострелковая дивизии) намечалась по плану в Мироновке начало - 25 июня, окончание - 7 июля).

Следует подчеркнуть, что в целях скрытного выдвижения войск на запад перевозка их в эшелонах осуществлялась без резкого нарушения обычного графика работы железных дорог. Но все же сохранить в полной тайне переброску соединений было крайне затруднительно.

Помнится, как в начале июня начальник ВОСО Одесского военного округа полковник П. И. Румянцев зашел ко мне, в то время начальнику штаба ОдВО, в кабинет и таинственно доложил, что за последние дни с ростовского направления через станцию Знаменка идут "аннушки"^{137}, которые выгружаются в районе Черкасс. Через два дня мною была получена телеграмма из Черкасс за подписью заместителя командующего войсками Северо-Кавказского военного

округа М. А. Рейтера, в которой испрашивалось разрешение занять несколько барачных помещений вещевого склада нашего округа для размещения имущества прибывающих в этот район войск с Северного Кавказа.

Поскольку штаб ОдВО в то время в интересах скрытности еще не был информирован Генштабом о сосредоточении здесь войск, я позвонил по ВЧ в Оперативное управление Генштаба. К телефону подошел заместитель начальника управления А. Ф. Анисов. Я сообщил ему о телеграмме, полученной от М. А. Рейтера, и попросил разъяснить, в чем дело. Анисов ответил, что телеграмму надо немедленно уничтожить, что Рейтеру будут даны необходимые указания Генштабом, а штабу округа в это дело не следует вмешиваться.

20-я армия перебрасывалась на территорию западных областей РСФСР и Белоруссии. Ее 61-й стрелковый корпус (2 стрелковые дивизии) сосредоточивался в районе Могилева; 69-й корпус (3 стрелковые дивизии) - в районе Смоленска; 20-й корпус (3 дивизии) - в районе Кричев, Чаусы; 41-й корпус (2 стрелковые дивизии) - в районе Дорогобужа; 7-й мехкорпус (2 танковые и моторизованная дивизии) - в районе Орши. Прибытие соединений намечалось на конец июня - начало июля. По железной дороге следовали только танковые и артиллерийские полки танковых и моторизованной дивизий. Их выгрузка из эшелонов в новых районах сосредоточения должна начаться 24-28 июня и закончиться 3-5 июля. Все остальные части следовали своим ходом.

Войска 21-й армии сосредоточивались: 66-й стрелковый корпус (3 стрелковые дивизии) - в районе Чернигов, Остер; 63-й корпус (3 стрелковые дивизии) - в районе Гомель, Новозыбков; 45-й корпус (2 стрелковые дивизии) в районе Остера. Два стрелковых корпуса перевозились по железной дороге: 30-й корпус (3

стрелковые дивизии) сосредоточивался в районе Бахмача (начало выгрузки - 2-го, окончание - 9 июля), 33-й корпус (3 стрелковые дивизии) с 30 июня по 10 июля выгружался на станции Городня и сосредоточивался в районе Городня, Добрянка.

22-я армия прибывала в район Себеж, Витебск, Великие Луки. Ее 62-й стрелковый корпус (3 стрелковые дивизии) сосредоточивался в районе Себеж, Идрица, а 51-й (3 стрелковые дивизии) - в районе Дретунь, Витебск. Армия заканчивала свое сосредоточение 1-2 июля.

Кроме того, в период 22 мая - 1 июня 1941 года из Забайкалья в район Проскуров, Хмельники перебрасывалась 16-я армия в составе 12 дивизий.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 года и директивой НКО от 25 июня 1941 года, подписанной С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутиным, 19, 20, 21 и 22-я армии, сосредоточиваемые в резерве Главного Командования, объединялись в группу резервных армий. Командующим этой группой назначался маршал С. М. Буденный, членом Военного совета - Г. М. Маленков и временно исполняющим должность начальника штаба группы - генерал А. П. Покровский. Штаб группы должен был располагаться в Брянске. Формирование группы заканчивалось к исходу 25 июня 1941 года.

К этому времени основные силы 19-й армии, кроме 25-го мехкорпуса, который следовал по железной дороге, и восьми стрелковых дивизий 21-й армии (6 других дивизий еще были в пути) уже находились в назначенных районах сосредоточения. 20-я и 22-я армии продолжали выдвижение в новые районы.

Группе армий ставилась задача отрекогносцировать и приступить к созданию оборонительного рубежа по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга.

Начертание переднего края полосы заграждений и главной полосы обороны от Сущево до Гомеля указывалось на карте. Войска должны быть готовы к переходу в контрнаступление по особому указанию Главного Командования.

В связи с неудачным для нас началом боевых действий на минском направлении Генштаб 27 июня 1941 года направил командующему 16-й армией, находившемуся в Староконстантинове, директиву следующего содержания:

"1. 16-я армия в полном составе сосредоточивается в районе Смоленск в Резерве Главного Командования.

2. Всеми средствами ускорьте погрузку соединений армии и переброску ее в новый район.

3. Для руководства выгрузкой и сбором войск в районе Смоленска теперь же направьте самолетом небольшую оперативную группу".

На следующий день была послана директива в 19-ю армию. Ее командарму предписывалось: сосредоточить войска армии в составе управлений 25-го и 34-го стрелковых корпусов и восьми дивизий к утру 2 июля 1941 года в районе Гарнастайполь, Макаров, Фастов, Белая Церковь, Триполье; сосредоточение всех дивизий и управлений корпусов провести походом (суточный переход не менее 35 км), преимущественно ночными маршами, и обязательно с проведением занятий, обратив особое внимание на отработку отражения танковых атак, организацию тщательного управления войсками; железнодорожные эшелоны с 25-м мехкорпусом повернуть для выгрузки в районе Фастов, Васильков; 29-30 июня провести рекогносцировку главной полосы обороны по внешней линии Киевского укрепрайона, передаваемого 29 июня в состав армии, и полосы заграждений с выносом переднего края по реке Тетерев, Ставице, Фастов, Белая Церковь; разработать

соображения по обороне Киева и представить их 1 июля в Генштаб.

Но вскоре последовало новое указание Генерального штаба, согласно которому 19-я армия перебрасывалась по железной дороге на витебское направление.

24-я и 28-я армии получили задачу занять и прочно оборонять рубеж Нелидово, Белый, Дорогобуж, Ельня, Жуковка, Синезерка, подготовить полосы заграждений на глубину 20-30 километров, прикрыв их передовыми отрядами.

Таким образом, во второй стратегический эшелон, являвшийся резервом Главного Командования, вошли 16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-я армии; а в их составе было 58 стрелковых, 13 танковых и 6 мотострелковых дивизий.

Выдвижение 19-й и 16-й армий на киевское направление показывает, что главные силы Красной Армии сосредоточивались южнее Полесья, согласно справке "О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на западе", составленной заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным за восемь дней до начала войны, то есть 13 июня 1941 года.

Однако, в силу того что немецко-фашистские войска нанесли главный удар севернее Припяти, советское командование было вынуждено перебрасывать войска с киевского на белорусское стратегическое направление.

Наряду с выдвижением войск из внутренних округов в приграничные в мае июне 1941 года проводятся и другие мероприятия, направленные на повышение боеготовности Советских Вооруженных Сил. Так, согласно приказу НКО от 14 мая в военных училищах был произведен досрочный выпуск; курсанты немедленно направлялись в войска. Одновременно несколько училищ, расположенных на территории

приграничных военных округов, в частности Львовское, Могилевское, Черниговское и другие, передислоцируются в глубь страны - за Волгу и Урал. 15 мая Генеральный штаб отдал войскам распоряжение, разрешающее держать боезапас непосредственно в танках. 27 мая командованию приграничных округов было приказано немедленно приступить к строительству полевых командных пунктов (фронтовых и армейских) в намеченных планом районах и форсировать строительство укрепленных районов.

Согласно мобилизационному плану, утвержденному в феврале 1941 года, в конце мая - начале июня проводится призыв 793,5 тыс. военнообязанных запаса, что позволило укомплектовать до полного штата военного времени 21 дивизию приграничных округов, а также значительно пополнить другие соединения, части артиллерии, войск ПВО и укрепленных районов{138}.

Выполняя директиву НКО от 12 июня 1941 года, приграничные округа начали подтягивать ряд дивизий и корпусов, расположенных в глубине, ближе к государственной границе.

По настоятельной просьбе Военного совета ОдВО личным распоряжением начальника Генерального штаба Г. К. Жукова от 14 июня Одесскому военному округу согласно мобплану разрешалось "выделить армейское управление и 21.6.1941 г вывести его в Тирасполь", то есть перевести управление 9-й армии на полевой командный пункт. Одновременно приказывалось окружное управление во главе с заместителем командующего округом генералом Н. Е. Чибисовым оставить в Одессе для руководства войсками, расположенными в Крыму.

В этот же день подобное указание получил командующий Киевским Особым военным округом: ему

было приказано управление Юго-Западного фронта вывести в Винницу к 25 июня{139}.

Управление Западного (ЗапОВО) и Северо-Западного (ПрибОВО) фронтов распоряжением Генштаба от 18 июня разрешалось вывести на полевые командные пункты к 23 июня 1941 года.

Приказом НКО от 19 июня войскам предписывалось замаскировать аэродромы, боевые и транспортные машины, склады, парки и базы, а также рассредоточить самолеты на аэродромах. Флоты и флотилии должны были повысить боевую готовность и усилить корабельные дозоры.

В течение шести месяцев 1941 года, предшествовавших войне, в армии шла напряженная подготовка войск и штабов, проводились мероприятия по укреплению организационной структуры войск, дисциплины личного состава, усилению работы партийных и комсомольских организаций. Но многое еще, к сожалению, оставалось незавершенным. Предпринятые в самый последний момент меры хотя и не предотвратили вторжения немецко-фашистской армии в пределы Советского Союза, тем не менее они позволили ослабить силу удара врага.

* * *

В тот тревожный период сложная, многогранная и напряженная деятельность Генерального штаба и штабов военных округов увязывалась особенно тесно. Целесообразно осветить некоторые стороны работы последней инстанции на примере штаба Одесского военного округа, который мне пришлось возглавлять в то время.

В конце февраля 1941 года меня вызвали в Москву для доклада вопросов мобилизационного характера. Некоторые соображения по составу войск, и в частности предложение о возможности развертывания фронтовых управлений из управлений округов, высказанные в

докладе начальнику Генштаба Г. К. Жукову, легли потом в основу записки по плану прикрытия. Генеральный штаб предусматривал в случае войны развернуть на базе управления Одесского военного округа лишь одну 9-ю армию, предназначенную для прикрытия нашей границы с Румынией. Управление же округа сохранялось, но переводилось на сокращенные штаты. Когда я пытался уточнить, получит ли наш округ оперативные указания по плану войны, Г. К. Жуков дал понять, что разработкой этих вопросов будет заниматься штаб Киевского Особого военного округа. Из этого я сделал заключение, что 9-я армия войдет в состав Юго-Западного фронта, который, как мне было известно по прежней моей работе в Генштабе, развертывался из Киевского Особого военного округа.

Тогда же штаб ОдВО получил указание Генерального штаба: в период 1 марта - 1 июля 1941 года сформировать управление 48-го стрелкового корпуса и 18-й механизированный корпус в составе 44-й и 47-й танковых и 218-й механизированной дивизий. Командиром 48-го стрелкового корпуса был назначен генерал-майор Р. Я. Малиновский, находившийся до этого в должности старшего преподавателя кафедры службы штабов Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В связи с этим мне припомнился разговор командующего войсками округа генерал-полковника Я. Т. Черевиченко (у которого в это время я находился с докладом) с Наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко.

Нарком сообщил Я. Т. Черевиченко, что командиром 48-го корпуса он рекомендовал меня, а начальником штаба округа - генерала Р. Я. Малиновского. Командующий войсками просил оставить меня начальником штаба округа, а Малиновского поставить на корпус. Я тут же обратился к Черевиченко с просьбой освободить меня с занимаемого поста и поддержать

мою кандидатуру на должность командира корпуса, пояснив, что нарком хочет выполнить свое обещание (при первой же возможности назначить меня командиром корпуса), которое он дал перед моим уходом из Генерального штаба. Однако Черевиченко отказался удовлетворить мою просьбу, мотивируя это тем, что Малиновского он не знает, а со мною уже сработался.

Через несколько дней на должность командира вновь сформированного корпуса (штаб его находился в Кировограде) прибыл Р. Я. Малиновский. Он быстро вошел в роль комкора и проявил незаурядные организаторские способности.

Родиона Яковлевича Малиновского я узнал еще в 30-х годах. Хорошо помню, как горячо взялся за работу новый начальник 2-го сектора оперативного отдела штаба БВО Р. Я. Малиновский. В январе 1935 года не был назначен начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса, которым в то время командовал С. К. Тимошенко. Наша совместная работа продолжалась и позднее. С весны 1944 года Р. Я. Малиновский возглавлял войска 2-го Украинского фронта; я был тогда начальником штаба этого объединения. С ним мне пришлось принимать участие в руководстве войсками Забайкальского фронта при разгроме Квантунской армии в августе 1945 года. Наблюдая за его деятельностью, я видел в нем такие замечательные полководческие качества, как целеустремленность, ясность и четкость в определении войскам задач, умение всегда и во всем видеть главное. После войны наши судьбы вновь соприкоснулись: с 1960 года мне в должности начальника Генерального штаба довелось работать вместе с Р. Я. Малиновским.

Командиром вновь сформированного 18-го мехкорпуса (со штабом в Аккермане) был назначен генерал-майор танковых войск П. В. Волох, а

начальником штаба полковник А. Г. Кравченко. В годы войны мне не раз приходилось встречаться с А. Г. Кравченко - этим смелым и решительным генералом, командовавшим впоследствии 6-й танковой армией, входившей в состав 2-го Украинского фронта.

В связи с нарастанием угрозы военного нападения фашистской Германии на СССР приграничные военные округа в мае 1941 года получили соответствующие директивы наркома на разработку плана обороны государственной границы.

В директиве НКО, подписанной 6 мая 1941 года, от Одесского военного округа требовалось: для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск разработать детальный план обороны государственной границы от Корженицы до устья рукава Дуная - Килии и далее по Черноморскому побережью до Керченского пролива, а также детальный план противовоздушной обороны. Особо ответственными направлениями считались: Яссы, Бельцы, Ваплярка; Хуши, Кишинев, Котовск; Галац, Белград, Тирасполь.

Далее в директиве говорилось, что правее ОдВО будет действовать Киевский Особый военный округ (его штаб с третьего дня мобилизации расположится в Тернополе). Левифланговая армия округа (12-я) организует оборону на фронте Мотовиско, Ворота, Волчинец. Левее - Северо-Кавказский военный округ (штаб в Ростове-на-Дону) организует оборону Черноморского побережья от Керченского пролива до Адлера.

Черноморский флот подчинялся Главному Командованию, имея задачу не допустить высадки морских десантов на побережье в районе Одессы, в Крыму и на Кавказе.

В непосредственном распоряжении командования ОдВО иметь: управление 48-го стрелкового корпуса и 74-ю стрелковую дивизию в районе Флорешты, Оргеев,

Рыбпица; 18-й механизированный корпус (44-я и 47-я танковые, 218-я моторизованная), управление 2-го кавалерийского корпуса, 5-ю кавалерийскую и 150-ю стрелковую дивизии 70-80 километров западнее Белгород-Днестровского; 20, 21 и 45-ю смешанные и 61-ю истребительную авиадивизии.

Кроме перечисленных соединений в его подчинении находились 14-й стрелковый корпус (25-я, 51-я стрелковые дивизии), 35-й стрелковый корпус (95-я, 176-я стрелковые дивизии), 80, 81, 82, 84, 86-й укрепрайоны, а также артиллерийские полки (322 пап, 430 гам БМ, 256, 266, 374, 648 кап) и другие части.

В резерв Главного Командования должны поступить дислоцированные на территории округа 2-й механизированный и 3-й воздушно-десантный корпуса. Первый - в район Кишинев, Тирасполь, Котовск, а второй - в район Первомайск, Вознесенск.

Директива требовала подготовить противотанковые районы и тыловые оборонительные рубежи силами: 48-го корпуса - на линии Бельцы, Оргеев; 18-го мехкорпуса, 5-й кавдивизии и 150-й стрелковой дивизии - по реке Когильник на фронте Чимишлия, Татарбунары.

4-й авиакорпус составит резерв Главного Командования и будет базироваться на территории округа.

По состоянию на 1 июня 1941 года ВВС округа имели 774 самолета, из них истребителей МиГ-3-172 и И-16-232, штурмовиков И-153 и И-15-116, бомбардировщиков: СБ - 155, Пе-2-40, Ар-2-24, Су-2-35. Условия базирования вполне обеспечивали боевую работу этой авиации.

В соответствии с директивой Генштаба штаб ОдВО разработал план прикрытия государственной границы, в котором предусматривался следующий замысел: активной обороной, опираясь на систему полевых позиций, построенных вдоль государственной границы,

и ряд оборонительных рубежей в глубине, прикрыть наиболее важные направления и не допустить прорыва фронта обороны и распространения противника в глубину, особенно с фронта Сэвени, Яссы, Фэлчиу, Галац; в случае вклинения врага в нашу оборону задержать его продвижение, опираясь на промежуточные тыловые и отсечные позиции, а затем резервами командования округа и всей авиацией ликвидировать прорыв.

В соответствии с этим замыслом создавалась и группировка войск прикрытия. В правофланговый район - от Липкан до Унген - включались пограничные части и войска 35-го стрелкового корпуса; в первом эшелоне - две и во втором - одна стрелковые дивизии. Оборона района от Унген до Репи и далее по Дунаю до Черного моря и по его побережью до Одессы возлагалась на соединения 14-го стрелкового корпуса (две стрелковые дивизии) и 9-ю кавдивизию, развернутые в одном эшелоне. Далее от Одессы вдоль побережья на восток оборонялись части береговой обороны и пограничный отряд. Войска, дислоцировавшиеся в Крыму, составляли отдельный район прикрытия (две стрелковые и кавалерийская дивизии).

7-й стрелковый корпус в плане прикрытия не учитывался. Он с началом войны уходил из округа, о чем было получено указание от Генштаба. Остальные войска (два мехкорпуса, стрелковые дивизии окружного подчинения, дивизия 2-го кавкорпуса) предназначались для нанесения ударов во взаимодействии с войсками первых двух районов прикрытия. В резерве командующего войсками округа оставались управление 48-го стрелкового корпуса и 74-я стрелковая дивизия.

Соответствующие командиры и штабы изучили полосы обороны своих соединений и участки полков в пределах районов прикрытия.

Многие войсковые части провели боевые тревоги и выводили подразделения в намеченные для них районы, что дало возможность установить срок готовности первых эшелонов прикрытия по боевой тревоге (2-3 часа).

Вдоль Днестра находилось два укрепленных района - Рыбницкий и Тираспольский, созданные еще в 30-х годах на старой государственной границе с Румынией. За несколько дней до начала войны в этих укрепрайонах по указанию округа и в соответствии с директивой Генерального штаба проводились работы по оборудованию предполья в глубину до 35 километров от Днестра. В трех остальных укрепленных районах, управления которых формировались в конце 1940 - начале 1941 года, не имелось еще пулеметно-артиллерийских батальонов и работ по созданию долговременных огневых точек вдоль государственной границы не велось. Проводились лишь рекогносцировки мест для последующей установки долговременных сооружений.

Разработанный штабом округа план прикрытия и некоторые соображения по вопросам начального периода войны на румынском направлении 20 июня были представлены в Генеральный штаб. С докладом по представляемому плану прикрытия в Генеральный штаб выехал заместитель по оперативным вопросам начальника штаба ОдВО полковник Л. В. Ветошников. Не ожидая утверждения этого плана Наркомом обороны, штаб округа дал соответствующие указания командирам корпусов по отработке частных планов соединений.

В докладной записке по вопросам плана прикрытия и начального периода войны излагались следующие соображения. На румынском направлении, имевшем самостоятельное стратегическое значение, необходимо развернуть фронт и лишь в крайнем случае отдельную

армию. Включать румынское направление в оперативный план военных действий Юго-Западного фронта, который создавался на базе КОВО, нецелесообразно. Указанный фронт не мог осуществлять успешное руководство войсками, действующими на этом направлении. Сил 9-й армии для прикрытия советско-румынской границы явно недостаточно. В связи с этим 7-й стрелковый корпус, дислоцировавшийся в районе Днепропетровска, следует оставить в ОдВО, а не передавать в другой фронт с началом войны, как это предусматривал Генеральный штаб.

Таким образом, целесообразно на время войны на территории Одесского военного округа развернуть две армии, а управление округа уже в мирное время содержать таким, чтобы из него можно было развернуть не армейское, а фронтовое управление.

Командование Одесского военного округа предлагало иметь на румынском стратегическом направлении (не считая войск в Крыму): 4 стрелковых корпуса (11 дивизий, из них 2 вновь формируемые), кавалерийский корпус (2 кавалерийские дивизии), 2 механизированных корпуса (4 танковые и 2 механизированные дивизии), 2 укрепленных района по реке Прут и в районе Одессы, 4 авиационные дивизии. Кроме того, на 10-15-й день войны намечалось дополнительное усиление этого направления одним стрелковым корпусом.

Считалось, что этими силами можно вести успешные активные действия на фокшанско-бухарестском направлении. Кстати сказать, эти расчетные данные частично проверялись на проведенной в округе в начале 1941 года оперативной игре на картах.

Ответа на наши предложения мы не получили: полковник Л. В. Ветошников приехал в Москву, когда

война уже началась, и вернулся в свою 9-ю армию только через 15 дней.

Так обстояло дело с разработанным штабом округа планом прикрытия государственной границы и некоторыми вопросами развертывания войск для ведения боевых действий в начальный период войны на румынском направлении.

Ход последующих событий показал, что некоторые предложения Военного совета округа, направленные в докладной записке Генштабу, были, вероятно, приняты во внимание. 21 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение создать Южный фронт в составе 9-й и 18-й армий. Управление последней выделялось из Харьковского военного округа. Этим же решением Г. К. Жукову поручалось руководство Южным и Юго-Западным фронтами, а К. А. Мерецкову Северо-Западным фронтом. Формирование полевого управления Южного фронта возлагалось не на Одесский округ, как мы предлагали, а на штаб Московского военного округа (МВО). Такое решение не отвечало обстановке и было явно неудачным. Личный состав штаба МВО не знал данного театра военных действий и его особенностей, состояния войск, их возможностей и задач. Времени для изучения всего этого не было. Более того, руководству вновь созданного фронта надо было в условиях войны перебазироваться на новое место, заново организовывать и налаживать управление войсками, принимать прибывшие из внутренних округов соединения и части, обеспечивать их материально-техническими средствами и т. и. Поэтому успешно решать перечисленные задачи управление Южного фронта не могло, что отрицательно сказывалось на действиях подчиненных ему войск в первые же дни войны. Очевидно, наиболее целесообразным было бы сформировать предусмотренное мобпланом округа

управление Южного фронта на базе аппарата Одесского военного округа, усилив его основные звенья наиболее подготовленными офицерами МВО.

С апреля 1941 года в приграничных районах появились вполне определенные признаки осложнения обстановки. Из сводок Разведывательного управления Генерального штаба командованию округа было известно о непрерывном увеличении количества немецких войск в Польше за счет переброски их из Франции и о появлении соединений немецко-фашистских войск на территории Румынии. Поступали также данные от пограничных частей о том, что на реке Прут появились группы офицеров в форме румынской и немецкой армий. По всем признакам, они проводили рекогносцировку участков вдоль этой реки. Наша разведка сообщала, что военные в форме немецко-фашистской армии встречаются и в Бухаресте.

Участились случаи нарушения советской границы румынскими самолетами с разведывательными целями; к сожалению, ни одного из них сбить не удалось. Это объяснялось тем, что нашим самолетам запрещалось перелетать государственную границу. Самолеты-нарушители, убедившись в том, что советские истребители не преследуют их далее границы, при первой же угрозе перехвата немедленно уходили в пределы Румынии. Использовать зенитно-артиллерийские средства мы тоже не могли, так как их не хватало для прикрытия всех приграничных районов, а противник, зная пункты, в которых располагалась зенитная артиллерия, обходил их. Кроме того, в то время мы не имели радиолокационных установок, а система воздушного наблюдения с земли постами ВНОС{140} была малоэффективной: самолет противника обнаруживался, как правило, только при его подходе к государственной границе. Поэтому наши истребители поднимались в воздух с запозданием и,

следовательно, не могли своевременно перехватить врага.

С нарастанием напряженности командование и штаб Одесского военного округа приняли необходимые меры по повышению бдительности, усилению охраны границы, усилению разведки. Проводилась проверка боевой готовности войск. Многие авиационные части и соединения поднимались по боевой тревоге с наступлением темноты. В течение ночи летный состав тренировался в перебазировании самолетов с постоянных аэродромов на оперативные. Взлет самолетов намечался с таким расчетом, чтобы летчики, совершив перелет, успели с наступлением рассвета сесть на оперативные аэродромы, где создавались запасы горючего и боеприпасов.

В апреле (или мае), рассматривая план мобилизационных перевозок округа, я обратил внимание на то, что в плане нет расчетов на вывоз семей начсостава из приграничной зоны. На мой вопрос, чем это вызвано, начальник ВОСО округа полковник П. И. Румянцев сослался на то, что в изданном в 1941 году Наставлении по мобилизационной работе раздел по эвакуации семей из приграничной зоны отсутствовал (в ранее имевшемся наставлении такой раздел был). Этот пробел в плане был срочно ликвидирован. Начальникам приграничных гарнизонов немедленно были даны распоряжения о порядке вывоза семей в случае объявления мобилизации или начале боевых действий. В них указывались железнодорожные станции, к которым приписывались гарнизоны, порядок прибытия семей военнослужащих к месту посадки в эшелоны, какие гарнизоны куда эвакуировать. Главные пункты эвакуации намечались в районах Кировограда, Днепропетровска, Запорожья. Принятые меры, как показали дальнейшие события, себя оправдали. Большинство семей военнослужащих приграничных

гарнизонов было после начала боевых действий эвакуировано.

6 июня 1941 года из Румынии были получены данные, в которых приводилась запись телефонного разговора: примар города Хуши спрашивал своего коллегу в Яссах, закончил ли он эвакуацию ценностей, так как 9-12 июня "нужно ожидать событий". О каких событиях шла речь, установлено не было. В это время командующий войсками округа генерал-полковник Я. Т. Черевиченко находился в Крыму, где принимал прибывавшие туда управления 9-го отдельного стрелкового корпуса, стрелковую и кавалерийскую дивизии.

Получив указанное донесение, штаб округа немедленно информировал об этом штаб Киевского Особого военного округа и Генеральный штаб. В этот же день около 14 часов по ВЧ о полученном донесении было доложено лично начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову и одновременно высказана просьба: управление 48-го стрелкового корпуса из Кировограда и его 74-ю стрелковую дивизию из Первомайска перебросить в район Бельцы, так как на этом направлении на участке Липкаиы, Фалешты находилась лишь одна 176-я стрелковая дивизия, сил которой было явно недостаточно для прикрытия фронта в 120 километров; кроме этого, выдвинуть из района Рыбницы на бельцкое направление и 30-ю горнострелковую дивизию. Проведя выдвижение указанных соединений, на бельцком направлении можно было создать группировку в составе трех дивизий - 176, 74 и 30-й, объединенных управлением 48-го стрелкового корпуса.

Г. К. Жуков прервал мой доклад словами: "Что вы паникуете!" Услышав в ответ: "Ожидаю положительного решения этого вопроса", Г, К, Жуков после небольшой паузы сказал, что он доложит наркомму и позвонит мне

не ранее 16 часов. Действительно, около 16 часов начальник Генштаба передал по ВЧ, что Народный комиссар обороны согласен с предложением, но обращает внимание на то, что передвижение войск производилось скрытно, в ночное время.

Указания были приняты к исполнению. Через час в Кировоград был послан самолет за командиром корпуса генерал-майором Р. Я. Малиновским, который проводил в этом районе учение. К концу дня он прибыл в Одессу. К этому времени штаб подготовил карту маршрутов и районов учений, в том числе для учения по форсированию реки Днестр. Изучив необходимые документы, командир корпуса на рассвете 7 июня вылетел в Кировоград.

В ночь на 8 июня штаб, корпусные части и 74-я стрелковая дивизия по боевой тревоге выступили в район Бельцы. 147-я стрелковая дивизия 48-го стрелкового корпуса оставалась на месте, так как предназначалась для передачи в состав 7-го стрелкового корпуса.

В ходе ночного марша войска проводили учения по отражению танкового удара. Для этого привлекалась 16-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся в районе Котовска. Проводилось также учение по форсированию Днестра. При этом за противника действовала 30-я горнострелковая дивизия. К 15 июня управление 48-го стрелкового корпуса и его 74-я и 30-я дивизии сосредоточились в лесах восточнее Бельцы.

В этот же день штаб округа отдал распоряжение: вторую очередь артиллерийских полков не отправлять на окружной артиллерийский полигон, где они должны были проводить боевые стрельбы; задержать также отправку и зенитной артиллерии на полигон.

Поступавшие позднее разведывательные данные из Румынии были малоконкретными, но и они давали

возможность сделать вывод, что идут приготовления к войне.

В конце июня в округе намечалась армейская полевая поездка со средствами связи, на которую привлекались все корпуса, авиация и армейский аппарат, выделяемый по мобилизации из окружного управления. 18 июня утром командующему войсками округа, возвратившемуся в Одессу, были доложены соображения о том, что полевую поездку со средствами связи следует отменить, так как обстановка требует постоянной боевой готовности войск. Проведение же этого учения вызовет необходимость сосредоточить штабы корпусов и штабы авиационных дивизий с их средствами связи в районе Тирасполя, приведет к тому, что войска всего округа в случае военных действий могут остаться без управления. В такое тревожное время целесообразнее провести рекогносцировку с решением задач-летучек на местности без средств связи, чтобы командиры частей и соединений могли при необходимости быстро возвратиться к своим войскам. Армейское управление, выделяемое из окружного, нужно поднять по боевой тревоге согласно мобилизационному плану и отправить в Тирасполь, где предусматривалось размещение штаба армии как по игре, так и по плану прикрытия (тем более что в Тирасполе на военное время заранее был подготовлен узел связи).

С этим предложением командующий войсками вначале не согласился, ссылаясь на то, что Генеральный штаб обвинит в срыве запланированной армейской полевой поездки. В результате моих настойчивых предложений генерал Я. Т. Черевиченко позвонил в Москву и попросил разрешения на проведение учений. Народный комиссар обороны ответил, что надо согласиться с предложением начальника штаба округа.

После этого разговора было решено в порядке проверки мобилизационного плана поднять по боевой тревоге личный состав развертываемого армейского управления и на автомашинах направить его в Тирасполь. Там, в зависимости от обстановки, в ближайшие дни провести с командирами корпусов рекогносцировки и проигрыш летучек на местности.

Утром 20 июня управление 9-й армии тронулось в путь. На следующий день с разрешения командующего войсками округа я также выехал из Одессы поездом в Тирасполь и вечером прибыл в штаб армии, занимавший здание педагогического института. Около 22 часов меня вызвали к аппарату Бодо на переговоры с командующим войсками округа. Он спрашивал, смогу ли я расшифровать телеграмму, если получу ее из Москвы. Командующему был дан ответ: что любая шифровка из Москвы будет прочитана. Вновь последовал вопрос: "Вторично спрашивают, подтвердите свой ответ, можете ли расшифровать шифровку из Москвы?" Меня это крайне удивило. Я ответил: "Вторично докладываю, что любую шифровку из Москвы могу расшифровать". Последовало указание: "Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас немедленно расшифровать ее и отдать соответствующие распоряжения. Я и член Военного совета будем в Тирасполе поездом 9.00 22 июня. Черевиченко".

Немедленно после этого начальнику отдела было дано указание выделить опытного работника, способного быстро расшифровать телеграмму. Затем я вызвал к аппарату Бодо оперативного дежурного по Генеральному штабу и спросил, когда можно ожидать передачу шифровки особой важности. Дежурный ответил, что пока не знает. Оценив создавшееся положение, я около 23 часов решил вызвать

командиров 14, 35 и 48-го стрелковых корпусов и начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса{141}.

Первым к аппарату СТ-35 подошел командир 14-го корпуса генерал-майор Д. Г. Егоров, вторым - командир 35-го корпуса тогда комбриг И. Ф. Дашичев, а затем - начальник штаба 2-го кавкорпуса полковник М. Д. Грецов. Командиру 48-го корпуса Р. Я. Малиновскому распоряжение передавалось по аппарату Морзе. Всем им были даны следующие указания: 1) штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов; 2) частям прикрытия занять свои районы; 3) установить связь с пограничными частями.

К этому времени в штабе по срочному вызову собрались начальники отделов и родов войск, командующий ВВС округа. Тут же присутствовал командир 2-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Т. О. В. Новосельский, прибывший из Тирасполя. Я информировал их о том, что ожидается телеграмма особой важности и что мною отданы соответствующие приказания командирам соединений. Командиру 2-го мехкорпуса также было дано указание привести части корпуса в боевую готовность и вывести их в намеченные выжидательные районы.

Таким образом, непосредственно в приграничной полосе (Одесского военного округа по боевой тревоге были подняты 7 стрелковых, 2 кавалерийские, 2 танковые и механизированная дивизии и 2' укрепленных района. Во втором эшелоне округа оставались 150-я стрелковая дивизия и дивизии 7-го стрелкового корпуса (на третий день войны этот корпус был передан в состав Юго-Западного фронта).

Когда командующему ВВС округа было предложено к рассвету рассредоточить авиацию по оперативным аэродромам, он высказал возражения, мотивируя их тем, что при посадке на оперативные аэродромы будет повреждено много самолетов. Только после отдачи

письменного приказа командующий ВВС приступил к его исполнению.

Примерно во втором часу ночи 22 июня дежурный по узлу связи штаба доложил, что меня вызывает оперативный дежурный Генерального штаба. Произошел следующий разговор: "У аппарата ответственный дежурный Генштаба. Примите телеграмму особой важности и немедленно доложите ее Военному совету". Я ответил: "У аппарата генерал Захаров. Предупреждение понял. Прошу передавать". В телеграмме за подписью Наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова военным советам приграничных округов и Наркому ВМФ сообщалось, что в течение 22-23.6.41 г. возможно нападение немцев в полосах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов.

В телеграмме подчеркивалось, что нападение немцев может начаться с провокационных действий. Поэтому войскам ставилась задача не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно приказывалось: все войска привести в боевую готовность; в ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом 22 июня рассредоточить по полевым аэродромам и тщательно замаскировать всю авиацию; привести в полную боевую готовность противовоздушную оборону; подготовить к затемнению города и объекты. Округа предупреждались, чтобы никаких других мер без особого распоряжения не предпринимать.

В настоящее время известно, что эти указания военным советам приграничных округов были переданы по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина. Сделал он это не без

основания. Учитывая незавершенность мероприятий по срочному усилению Вооруженных Сил, И. В. Сталин делал все для того, чтобы избежать преждевременного столкновения с немецко-фашистской армией, развернувшейся в полной боевой готовности у границ Советского Союза.

Получив директиву Народного комиссара обороны, я был очень взволнован, так как отданное мною приказание о выводе войск округа в районы прикрытия на государственную границу находилось в противоречии с полученными указаниями из Москвы. Тогда я решил передать от имени командующего войсками округа содержание приказа Народного комиссара обороны командирам корпусов для неуклонного исполнения и руководства, что и было немедленно сделано. Однако прежнее распоряжение не только о приведении войск округа в боевую готовность, но и о выводе их в выжидательные районы не отменялось. Более того, объявлялась боевая тревога во всех гарнизонах округа.

Беспокойство о том, как бы выходящие в районы прикрытия войска не поддались на возможную провокацию, не покидало меня. В 3 часа 45 минут 22 июня в комнату, где мы находились, вбежал дежурный по телеграфу и передал принятое из Одессы от заместителя начальника штаба округа по организационно-мобилизационной работе полковника А. М. Кашкина сообщение, в котором говорилось, что, по данным командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала А. А. Жукова, неизвестная авиация в 3 часа 15 минут бомбила Очаков и Севастополь. Стало ясно - это война.

Не успели мы обсудить обстановку с начальниками отделов штаба и начальниками родов войск, как в 4 часа дежурный по узлу связи доложил, что к аппарату СТ-35 меня вызывает командир 14-го корпуса генерал Д.

Г. Егоров. Передаю примерное содержание разговора: "У аппарата Егоров. Товарищ Захаров! В 3 часа 30 минут в районе Рени противник открыл артиллерийско-минометный и ружейный огонь и пытается форсировать реку. Части 25-й стрелковой дивизии{142} и заняли район прикрытия и ведут огонь. Нас..." (перерыв связи). Минут через пять-десять, когда аппарат начал работать, Егоров добавил, что авиация бомбит Болград и он, генерал Егоров, уезжает из города в штаб корпуса.

В это же время командир 35-го корпуса комбриг И. Ф. Дашичев доложил, что в районах Унгены и Скуляны противник ведет сильный артиллерийско-минометный огонь и пытается форсировать реку Прут. Части прикрытия заняли свои районы. Идет бой. Авиация врага бомбит Кишинев и кишиневский аэродром.

Вскоре последовал доклад начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса полковника М. Д. Грецова о том, что в районе Леово противник, пытаясь форсировать Прут, ведет сильный огонь, по части прикрытия, занявшие свои районы, отражают атаки врага. От 48-го стрелкового корпуса поступило сообщение, что авиация противника бомбила Бельцы.

Около 5 часов утра авиация противника бомбила тираспольский аэродром. От бомбовых ударов взорвался склад боеприпасов. В здании штаба, где мы размещались, были выбиты стекла. Пришлось принимать меры к укрытию личного состава штаба.

На рассвете командующий ВВС округа генерал-майор авиации Ф. Г. Мичугин доложил, что основная часть подчиненной ему авиации перебазирована на оперативные аэродромы и выведена из-под ударов авиации противника, которые наносились по стационарным аэродромам с 3 часов 30 минут до 4 часов 30 минут 22 июня. На кишиневском аэродроме попали под удар семь самолетов СБ, три Р-зет и два У-2, потому что командир авиационной бригады А. С.

Осипенко не успел выполнить указание о перебазировании самолетов на оперативный аэродром.

Так начались боевые действия на границе с Румынией. Авиация противника систематически бомбила стационарные аэродромы, так как продолжительное время не могла вскрыть оперативные. В первый день войны в воздушных боях авиация округа сбила более 20 вражеских самолетов. Наши потери были незначительными. Боевая подготовка советских летчиков оказалась более высокой, чем румынских.

22 июня в 9 часов в Тирасполь по железной дороге прибыли командующий войсками округа генерал-полковник Я. Т. Черевиченко и член Военного совета А. Ф. Колобяков.

Учитывая, что с развертыванием военных действий штаб 9-й армии, находясь в Тирасполе, не сможет обеспечить надежного управления войсками, было решено переместить его в Красную Горку (примерно 15-18 км северо-западнее Тирасполя, на берегу Днестра, на одном из участков Тираспольского укрепленного района). В новый пункт, где заранее, на случай войны, был подготовлен узел связи, штаб армии переехал в ночь на 23 июня и находился там сравнительно долго. Лишь в июле в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся на правом фланге 18-й армии, начала отводить свои войска и 9-я армия. Переместился в Березовку (100 км севернее Одессы) и ее штаб.

23 июня на территории округа объявлялась мобилизация. Однако из-за разрушения авиацией противника железнодорожной станции Раздельная перевозка личного состава, призванного по мобилизации, срывалась. Поэтому было дано указание перевозку пополнения для частей, действующих на фронте, произвести автотранспортом согласно разработанному штабом округа варианту,

предусматривавшему совмещение поставок по мобилизации личного состава автотранспортом на призывные и приемосдаточные пункты. Так, в частности, получили свое пополнение на четвертый-пятый день мобилизации части 48-го стрелкового корпуса, 74-й и 30-й стрелковых дивизий.

Для частей, которые в мирное время дислоцировались в приграничной полосе, отмобилизация прошла более спокойно, так как в свое время Генеральный штаб правильно решил вопрос об укомплектовании их за счет призыва населения близлежащих районов. Значительное количество призывников было приписано непосредственно к частям. В целом отмобилизация войск округа прошла удовлетворительно, хотя и с опозданием на два-три дня из-за нарушений железнодорожных сообщений.

Хуже обстояло дело с боевой техникой. Войска округа перед началом войны были укомплектованы ею, в частности танками и средствами радиосвязи, не полностью. Имевшиеся на вооружении войск устаревшие образцы боевой техники не отвечали требованиям современной войны. Так, 2-й механизированный корпус располагал танками преимущественно Т-26 (11-я танковая дивизия), БТ-5 и БТ-7 (16-я танковая дивизия). Новых типов танков, то есть Т-34, было всего лишь 50, а КВ - 10 машин. Последние попали в округ случайно при следующих обстоятельствах. В мае 1941 года начальник ВОСО доложил, что на станции Одесса-Товарная уже пять суток стоит эшелон с танками КВ и никто их не выгружает. Ему приказали направить эшелон в Тирасполь в распоряжение командира 2-го мехкорпуса, что и было сделано. Через несколько дней из Москвы поступило распоряжение вернуть эти танки в Киевский Особый военный округ, для которого они предназначались. Поскольку машины находились уже в

частях, а Одесскому военному округу в июне - июле тоже планировалась передача нескольких КВ для обучения водительского состава, то было решено эти танки не возвращать, а зачислить их в счет будущего плана.

Но вернемся к событиям на южном крыле советско-германского фронта. Через несколько дней после начала войны в район Винницы прибыло управление Южного фронта, сформированное из работников штаба Московского военного округа. Согласно приказу наркома оно должно было объединить действия 18-й и 9-й армий, а также 9-го особого стрелкового корпуса, расположенного в Крыму. Командующим войсками Южного фронта назначался генерал армии И. В. Тюленев, членом Военного совета - армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, начальником штаба - генерал-майор Г. Д. Шишенин. Фронту ставились следующие задачи: оборонять государственную границу с Румынией, а в случае перехода и перелета противника на нашу территорию - уничтожать его и быть готовым к решительным наступательным действиям.

О создании Южного фронта на базе управления МВО штаб Одесского военного округа в то время не знал. Как отмечалось выше, из сообщения Оперативного управления Генерального штаба округу было лишь известно о том, что выделяемая им по плану развертывания 9-я армия войдет в состав Юго-Западного фронта.

О прибытии штаба Южного фронта в Винницу мне сообщил по телефону генерал армии И. В. Тюленев. Прежде всего он просил меня прислать ему карту с обстановкой и несколько телеграфных аппаратов, так как эшелон с полком связи фронта где-то в пути подвергся нападению авиации противника и к месту назначения еще не прибыл. Пришлось срочно направить самолетом в Винницу офицера оперативного отдела

штаба 9-й армии с картой обстановки и несколькими телеграфными аппаратами. На следующий день - снова звонок. И. В. Тюленев потребовал выделить для прикрытия штаба фронта истребительную авиацию, так как, по некоторым данным, противник якобы намечает выбросить в районе Винницы воздушный десант. В 9-й армии было всего лишь четыре полка истребителей. Поэтому командующему фронтом было доложено, что мы можем выделить не более двух, максимум три истребительные эскадрильи. Если память мне не изменяет, была послана одна эскадрилья и то напрасно: никаких воздушных десантов в район Винницы противник не выбрасывал.

В первые дни войны много говорили о немецких воздушных десантах. Об этом не раз сообщалось из Одессы, Кишинева, Николаева и других городов, расположенных на территории Одесского военного округа. Так, 22 июня из Кишинева по телефону органы НКВД передали, что в районе города Бендеры высадился десант. Срочно выезжаю туда. Справляюсь у жителей, в воинских частях. Никто не подтверждает этого. Возвращаясь из Бендер, я обратил внимание на следующее: зенитные орудия, стоявшие на окраине города, открыли огонь по пролетавшей группе самолетов противника; белые облачка, образовавшиеся от разрывов снарядов, были похожи на раскрывшиеся парашюты.

В Тирасполе чуть ли не на пороге штаба меня встретил оперативный дежурный. Он доложил: "Только что звонили из Кишинева. Сообщили, что в районе Бендер высадились парашютисты".

Я связался с Кишиневом и разъяснил представителю НКВД, что, очевидно, они принимают за десантников разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии. Нечто подобное произошло и 23 июня в Одессе. Личный состав артиллерийского училища прочесал район

предполагавшейся высадки вражеского десанта, но ничего не обнаружил. Но звонки и доклады о воздушных десантах не прекращались. Война есть война, и мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям. Поэтому штаб армии принял соответствующие меры. Для истребления десантников были созданы два временных батальона, по 250 человек каждый. Использовать же их по назначению не пришлось. За первые десять дней войны никаких воздушных десантов на территорию Одесского военного округа противник не выбрасывал.

Боевые действия на государственной границе по реке Прут развивались следующим образом. Все попытки противника форсировать реку 22 июня окончились неудачей. В полосе боевых действий частей 9-й кавалерийской дивизии./пограничники не успели взорвать мост, как это было предусмотрено планом прикрытия государственной границы. Румыны пытались овладеть им, но их атаки были отбиты. На следующий день саперы 9-й кавдивизии взорвали этот мост. Тогда же был захвачен в плен румынский офицер, который сообщил, что на участке от Унген до впадения реки Прут в Дунай немецких войск нет, а действуют одни румынские части. Как впоследствии выяснилось, дивизии 11-й немецкой армии вели боевые действия севернее, нанося удары на Бельцы.

В районе Унгены, Скуляны наиболее сильные бои разгорелись на второй день войны. Действовавший здесь стрелковый полк вынужден был с тяжелыми потерями отойти. К исходу дня противник занял небольшой плацдарм на реке Прут. Части 35-го стрелкового корпуса комбрига П. Ф. Дашичева не сумели восстановить положение и дали возможность противнику расширить захваченный им плацдарм.

Вскоре в бой были втянуты 176-я стрелковая дивизия полковника В. Н. Марцинкевича, подошедшая

из Кишинева, 11-я танковая дивизия полковника Г. И. Кузьмина и прибывшая из Котовска 16-я танковая дивизия полковника М. И. Мындро.

Утром 25 июня командующий 9-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко и член Военного совета А. Ф. Котобяков выехали в район Скулян, чтобы на месте организовать ликвидацию занятого противником плацдарма. Для этого предполагалось привлечь части 35-го и 48-ю стрелковых и 2-го механизированного корпусов. У Оргеева им встретился мотоциклист-офицер. Он доложил командующему, что с плацдарма в Бельцы прорвались вражеские танки и что они продвигаются на Оргеев. Я. Т. Черевиченко, вместо того чтобы проверить эти данные, послать командирскую разведку на автомашинах (это было вполне возможно, так как в составе группы были командиры из штаба армии и взвод охраны), принял решение немедленно возвратиться в штаб, уточнить обстановку и принять соответствующие контрмеры. Примерно в 17-18 часов он был уже в штабе и потребовал доложить обстановку.

Услышав о том, что особых изменений на фронте не произошло, командарм спросил: "Как нет? Разве в штарме неизвестно, что танки противника прорвались в Бельцы и двигаются на Оргеев?"

Я доложил командующему, что этого не может быть. Это не противник, а наша 16-я танковая дивизия, выдвигавшаяся из Котовска, следует через Оргеев. К концу дня она должна сосредоточиться в районе Бельцы. (Об этом командующий должен был знать: еще 24 июня он дал указание командиру 2-го механизированного корпуса выдвинуть эту дивизию к району Бельцы.)

Разобравшись в обстановке, Черевиченко вызвал прокурора и начальника особого отдела и дал указание разыскать мотоциклиста и отдать его под суд. Но разыскать неизвестного не удалось.

События в районе Скулян продолжали развиваться неблагоприятно для наших войск. Противник, хотя и медленно, расширял захваченный плацдарм. Все попытки наших войск сбросить его в реку и восстановить положение были безуспешны. К концу июня с подходом главных сил немецких войск плацдарм в районе Скулян приобрел уже оперативное значение. Используя его, 11-я немецкая и 3-я румынская армии начали наступление на Бельцы и Сороки. С 1 июля 9-я армия Южного фронта вступила в тяжелые оборонительные бои.

В должности начальника штаба 9-й армии я находился до 30 июня. В этот день была получена выписка из приказа НКО от 19 июня об освобождении меня от должности начальника штаба Одесского военного округа, я поступал в распоряжение НКО. Вместо меня начальником штаба армии назначался генерал-майор П. И. Бодип.

Прибыв в Москву, я представился начальнику Генштаба генералу армии Г. К. Жукову. Он предложил мне работать его заместителем по оперативному тылу. Не прошло и двух дней, как меня снова вызвал Жуков. После короткой беседы он объявил, что я назначен начальником штаба вновь созданного главного командования Северо-Западного направления, возглавляемого Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым и членом Военного совета, секретарем ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома партии А. А. Ждановым. Враг тогда рвался к колыбели Великой Октябрьской революции, важнейшему стратегическому, политическому и экономическому центру страны - Ленинграду. Надо было любыми средствами остановить это чудовищное нашествие фашистских полчищ, организовать четкое управление сражающимися войсками и флотом, подчинить их единому замыслу.

11 июля 1941 года штаб главного командования Северо-Западного направления, сколоченный на скорую руку, преимущественно из офицеров и генералов Военной академии имени М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова, по железной дороге отправился в Ленинград.

На дальних и ближних подступах к городу строились укрепления, а на улицах и площадях - баррикады. Формировались дивизии народного ополчения. Всюду чувствовалось суровое дыхание войны.

Прибыв в Ленинград, я немедленно связался с начальником штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным и начальником штаба Северного фронта генерал-майором Д. Н. Никишевым, а также с командующим 7-й армией, действовавшей на Карельском перешейке, генерал-лейтенантом Ф. Д. Гореленко, начальником штаба Краснознаменного Балтийского флота контрадмиралом Ю. А. Пантелеевым. Они обстоятельно доложили о положении на фронте, состоянии подчиненных им войск и ответили на вопросы, интересующие штаб главного командования.

Все тогда думали лишь об одном - во что бы то ни стало остановить врага. С беспримерным мужеством сражались наши войска. И они выдержали бешеный натиск врага, преградив ему путь в Ленинград. 900-дневная оборона его вошла в летопись Великой Отечественной войны как непревзойденный пример героизма и мужества сражавшихся воинов и населения в условиях блокады.

В июльские дни К. Е. Ворошилов и я выехали на Пулковские высоты, чтобы на этом выгодном рубеже организовать оборону на ленинградском направлении. Знакомые места напомнили мне октябрьские дни 1917 года. Здесь я получил первое боевое крещение,

действуя в составе отрядов питерских красногвардейцев, направленных для борьбы с контрреволюционными войсками Керенского.

Уже к концу июня - началу июля положение на Северо-Западном фронте резко осложнилось. Войска 8, 11, 27-й армий, оборонявшиеся на 450-километровом фронте, понесли большие потери в личном составе и боевой технике. Подвижные соединения группы армий "Север" рвались к Ленинграду. Войска Северо-Западного фронта под натиском превосходящих сил противника 5 июля оставили город Остров, а 9 июля - Псков. Враг вторгся в пределы Ленинградской области.

Попытка гитлеровцев прорваться с ходу через Лугу в Ленинград была сорвана. В тяжелых боях паши войска сдержали здесь натиск немецко-фашистских войск. С 14 июля начались боевые действия на рубеже реки Луга. Почти месяц войска Лужской оперативной группы мужественно отражали атаки превосходящих сил противника. Враг вынужден был временно остановить дальнейшее наступление и перегруппировать свои части. Эта передышка была успешно использована для укрепления нашей обороны; на дальних и ближних подступах к юроду возникли новые оборонительные сооружения.

В июле - августе на оборонных работах ежедневна трудились сотни тысяч ленинградцев, преимущественно женщины. В короткий срок (кроме лужской полосы обороны) создавались оборонительные полосы Красногвардейского (Гатчинского) укрепленного района. Самоотверженным трудом ленинградцев, особенно рабочих Метро-строя, и воинов инженерных частей были открыты сотни километров противотанковых рвов, эскарпов, контрэскарпов, создано множество лесных завалов, тысячи дотов и дзотов, сотни километров проволочных заграждений. На улицах города сооружались баррикады,

противотанковые препятствия, в домах оборудовались огневые точки. В этих условиях исключительно важным делом была перестройка ленинградской промышленности на военный лад и мобилизация трудящихся на выпуск оборонной продукции. Несмотря на эвакуацию крупнейших предприятий, несмотря на все трудности, промышленность Ленинграда успешно выполняла военные заказы, обеспечивая фронт всем необходимым.

8 августа противник перешел в наступление на красногвардейском направлении. Ему удалось прорвать пашу оборону и к 16 августа овладеть Кингисеппом. Бои шли также и на лужском, новгородском, петрозаводском направлениях.

Оборонительные действия 8-й армии на территории Эстонии несколько задержали продвижение гитлеровских войск к побережью Финского залива. (Позже эта армия сражалась на приморском плацдарме при активной огневой поддержке кораблей Балтийского флота.) Но после выхода противника на побережье 28 августа Таллин был оставлен нашими сухопутными войсками. Корабли Балтийского флота совершили трудный переход в Кронштадт и Ленинград.

10 августа соединения 16-й немецко-фашистской армии перешли в наступление сразу на двух направлениях - на новгородском и лужском. С 16 по 24 августа шли упорные бои за Новгород. Вскоре враг, преодолев сопротивление наших войск, овладел Новгородом, Чудово, Любанью и Тосно, вплотную подошел к окраинам Колпино. 30 августа немецкие части вышли к Неве в районе Ивановского и, захватив станцию Мга, перерезали последнюю железную дорогу, связывающую Ленинград со страной. 8 сентября гитлеровцы, захватив Шлиссельбург, достигли Ладожского озера и сомкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда. Наступавшие на Карельском перешейке

финские войска в начале сентября были остановлены на линии старой советско-финляндской границы. Этот рубеж они занимали вплоть до июня 1944 года. Враг напрягал все силы, чтобы овладеть Ленинградом. 9 сентября гитлеровцы, сломив сопротивление наших войск, после интенсивной бомбежки и артобстрела перешли в решительное наступление по всему фронту - начался штурм Ленинграда. Главные удары наносились в направлении Красное Село, Лигово и на ораниенбаумском направлении. На узком участке фронта 42-й армии противник 10 сентября осуществил прорыв. В течение нескольких дней на подступах к Красному Селу шли ожесточенные кровопролитные бои. Под натиском врага наши войска вынуждены были оставить Красное Село, Пушкин, а затем и Новый Петергоф. Ценой больших потерь враг потеснил наши части у поселка Володарский и Урицка.

В эти тревожные дни были приняты срочные меры, для того чтобы задержать дальнейшее продвижение противника к Ленинграду: налажено управление войсками, в образовавшуюся брешь под Красное Село брошены резервные части, в секторе Финский залив - Пулковские высоты сосредоточен огонь Балтийского флота. Но враг продолжал рваться к городу; со стороны Петергофа его части подошли на расстояние 10 километров. Для последующего броска гитлеровцы сосредоточили восемь дивизий и корпус бомбардировщиков. Напряжение нарастало с каждым днем, с каждым часом. 13-15 сентября бои под Ленинградом достигли наивысшего накала.

Все попытки врага прорваться к Ленинграду через Урицк, Пулковские высоты и Колпино провалились. Благодаря стойкости и массовому героизму советских воинов план врага взять город штурмом был сорван. К концу сентября фронт под Ленинградом

стабилизировался, гитлеровские войска перешли к обороне и начали зарываться в землю.

В дни суровой блокады мне не довелось быть в рядах защитников родного города. В последующие годы Великой Отечественной войны мне выпала честь исполнять должность начальника штаба нескольких фронтов, соединения которых участвовали в сражениях под Москвой и Курском, на Левобережной и Правобережной Украине, освобождали от фашистского ига народы Румынии, Югославии, Венгрии и Чехословакии. В августе - сентябре 1945 года мне было доверено руководить штабом Забайкальского фронта. Соединения этого фронта вместе с другими советскими войсками, действовавшими на Дальнем Востоке, разгромили японскую Квантунскую армию и, говоря словами известной песни, "на Тихом океане свой закончили поход".

Заключение

В. И. Ленин, обобщая уроки гражданской войны, на IX Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1921 года, говорил, что "первой заповедью нашей политики, первым уроком... который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это - быть начеку, ном-нить... что от всякого нашествия мы всегда на волоске"{143}. История подтвердила правоту ленинских слов. В предвоенные годы строительство Вооруженных Сил Советского Союза происходило в сложной международной обстановке, в условиях постоянной угрозы агрессии со стороны империализма. Опасность нападения на СССР особенно усилилась, когда к власти в Германии пришел фашизм, ставивший своей целью завоевать мировое господство и уничтожить прежде всего первое в мире государство рабочих и крестьян.

Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное, чтобы

предотвратить возникновение новой мировой войны и направить усилия советского народа на развитие и укрепление социалистического Отечества. Вместе с тем, руководствуясь ленинскими заветами, они принимали все меры к тому, чтобы укреплять обороноспособность страны, держать армию и флот в полной боевой готовности. И ценой больших материальных затрат, столь нужных для развития народного хозяйства, партия Ц правительство создавали мощные вооруженные силы, "К также оборонную промышленность, способную удовлетворить потребности армии и флота в оружии и боевой технике. Развертывалась подготовка высококвалифицированных командных, технических и политических кадров. Совершенствовался и укреплялся аппарат руководства, и в частности центральные органы высшего управления. Воплощалось в жизнь многое другое, не менее важное, относящееся к области военного строительства.

Автор не ставил перед собою задачи осветить в одной книге все области деятельности Генерального штаба, он хотел раскрыть лишь некоторые проблемы становления его как стратегического органа управления Советскими Вооруженными Силами, его деятельность, связанную с пресечением агрессии и обеспечением государственных интересов Советского Союза стратегическим и мобилизационным планированием, руководством оборонной промышленностью, разработкой военной теории и ее проверкой на учениях и маневрах, совершенствованием военной квалификации высшего командного состава.

После Октябрьской социалистической революции государственный аппарат царской России был разрушен, а старая армия демобилизована. Гением В. И. Ленина и усилиями Коммунистической партии были созданы социалистическое государство и его

вооруженные силы. Это невиданный подвиг в истории человечества. Многие тогда было неведомым. Требовалось найти более приемлемые организационные формы и системы управления для Советского государства и его составной части - вооруженных сил.

Аппарат военного управления развивался на базе ленинских организационных принципов с учетом всего положительного из прошлого опыта русской армии и военной истории.

Основы штабной службы Красной Армии были заложены в огненные годы гражданской войны, на ее опыте. Созданный в 1921 году единый орган руководства Красной Армией - Штаб РККА явился по своей организационной структуре и объему решаемых задач прообразом современного Генерального штаба. Возложенные на него в то время функции были крайне обширны: кроме оперативных он решал административные и хозяйственные вопросы. В период военной реформы 1924-1925 годов границы деятельности Штаба РККА были очерчены более определенно. Штаб РККА решением СНК СССР от 22 сентября 1935 года преобразуется в Генеральный штаб РККА. Совершенствование структуры последнего шло вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Краткое изложение этапов развития советского Генерального штаба приводится для того, чтобы еще раз напомнить читателю, как Коммунистическая партия, исходя из природы социалистического государства, опыта, рожденного революционным творчеством масс, и научно обоснованных положений, разработанных В. И. Лениным, выпестовывала аппарат высшего военного руководства.

Разработку планов обороны страны и оперативного использования Советских Вооруженных Сил Штаб РККА начал систематически осуществлять с 1924 года.

Нарастание напряженности в центре Европы и на Дальнем Востоке, вынуждало Генеральный штаб быть всегда настороже, внимательно следить за развитием событий на мировой арене и международным положением Страны Советов. Решая текущие задачи строительства Красной Армии и ее технической реконструкции, Генеральный штаб одновременно тщательно разрабатывал систему мер по защите границ СССР или общих интересов союзников, вытекавших из обязательств по заключенным договорам, чтобы Советские Вооруженные Силы могли в любое время претворить их в жизнь по приказу партии и правительства.

При этом основное внимание всегда было направлено на предотвращение развязывания войны международным империализмом, на обуздание агрессивных государств.

В то время Советский Союз был островком в мире капитализма и не всегда мог рассчитывать на поддержку даже союзного буржуазного государства. Только наличие сильной Красной Армии позволяло пресечь все посягательства на рубежи нашей Родины.

В конце 30-х годов деятельность Генерального штаба проходила с еще большим напряжением и целеустремленностью. Санкции, примененные против фашистской Германии в освободительном походе, мероприятия по защите Прибалтики и пресечение провокаций финской военщины заметно охладили пыл агрессоров: им не удалось в то время втянуть Советский Союз в мировую войну. Все это заставило Генеральный штаб по-иному взглянуть на характер планов, мобилизационного и стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил. Опираясь на мощную социалистическую экономику, созданную героическим трудом советского народа в предвоенные пятилетки, и наливавшуюся новыми силами оборонную

промышленность, Генеральный штаб изыскивал возможности к резкому наращиванию сил на случай развертывания армии, производил перегруппировку войск на более важные стратегические направления. Успешная нейтрализация Японии позволила уделить больше внимания Западно-Европейскому театру войны, где назревала опасная ситуация.

В угрожаемый период планы в связи с резкими изменениями обстановки обновлялись через несколько месяцев, в них периодически вносились коррективы, поскольку расстановка и соотношение сил коренным образом менялись в течение нескольких недель и даже дней.

Динамичные изменения обстановки требовали незамедлительных ответных мер в планировании, уточнения прогнозов на будущее. Всякое отставание в этом было чрезвычайно опасно. В основном и главным Генеральный штаб верно решал вновь возникавшие сложные задачи. Известно, что накануне Великой Отечественной войны не все наши планы оказались выполненными и завершенными. Из этого в последующем были извлечены полезные уроки. Но бесспорно и то, что многие осуществленные заблаговременно организационно-плановые мероприятия сыграли положительную роль, позволили в период тяжелых оборонительных боев (летом и осенью 1941 г.) планомерно провести мобилизационное развертывание нашей армии, сосредоточить второй стратегический эшелон на рубеже Ленинград, устье Днепра и тем самым создать необходимые предпосылки для последующего крушения гитлеровского плана "молниеносной" войны.

Генеральный штаб постоянно и внимательно следил за состоянием оборонной промышленности. Его деятельность не ограничивалась разверсткой заданий отраслям военного производства по выпуску

вооружения и контролем за поступлением в армию готовой продукции; она касалась и таких важных вопросов, как разработка и конструирование новых образцов боевой техники, поддержание на уровне мобилизационной готовности не только оборонной, но и всей промышленности, создание мобзапаса материальных и боевых средств, рациональное размещение вновь строящихся заводов и их дублеров, кооперирование производства и многих других.

Генштабу принадлежит ведущая и руководящая роль и в развитии теории советского военного искусства, совершенствования боевой практики высшего звена командного состава. Иначе и не могло быть. Научная деятельность его охватывала множество направлений. Сотрудники Генштаба выступали по актуальным вопросам советского военного искусства в периодической печати, работали над теоретическими трудами, уставами и наставлениями. Однако аппарат Генштаба для решения этих задач был маломощным, а развернуть соответствующие военные институты не представлялось возможным. Их в определенной мере возмещали военные академии и другие высшие военно-учебные заведения. Лабораторией для постановки широких научных экспериментов и отработки вопросов боевой практики являлись войска, главным образом приграничных военных округов. Боевой опыт Красной Армии и иностранных армий, принимавших участие в первом периоде второй мировой войны, находил преломление на войсковых учениях, штабных играх и маневрах. Командный и политический состав армии, все советские воины усваивали новые приемы и способы ведения войны на учебных полях и полигонах, большаках и проселках "полевой академии". Внедрение новых достижений советской военно-теоретической мысли в широкие массы воинов шло по кратчайшему пути, минуя зачастую пухлые и пространные

монографии и трудные для восприятия теоретические расчеты. Однако это не принижало данной области научной деятельности: предгрозовое время властно требовало ускорить развитие советской военной науки, быстрее внедрять все новое и прогрессивное в практику войск и широкие слои командного состава. Особенно это касается теории глубокого боя и операции, зародившейся в начале 30-х годов, поддержанной и развитой многими молодыми военачальниками советской школы.

Советская военная доктрина, разработанная на основе марксистско-ленинского учения о войне и армии, постоянно совершенствовалась, находилась на уровне требований времени и мировой науки. Передовые идеи и положения ее воплощались Генштабом в стратегических планах обороны страны и служили тем ориентиром, который давал возможность своевременно и верно чувствовать биение пульса совершавшихся событий.

Проведенные накануне войны оперативные и стратегические игры позволили в кратчайшие сроки ориентировать высший командный состав и окружное звено на решение выдвигаемых жизнью новых задач по защите Советского Союза от опытного и коварного агрессора, подвести их почти вплотную к боевой обстановке, которая впоследствии сложилась в начале войны на полях Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Анализ многочисленных документов тех лет свидетельствует о том, что предложения и планы, представленные Генеральным штабом Центральному Комитету ВКП(б) и Советскому правительству, были аргументированными и обоснованными.

В Великой Отечественной войне суровой проверке подверглись не только коммунистическая идеология и жизненные устои социального и экономического строя, но и военная система нашего государства, а

следовательно, и деятельность Генерального штаба, эффективность его предвоенных теоретических взглядов, планов и практических мероприятий.

Решать любой вопрос, связанный с войной, - сложное и ответственное дело: на карту ставятся не только материальные ценности и творения человеческого разума многих поколений, но и сотни тысяч, миллионы людей и даже участь всего народа страны. Вот почему к Генеральному штабу, занимающемуся непосредственно планированием обороны страны, предъявляются столь высокие требования не только в ходе войны, но и в мирное время.

От заблаговременного и правильного решения задач, возложенных на Генеральный штаб, во многом зависят ход и исход не только первых и последующих сражений, но и всей войны в целом.

Выдвигаемые Генеральным штабом и его предшественниками кардинальные проблемы всегда имели научную основу. Расчеты только на одну интуицию и военное чутье могли привести к грубейшей ошибке, а в конечном счете - к ложным выводам.

Опыт давно минувших событий, и в частности тех, которые предшествовали Великой Отечественной войне, не потерял своего значения и ныне. Извлечение из него всего лучшего и полезного поможет успешнее решать многогранные и сложные проблемы современности. При этом исторические примеры, уроки прошлого следует критически осмысливать, не возводить в догму, помнить слова В. И. Ленина о том, что "марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма" {144}.

Об авторе и его книге

Советская военно-историческая наука пополнилась новым изданием. Перед нами книга видного советского военного деятеля дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Захарова Матвея Васильевича (1898-1972 гг.). Человек незаурядных способностей и героической судьбы, он прошел славный путь от простого крестьянского парня до начальника Генерального штаба Советских Вооруженных Сил, был крупным советским полководцем, военным ученым, автором многих военно-теоретических и военно-исторических работ.

Более пятидесяти лет Матвей Васильевич Захаров прослужил в рядах Советских Вооруженных Сил. Его биография похожа на жизнь многих других выдающихся советских военачальников, воспитанных Коммунистической партией. Красногвардейцем участвовал он в штурме Зимнего дворца и в отражении натиска казачьей конницы на Питер. Сражался на фронтах гражданской войны, освобождал Бессарабию и Северную Буковину. В годы Великой Отечественной войны, возглавляя штабы пяти фронтов, занимая другие крупные военные посты, он руководил многими крупнейшими операциями, имевшими важнейшее значение для достижения нашей великой Победы. Своим ратным трудом, военным талантом М. В. Захаров внес большой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков, в развитие советского военного искусства.

Матвей Васильевич Захаров относится к числу тех советских людей, кто после Великого Октября навсегда связал свою судьбу с защитой социалистического Отечества. С ноября 1918 года он сражается на Южном фронте в 10-й армии, а затем в знаменитой дивизии Дмитрия Жлобы. Командует батареей и артиллерийским дивизионом, потом в должности начальника артиллерийского снабжения дивизии и

помощника начальника штаба бригады по оперативной части участвует в обороне Царицына.

После гражданской войны Матвей Васильевич Захаров успешно оканчивает Военную академию имени М. В. Фрунзе и направляется на службу в Белорусский военный округ, где был начальником ряда отделов штаба, командиром стрелкового полка. Участвует в крупных маневрах, проводившихся в тот период под руководством И. П. Уборевича. С 1937 года, после окончания Военной академии Генштаба, он - начальник штаба Ленинградского военного округа, а с 1938 года - помощник начальника Генерального штаба. Работая в Генштабе, он внимательно следит за развитием начавшейся в Европе второй мировой войны, тщательно анализирует новые явления, оценивает роль новых средств борьбы. Много думает над тем, что нужно сделать для дальнейшего укрепления боеспособности Советских Вооруженных Сил. Уже в те годы во всей полноте проявились его замечательные качества: пытливость, широкий военный кругозор, целеустремленность, огромное трудолюбие, высокие организаторские способности.

Непосредственно перед Великой Отечественной войной генерал М. В. Захаров вступил в должность начальника штаба Одесского военного округа. За несколько месяцев, оставшихся до начала войны, он проделал в округе огромную работу по укреплению пограничной полосы, простиравшейся почти на 450 километров по фронту. Немало времени провел в поездках и рекогносцировках, чтобы еще и еще раз уточнить на месте различные варианты обороны государственной границы, вновь и вновь согласовать вопросы взаимодействия войск, определить пути выдвижения резервов на вероятные угрожаемые направления, проверить организацию системы огня, работу по созданию укрепленных районов.

Особое внимание он уделял созданию надежной системы управления, высокой боевой готовности штабов, их способности немедленно взять на себя руководство войсками. Историки в этом отношении отмечают как положительный пример: штаб Одесского военного округа был единственным, который еще до начала войны, в ночь на 20 июня, по боевой тревоге вышел на полевой командный пункт. Это обстоятельство позволило организованно привести войска в состояние полной боевой готовности и в первые дни войны успешно управлять их действиями по отражению натиска крупных сил противника.

Об исключительном мужестве М. В. Захарова говорит и тот факт, что за два дня до начала фашистской агрессии в отсутствие командующего округом он на свой риск отдал распоряжение поднять войска по боевой тревоге и вывести их из пунктов постоянной дислокации, а частями прикрытия занять назначенные районы на границе. На такой шаг без прямых указаний не решился ни один из штабов других приграничных военных округов.

Важно отметить и другое его важное решение. Анализ поступавших разведывательных данных привел М. В. Захарова к убеждению, что противник, прежде чем начать вторжение, предпримет внезапные авиационные удары по нашим стационарным аэродромам. С учетом этого по его настоянию авиационные части были заранее перебазированы на оперативные аэродромы. Оправданность этих мер полностью подтвердилась. Перед рассветом 22 июня фашистская авиация нанесла мощные удары по всем аэродромам округа. Затем налеты на аэродромы мирного времени следовали вновь и вновь, но авиация округа не пострадала. С рассветом наши летчики находились в воздухе и уже в течение первого дня войны сбили свыше двадцати самолетов противника.

Это характерный пример умелой военной предусмотрительности, особенно если учесть большие потери, понесенные нашей авиацией в первые дни в других военных округах.

Наиболее ярко организаторские способности, военный талант М. В. Захарова раскрылись в последующие годы Великой Отечественной войны. Штабы Калининского, Резервного, Степного, 2-го Украинского, Забайкальского фронтов, которыми руководил М. В. Захаров, успешно разработали и провели ряд оборонительных и более 20 фронтовых наступательных операций. Особенно большой творческий вклад Матвей Васильевич лично внес в планирование, подготовку и проведение контрнаступательной операции Калининского фронта в 1941 году, а также таких сложных операций Степного и 2-го Украинского фронтов, как Белгородско-Харьковская, Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Уманско-Ботошанская, Яско-Кишиневская, Дебреценская, Будапештская, Венская, Пражская.

"Возглавляя штабы фронтов, - писал Маршал Советского Союза И. Конев, М. В. Захаров проявил себя как один из самых опытных начальников штабов. Лично мне с ним довелось совместно работать на Калининском, Степном и 2-м Украинском фронтах, и я могу сказать, что Матвей Васильевич относится к той школе оперативных работников, которые в совершенстве постигли методы управления войсками крупных объединений. Это человек неукротимой энергии и высокой штабной культуры"{145}.

М. В. Захаров глубоко разбирался во всех тонкостях обстановки, планирования операции, скрупулезно занимался вопросами подготовки войск и их обеспечения. Как начальник штаба, он всегда стремился найти и предложить неординарный способ выполнения поставленных задач, детально работать и

организовать действия войск, предусмотреть все варианты возможного развития событий. Это наглядно проявилось уже в Московской битве, где он возглавлял штаб Калининского фронта. Предложенный им необычный план последовательного перехода войск фронта в наступление и его последующих действий был одобрен генералом Коневым И. С., Ставкой ВГК и успешно реализован.

Своеобразным полководческим почерком М. В. Захарова отмечаются и все другие операции, проведенные с его участием. В битве под Курском, например, штаб Степного фронта столкнулся с рядом серьезных трудностей. Дело в том, что фронт находился в резерве Ставки и непосредственно с врагом не соприкасался. Однако его войскам предстояло принять самое активное участие как в оборонительном сражении, так и в последующем контрнаступлении. В этих условиях штабу пришлось вести огромную работу по созданию глубоко эшелонированной обороны, организации взаимодействия с впереди действующими фронтами, планированию обороны и перехода в контрнаступление, подготовке войск к выполнению различных боевых задач.

М. В. Захаров проводил в войсках дни и ночи, чтобы на месте как можно четче организовать всю эту работу. И вместе с тем он непосредственно руководил разработкой всех крупных задач по предстоящей операции, что в значительной мере предопределило ее успех.

В ходе последовавших затем тяжелых боев штаб фронта во главе с М. В. Захаровым внимательно следил за обстановкой и твердо управлял войсками. Особо Матвей Васильевич отличился при организации им ночного штурма Харькова, куда был послан командующим. Выехав на место, он детально разобрался в обстановке. Организованная им разведка

позволила своевременно вскрыть действительное положение противника, построение его обороны на внешнем обводе и внутри города, его намерения. С учетом этого в короткий срок был разработан детальный план штурма, который умело был проведен в жизнь. Харьков, который противник намеревался любой ценой удержать, за одну ночь был освобожден.

И во всех других операциях Матвей Васильевич Захаров много работал над изучением противника, сильных и слабых его сторон, реального состояния и возможностей своих войск. Даже тогда, когда, казалось бы, все ясно, М. В. Захаров обычно выезжал в войска, непосредственно на передний край, чтобы лишний раз убедиться в правильности организации обороны, выбора участков прорыва. Он интересовался мельчайшими вопросами, на месте уточнял правильность понимания задач, вместе с командирами соединений и частей разрабатывал способы их решения.

М. В. Захаров умел вовремя выявлять скрытые опасности в обстановке, видеть потенциальные неиспользованные возможности войск. Передавая свой опыт, он терпеливо учил подчиненных умению в огромном потоке информации выделять ту, которая в данный момент представляет наибольшую ценность, и кратко, но обстоятельно докладывать свои предложения, делать точные расчеты, грамотно и четко формулировать свою мысль, отрабатывать штабные документы. Не случайно все штабы, которые возглавлял М. В. Захаров, отличались особой слаженностью, организованностью в работе, а офицеры этих штабов - высокой штабной культурой, исполнительностью, деловитостью.

Одна из характерных черт его стиля работы заключалась в нешаблонном, творческом и вместе с тем скрупулезном подходе к планированию операций. Он

остро подмечал все ростки нового в военном деле и умел решительно отбрасывать все, что устарело, не соответствует новым требованиям, мешает движению вперед.

Примером этому может служить Корсунь-Шевченковская операция, проведенная войсками 2-го и 1-го Украинских фронтов с 24 января по 17 февраля 1944 года. Эта операция имела много общего с битвой под Сталинградом, но и отличалась многими особенностями. Окружение и разгром вражеской группировки противника проходили без паузы. Внешний и: внутренний фронты окружения находились на небольшом удалении. Противник проявлял большую активность. В расчетах и планах, разработанных командующим и штабом фронта, все это творчески учитывалось.

Руководя работой штаба 2-го Украинского фронта, М. В. Захаров тщательно изучил обстановку и, исходя из нее, разработал обстоятельные предложения по действиям войск. В ходе операции он проявил большую волю для быстрого и точного проведения в жизнь принятых решений. Направляя боевую деятельность штабов, армий, корпусов и дивизий, он требовал от них непрерывной информации, неукоснительного исполнения приказов и распоряжений командующего фронтом. Хорошо организованная связь передового командного пункта в районе прорыва с армиями позволила командующему своевременно и оперативно получать доклады от командиров подчиненных соединений, вести переговоры с ними по телефону лично, что в условиях напряженных боевых действий и постоянно изменяющейся обстановки было очень важно.

Подтверждая это, Маршал Советского Союза Конев И. С. свидетельствовал: "Штаб нашего фронта внимательно следил за изменением обстановки на

фронте и у соседей, координировал действия с 1-м Украинским фронтом, организовывал связь с войсками, авиацией и со Ставкой, со штабом тыла фронта, собирал и обрабатывал всю информацию и своевременно докладывал мне. Нужно отдать должное М. В. Захарову, что он с присущей ему большой энергией и настойчивостью обеспечивал выполнение приказов"{146}.

Все это позволило в короткий срок разгромить окруженные войска и сорвать попытку их прорыва. Войска 2-го и 1-го Украинских фронтов окончательно отбросили противника от Днепра и похоронили все надежды фашистского командования восстановить оборону по среднему течению реки. Сложилась благоприятная обстановка для дальнейшего наступления Красной Армии на Правобережной Украине.

Стилю работы Матвея Васильевича Захарова был чужд трафарет, шаблон. Он всегда исходил из ясного понимания природы современных операций, реальной оценки действительной обстановки. Наглядным примером этому служит Уманско-Ботошанская операция, которую весной 1944 года провели войска 2-го Украинского фронта.

Противник всерьез полагал, что советское командование не рискнет вести широкое наступление в подобных условиях. Но штаб фронта обоснованно доказал, что нельзя позволить врагу использовать "климатическую паузу", чтобы привести в порядок свои войска, пополнить их людскими ресурсами и боевой техникой, построить оборонительные рубежи.

"На успех нашего наступления, - рассказывал впоследствии Матвей Васильевич, - можно было рассчитывать лишь в том случае, если оно будет подготовлено в кратчайшие сроки. Обычно подготовка фронтовой операции занимала 20-30 дней. Такие

вопросы, как определение направления главного удара, глубина боевых задач, ширина участков прорыва, состав ударных группировок, а иногда и основные вопросы артиллерийского и авиационного обеспечения решались Ставкой ВГК. Когда фронты располагали достаточным временем, их командующие с начальниками штабов вызывались в Ставку, получали соответствующее указание и принимали активное участие в разработке плана операции. В данном случае времени у нас было мало. Поэтому в своих указаниях Ставка ограничилась лишь определением направления главного удара и глубины задач для войск фронта. Все же остальные вопросы планирования операции возлагались непосредственно на руководство фронтом. План операции мы должны были представить в Ставку не позднее 26 февраля"{147}.

Такой план был представлен в точно назначенный срок. В основу его замысла были положены принципиальные соображения и тщательные расчеты штаба. По врагу с учетом результатов Корсунь-Шевченковской операции без промедления наносились два удара. Главный - из района Звенигородки на Умань и вспомогательный - из района западнее Кировограда в общем направлении на Новоукраинку. Войска, действовавшие на главном направлении, должны были разгромить уманско-христиновскую группировку противника и овладеть рубежом Ладыжин, Гайворон.

Операция начиналась с боя передовых батальонов. По заданию командующего фронтом генерал М. В. Захаров готовил эти действия лично. Представленный им план 3 марта 1944 года был утвержден Военным советом, а на следующий день проведен в жизнь. Бой передовых батальонов подтвердил данные о противнике, выявил и дополнительные сведения о системе его огня, оборонительных сооружениях.

Используя это для развития успеха, были введены в действие главные силы ударных группировок фронта.

В последующие дни М. В. Захаров и возглавляемый им штаб непосредственно управляли войсками при прорыве обороны противника и развитии успеха, вводе в бой резервов и отражении контрударов. Операция, проводившаяся в труднейших условиях, завершилась полным успехом. За семь дней были освобождены Умань и Христиновка. Фронт прорыва достиг 170 километров, а глубина - 65 километров. Немецко-фашистские войска понесли огромные потери и начали общий отход к Южному Бугу. Спустя три дня советские войска с ходу форсировали этот водный рубеж на 100-километровом участке.

Своеобразно организовал в это время работу своего штаба М. В. Захаров. Штаб перемещался на новые места чаще, чем это общепринято. Значительная часть офицеров работала в войсках. Одновременно не прекращалась напряженная работа по обобщению и анализу общей обстановки, организации взаимодействия войск, разработке частных операций. К начальнику штаба стекались все нити управления. Он анализировал данные разведки, выполнение задач по всем другим видам боевого обеспечения. Он постоянно работал с офицерами разведки, оперативного управления, артиллеристами, авиаторами, инженерами и др. Все сведения, отработанные, проанализированные и точно взвешенные штабом, Матвей Васильевич, как правило, еще раз лично перепроверял, обобщал, глубоко оценивал и четко докладывал командующему. И это помогало принимать обоснованные решения.

Генерал М. В. Захаров являлся мастером планирования самых решительных форм боевых действий - операций на окружение и уничтожение крупных группировок войск противника. Примерами могут служить Корсунь-Шевченковская, Яско-

Кишиневская, Будапештская и Хингано-Мукденская операции. Взять для примера Яско-Кишиневскую операцию. Замыслом этой операции главная роль возлагалась на войска 2-го Украинского фронта. М. В. Захаров понимал, что фронт для этого должен действовать особенно стремительно. Только при высоких темпах наступления можно было своевременно выйти в назначенные районы и замкнуть кольцо окружения. С учетом этого штаб точно рассчитал целесообразное оперативное построение войск, наращивание усилий, порядок ведения прорыва и его развитие, действия подвижных соединений, образования внутреннего и внешнего фронтов окружения. Для проверки плана было подготовлено и проведено командно-штабное учение на крупномасштабной рельефной карте, в ходе которого тщательно согласованы действия корпусов и дивизий 1-го эшелона на направлении главного удара, определены мероприятия по обеспечению ввода в прорыв 6-й танковой армии и 18-го танкового корпуса, сделаны расчеты по наиболее эффективному использованию танков непосредственной поддержки пехоты, спланирован огонь артиллерии по подавлению и уничтожению объектов противника.

Одной из своих важнейших задач М. В. Захаров всегда считал обеспечение непрерывного и надежного управления войсками. Он принимал меры, чтобы не допустить потери управления, особенно в сложной обстановке, тщательно следил за своевременной и бесперебойной работой связи, ее поддержанием с подвижными соединениями, действующими в отрыве от главных сил и осуществлявшими маневр.

В этом плане заслуживает внимания поучительный пример из деятельности штаба фронта во главе с М. В. Захаровым при прорыве обороны противника в Восточных Карпатах. Бои принимали затяжной

характер. В этой обстановке М. В. Захаров предложил 23-й танковый корпус изъять из конно-танковой группы и направить в обход. Совершив 200-километровый маневр, танкисты должны были нанести удар в тыл противника, закрепившегося на горных перевалах. Но этот маневр надо было не только разработать, но и умело осуществить, всесторонне обеспечить. Организуя эту работу, М. В. Захаров уделил особое внимание поддержанию устойчивой связи с корпусом. В результате командующий фронтом имел точные данные о положении корпуса. В свою очередь командиру и штабу корпуса оперативно доводились все изменения в обстановке, уточнялись задачи. 8 сентября корпус совместно с частью сил 7-й гвардейской армии вышел в тыл противника. Почувствовав угрозу окружения и уничтожения, гитлеровцы ослабили сопротивление войскам, наступавшим с востока. В результате неприятельская оборона была прорвана и войска правого крыла фронта перешли к преследованию противника.

М. В. Захаров обоснованно считал, что решающим условием надежности управления является слаженность штаба, его сработанность с начальниками родов войск.

С учетом этого даже в боевой обстановке он неоднократно проводил занятия с управлениями штаба, начальниками штабов армий и отдельных соединений. При этом он твердо вел линию на жесткую централизацию управления, особенно в начале операции, с предоставлением широкой инициативы подчиненным.

Особенно внимательно Матвей Васильевич следил за организацией и работой радиосвязи. Одновременно штабы, которые он возглавлял, умело применяли и все другие виды связи. Хорошо была организована также служба офицеров связи.

Так, например, в ходе Ясско-Кишиневской операции с целью упреждения противника с выдвиганием резервов и организации обороны по хребту Леореза было принято решение ввести в прорыв 6 ТА и затем, не ввязывая ее в затяжные бои, нацелить на стремительное развитие успеха в глубину. Важно было строго проконтролировать это решение. Учитывая это, М. В. Захаров лично проинструктировал и направил в стрелковые дивизии, в полосе которых предполагался ввод, офицеров штаба фронта с радиостанциями. На них возлагалась задача проследить форсирование реки Базлай пехотой и, как только это будет сделано, дать сигнал в управление штаба. Принятые меры позволили своевременно установить момент ввода и отдать 6-й танковой армии соответствующие приказы.

М. В. Захаров, как никто другой, хорошо понимал роль и значение всестороннего обеспечения действий войск. Особое значение он придавал разведке и оперативной маскировке. В большинстве случаев план оперативной маскировки он разрабатывал лично, применяя искусные способы обмана противника. Так, в Ясско-Кишиневской операции по разработанному Матвеем Васильевичем плану оперативная маскировка осуществлялась с целью скрытия подготовки к наступлению и дезориентации противника относительно целей и характера операции, направлений главных ударов. В полосе фронта на романском направлении имитировалось сосредоточение ударной группировки. В этом районе на позициях располагались макеты танков и орудий, интенсивно проводилась разведка обороны противника. Имитировались работа ложных узлов связи, ночное движение автотранспорта с зажженными фарами в сторону фронта. Была проведена также частная операция с целью привлечь на это направление силы противника.

Постоянно М. В. Захаров занимался также инженерным, химическим и особенно материально-техническим обеспечением операций. Крупный знаток этой области военного дела, он умел точно определить размеры требуемых запасов техники, боеприпасов, горючего, продовольствия и вместе с тем подсказать работникам тыла целесообразное построение тыла, организацию его работы, использование различных видов транспорта. Особенно деятельно Матвей Васильевич Захаров работал над организацией этих видов обеспечения в Корсунь-Шевченковской, Яско-Кишиневской, Будапештской и Хингано-Мукденской операциях. Как вспоминает генерал А. Д. Цирлин, бывший во время Хингано-Мукденской операции начальником инженерных войск Забайкальского фронта, с прибытием на Дальний Восток М. В. Захаров и его штаб сразу же занялись тщательным изучением театра, его дорожной сети, гидрографии, подсчетами суточного расхода воды на человека, автомобиль, танк, наконец, на стрелковую дивизию. Установленные штабом нормы позволили определить объем работ по расширению сети водоисточников на маршрутах движения войск в районы сосредоточения и в самих районах.

Детально М. В. Захаров вникал также во все вопросы материального и транспортного обеспечения. Архивы хранят сотни докладов, графиков, расчетов, проводимых лично М. В. Захаровым. По своему содержанию они носят, в сущности, характер всестороннего исследования вопроса, дают представление, как М. В. Захаров относился к: каждой, казалось даже незначительной, детали в обеспечении операции. В них наглядно видна кропотливая работа начальника штаба, подчиненных ему офицеров.

После окончания Великой Отечественной войны возникла задача глубокого изучения и обобщения ее

опыта. Военные академии стали центрами военно-научной мысли, где разрабатывались коренные проблемы советской: военной науки. Ведущее место в этом деле занимала Военная академия Генерального штаба. Ее начальником в сентябре 1945 года был назначен генерал армии М. В. Захаров.

С самого начала своей деятельности в академии М. В. Захаров сосредоточил усилия профессорско-преподавательского состава и слушателей на всестороннем изучении и обобщении опыта минувшей войны. Этому способствовали организованные, регулярно проводимые им общеакадемические научные сообщения и конференции.

Все они проходили, как правило, в обстановке горячих дискуссий и споров, но, умело направляемые начальником академии, всегда завершались установлением единого подхода к оценке уроков войны, единого толкования различных вопросов военного искусства и понимания направления его дальнейшего развития. Все то новое в военной теории, что рождала исследовательская мысль коллектива академии, использовалось не только для всемерного улучшения качества учебного процесса в ее стенах, но и для обогащения знаний командных кадров, несших службу в армии и на флоте. Не будет преувеличением сказать, что в первые послевоенные годы, когда соответствующие уставы и наставления еще находились в стадии разработки, сборники трудов академии, вышедшие под редакцией М. В. Захарова, являлись важным пособием при подготовке и проведении оперативных игр и общевойсковых учений. За большую научно-теоретическую и практическую деятельность генералу армии М. В. Захарову в 1948 году было присвоено ученое звание профессора.

В январе 1949 года М. В. Захаров занял пост заместителя начальника Генерального штаба. С июня

1952 года он главный инспектор Советской Армии. В последующем Матвей Васильевич командует войсками Ленинградского военного округа, а затем Группой советских войск в Германии. С апреля 1960 по март 1963 и с ноября 1964 по сентябрь 1971 года М. В. Захаров - начальник Генерального штаба Советских Вооруженных Сил - первый заместитель Министра обороны СССР. На этом высоком посту особенно ярко проявилось его глубокое понимание проблем повышения обороноспособности Советского государства, перспектив развития форм и способов вооруженной борьбы и советского военного искусства в целом. Он был одним из самых активных вдохновителей и непосредственным участником разработки новых вопросов строительства Вооруженных Сил, современных способов их применения в связи с происшедшей революцией в военном деле. В то же время он трезво оценивал реальность, не увлекался "модными" теориями, всегда исходил из действительных интересов обороноспособности страны.

Так же как и в годы минувшей войны, будучи человеком увлеченным, с необычайным темпераментом, М. В. Захаров и в мирных условиях всегда смотрел вперед, проявлял твердость в своих суждениях. Смело вступал в дискуссии как со своими противниками, так и с единомышленниками, убедительно отстаивал свои взгляды, показывая пример ответственных самостоятельных решений и действий в критические минуты. Он был одним из тех, кто открыто возражал против необоснованных решений, принятых Н. С. Хрущевым в начале 60-х годов в отношении артиллерии, авиации и флота. Не меньшего мужества потребовало от М. В. Захарова его выступление против фактической ликвидации Академии Генерального штаба, начальником которой он был продолжительное время и в развитии которой он сыграл выдающуюся

роль. В марте 1960 года Н. С. Хрущевым было подписано постановление о сокращении численности Академии на 50 процентов и превращении ее в оперативный факультет Академии имени Фрунзе. М. В. Захаров считал это бедствием для Советских Вооруженных Сил. Он стал инициатором отмены этого акта. В апреле 1961 года было принято новое постановление Совета Министров "О сохранении Академии Генерального штаба в Вооруженных Силах". Академия была восстановлена.

Особо надо сказать о Маршале Советского Союза М. В. Захарове как о военном ученом. Его перу принадлежит ряд фундаментальных исследований по вопросам военной теории и истории, обучения и воспитания личного состава армии и флота. Непреходящее значение имеют такие его работы, как "Операция на окружение", "Тактика высших соединений", "О научном подходе к руководству войсками", "Человек и техника", "О принципах и методах военного обучения" и другие. Под руководством Маршала Советского Союза М. В. Захарова и его личном участии были созданы крупные историко-теоретические труды: "Будапешт, Вена, Прага" (1965), "50 лет Вооруженных Сил СССР" (1968), "Финал" (1969) ^"Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов (1944-1945)". Матвей Васильевич систематически выступал в периодической печати по вопросам военной науки и военного искусства, написал много глубоких статей на военные темы.

На всех занимаемых им постах М. В. Захаров смело опирался на политические органы и партийные организации. Он активно участвовал в общественной и политической жизни страны, избирался членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР 4-8-го созывов.

Родина высоко оценила выдающиеся заслуги М. В. Захарова в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Он был дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден 5 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова I степени, 2 орденами Кутузова I степени, орденами Богдана Хмельницкого I степени, Красной Звезды, а также иностранными орденами и медалями.

Много труда, энергии вложил Матвей Васильевич в свою последнюю работу "Генеральный штаб в предвоенные годы". В ней немало страниц, на которых описываются и анализируются малоизвестные, но важные в истории Советских Вооруженных Сил и всей страны события, факты. На основе документальных материалов и личных впечатлений автор рассказывает в своей книге о сложной и ответственной работе Генерального штаба, раскрывает его роль в вопросах организации обороны страны, делится воспоминаниями о людях, с которыми ему довелось в то время встречаться.

Надо сказать, что о работе Генерального штаба в нашей военно-исторической и международной литературе написано немало страниц. О Генштабе вспоминали и писали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. А. Мерецков, С. М. Штеменко и др. Но их воспоминания касались лишь отдельных сторон деятельности Генштаба, а главное, в их книгах рассматривается работа Генштаба преимущественно во время войны. В книге маршала М. В. Захарова впервые в обобщенном виде раскрываются все стороны организации и деятельности Генерального штаба в предвоенные годы. Автор показал, какой была в то время обстановка, какие задачи стояли перед Генштабом, как они решались, какие были планы и как их имелось в виду реализовать. Обстоятельно освещаются мероприятия,

проводившиеся Генеральным штабом и другими центральными органами военного руководства по подготовке Красной Армии к отражению надвигавшейся фашистской агрессии. Впервые раскрыты все сложности возникших военно-стратегических и мобилизационных проблем, той большой работы, в которой автору довелось непосредственно принимать личное участие.

Много лет М. В. Захаров обдумывал этот труд. Ему хотелось обобщить свои знания, опыт, жизненные наблюдения, показать реальные исторические и организационные истоки возникновения Генерального штаба Советских Вооруженных Сил, раскрыть его особенности как основного органа управления Вооруженными Силами нового типа, борьбу различных точек зрения вокруг этого вопроса. А решался он непросто, особенно если учесть, что в то время многие говорили вообще о ненужности Генерального штаба, по-разному трактовалась его роль и задачи.

Сейчас мы видим, что автору в значительной мере удалось успешно реализовать свой замысел. М. В. Захаров убедительно показал, что деятельность Генштаба должна заключаться прежде всего в разработке коренных оборонных проблем в точном соответствии с политикой партии и Советского государства, в определении мер, направленных на решение важнейшей задачи обеспечение подготовки армии и страны к отражению возможной агрессии.

На протяжении всей книги (и вероятно, это одна из сильных ее сторон) М. В. Захаров показывает, что еще в предвоенные годы были заложены все основные элементы для успешной деятельности Генерального штаба в ходе войны. Сложились методы его работы. Были подготовлены кадры, выработаны единые подходы к решению многих стратегических задач. В своей книге автор пишет как о правильных решениях,

так и о просчетах Генерального штаба. К сожалению, при этом он не касается некоторых важных обстоятельств того времени, которые наложили серьезный отпечаток не только на деятельность Генштаба, но и на всю оборонную работу в стране, - грубого произвола со стороны И. В. Сталина и его окружения, их грубых ошибок в оценке военно-политической обстановки, в принятых важных военно-политических решениях. Однозначно показана роль К. Е. Ворошилова и некоторых других военных руководителей того времени. Не упоминается о массовых репрессиях в армии и на флоте, которые нанесли невосполнимый ущерб Советским Вооруженным Силам, всему делу укрепления обороноспособности страны. Но надо учитывать, что в годы застоя, когда писалась эта книга, автор не мог об этом писать прямо и открыто.

Достоинство книги, ее историческая достоверность определяются прежде всего тем, что автор описывает события, опираясь не только на документальные факты, но и на личное знание всех тонкостей работы Генштаба изнутри. М. В. Захаров все видел своими глазами, все прочувствовал сам, работая со второй половины 30-х годов и до начала войны в Генеральном штабе (с перерывами) на ответственных постах. Как помощник начальника Генштаба, он был непосредственно причастен к разработке оперативных и мобилизационных планов, определению направлений развития вооружения и Вооруженных Сил, во всех деталях знал подготовку и ход Финской кампании, боев у Халхин-Гола, подготовку обороны на западных границах страны.

Последующая длительная работа в послевоенные годы в должности уже начальника Генерального штаба (с 1960 по 1971 год с перерывом на один год) позволила М. В. Захарову с ретроспективных позиций

проанализировать все предвоенные события, по-новому взглянуть на все, что делалось в Генеральном штабе накануне войны. Он старался извлечь из этого соответствующие уроки на будущее, сделать конкретные теоретические и практические выводы.

Именно поэтому многое из того, о чем пишет в своей книге Маршал Советского Союза М. В. Захаров, и сейчас представляет не только исторический, но и научно-практический интерес. Книга высвечивает многие белые пятна в нашей военной истории, раскрывает всю сложность деятельности Генштаба как мозга армии. На примере формирования школы советских генштабистов, работы таких выдающихся начальников Генштаба, как Б. М. Шапошников, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков, он показывает, какие требования предъявляются к работникам Генштаба, что надо учитывать в работе современных органов управления.

Особенно важно, что в книге рассматриваются почти все без исключения стороны теоретической и практической деятельности Генштаба разведывательная, оперативная, организационная, мобилизационная, управленческая, военно-научная. На убедительных примерах показывается, как осмотрительно и взвешенно Генштаб должен подходить к рассмотрению и решению любого вопроса, какая огромная ответственность ложится на него за каждый расчет, подготовленный документ и доклад. Известно, что ошибки оперативных штабов всегда оплачивались дорогой ценой. Ошибки Генштаба стоят значительно дороже. Порой они могут оказаться непоправимыми, и это определяет меру его ответственности.

В книге, издаваемой ныне, можно найти многочисленные примеры независимых суждений, постановок новых тем и вопросов. Они касаются в

определенной мере и разработки оборонительной военной доктрины, и способов отражения агрессии, и возможного характера начального периода войны, и методов организации и ведения современных операций.

Книга была написана М. В. Захаровым еще в 1969 году, за три года до его кончины. Столь длительный разрыв между написанием и выходом мемуаров в свет объясняется несколькими причинами. Прежде всего тем, что тогда еще действовали довольно жесткие ограничения в отношении публикаций в открытой печати по вопросам организации, оперативной и мобилизационной деятельности Генштаба. С другой стороны, по негласным правилам того времени для выпуска любого военно-политического, тем более такого важного труда требовалось получить одобрение ряда заинтересованных должностных лиц. Это вылилось в диктат конъюнктурных мнений. Из книги исчезло много ценного информативного материала, появились оценки, несвойственные автору. На глазах М. В. Захарова происходило обесценивание его труда. Все, кто в этот период встречались с М. В. Захаровым, видели, как это тяжело сказывается на нем.

После смерти автора набор книги был рассыпан, изъяты материалы рукописи, находившиеся в личном пользовании. Можно с уверенностью сказать, что в других условиях М. В. Захаров мог (и он говорил об этом неоднократно) написать более глубокий открытый труд.

Но и в увидевшей свет через двадцать лет рукописи автору удалось запечатлеть для потомства основной спектр вопросов и проблем, которые решал советский Генеральный штаб накануне великих испытаний. Глубоко убежден, что в книге маршала М. В. Захарова много поучительного и познавательного найдут для себя не только убеленные сединами ветераны Советских Вооруженных Сил современники война и ученого, не только генералы и офицеры, военные

профессионалы. Много интересного найдут в ней также все те, кто интересуется проблемами советской военной теории, стратегии, оперативного искусства, героической историей Советских Вооруженных Сил, нашей великой Родины.

Генерал армии Моисеев М. А.,
начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР

первый заместитель Министра обороны СССР.

Приложение 1. Краткая историческая справка о Генеральном Штабе и его предшественниках

Всероссийская коллегия по организации и формированию Красной Армии была учреждена при Народном комиссариате по военным делам Декретом СНК от 15 января 1918 г. Председателем коллегии был Подвойский Н. И., членами Крыленко Н. В., Мехоношин К. А., Трифонов В. А., Юренев К. К.

Задачи коллегии: руководить деятельностью местных советских организаций по формированию Красной Армии; вести учет вновь созданных боевых частей и соединений; руководить обучением войск; обеспечивать формируемые части вооружением и всеми видами довольствия; осуществлять санитарно-медицинское обслуживание их.

Коллегия имела 7 отделов: организационно-агитационный, формирования и обучения, мобилизационный, вооружения, снабжения, транспортный, санитарный, финансовый.

В связи с учреждением 8 мая 1918 г. Всероссийского главного штаба коллегия была упразднена.

Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб) образован 8 мая 1918 г. взамен и на базе ранее существовавших Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии и ряда сохранившихся центральных учреждений старой армии.

Задачи Всероглавштаба: формирование, устройство и обучение Красной Армии, а также разработка всех вопросов, связанных с обороной Республики.

Во главе Всероссийского главного штаба стоял совет в составе начальника штаба и двух комиссаров. Начальниками Всероссийского главного штаба были: Стогов Н. Н. (18.5-2.8.1918 г.), Свечин А. А. (2.8-22.10.1918 г.), Раттэль Н. И. (22.10.1918 г. - 10.2.1921 г.).

В связи с реорганизацией аппарата Народного комиссара по военным делам Всероглавштаб с 6 сентября 1918 г. перешел в подчинение Революционного военного совета Республики и просуществовал до 14 февраля 1921 г.

Высший военный совет был образован 4 марта 1918 г. для руководства всеми операциями на театре военных действий. Его задачи: проведение мероприятий по организации новых Вооруженных Сил; разработка основных заданий по обороне государства; объединение деятельности и решение всех общих вопросов военного и морского ведомств; наблюдение за выполнением задач этими органами.

При военном руководителе Высшего военного совета был создан штаб, который являлся непосредственным исполнителем решений совета. Военным руководителем Высшего военного совета и его штаба с 20.6 по 27.8 1918 г. был Бонч-Бруевич М. Д. В августе 1918 г. взамен этой должности была введена должность начальника штаба Высшего военного совета, которую занимал с 27.8 по 6.9 1918 г. Раттэль Н. И.

Исполнительными органами штаба были: Оперативное управление (начальник - Сулейман Н. А. и два помощника - Шапошников Б. М. по разведчасти и Шепетов Н. Е. по оперчасти); Организационное управление (начальник Даллер В. В.); Управление ВОСО (начальник - Загю М. М.); отдел связи и инспектора.

Постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 г. были учреждены Революционный военный совет Республики и должность Главнокомандующего Вооруженными Силами, который являлся членом РВСР. С образованием РВСР Высший военный совет был упразднен, его штаб 6.9 1918 г. реорганизован в Штаб РВСР, начальником которого по преемственности стал Раттэль Н. И.

2.10 1918 г. Штаб РВСР был преобразован в Полевой штаб РВСР. На него возлагались следующие задачи: сбор и обработка сведений, необходимых для проведения военных операций, передача в войска распоряжений главкома; руководство военными операциями и эксплуатацией железнодорожной сети театра военных действий. Штаб имел Оперативное, Административно-учебное, Регистрационное управления и Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО), Полевое управление авиации и Управление инспекторов.

Начальниками Полевого штаба РВСР были: Раттэль Н. И. (2.10-22.10 1918 г.), Костяев В. Ф. (22.10 1918 г. - 16.6 1919 г.), Бонч-Бруевич М. Д. (16.6-13.7 1919 г.), Лебедев П. П. (13.7 1919 г. - 14.2 1921 г.).

11 февраля 1921 г. Полевой штаб РВСР и Всероглавштаб были слиты в единый Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии, который ведал оперативным планированием, боевой подготовкой и внутренней службой войск, организацией, мобилизацией и формированием войсковых частей через соответствующие управления и инспекторов родов войск и служб. Начальниками Штаба РККА были: Лебедев П. П. (14.2 1921 г. - 12.4 1924 г.), Фрунзе М. В. (12.4 1924 г. 2.2 1925 г.), Каменев С. С. (2.2-13.11 1925 г.), Тухачевский М. Н. (13.11 1925 г. - 5.5 1928 г.), Шапошников В. М. (5.5 1928 г. - 11.6 1931 г.), Егоров А. И. (11.6 1931 г. - 26.9 1935 г.).

Во исполнение постановления СНК СССР от 22 сентября 1935 г. приказом НКО СССР от 26.9 1935 г. Штаб РККА переименованный в Генеральный штаб РККА, начальниками которого были: Егоров А. И. (26.9 1935 г. - 11.5 1937 г.), Шапошников Б. М. (11.5 1937 г. - 19.8 1940 г.), Мерецков К. А. (19.8 1940 г. - 1.2 1941 г.), Жуков Г. К. (1.2-29.7 1941 г.), Шапошников Б. М. (29.7 1941 г. - 11.5 1942 г.), Василевский А. М. (11.5 1942 г. - 19.2 1945 г.), Антонов А. И. (19.2 1945 г. - 25.3 1946 г.), Василевский А. М. (25.3-3.6 1946 г.).

Постановлением Совета Министров СССР от 3.6 1946 г. Генеральный штаб РККА переименован в Генеральный штаб Вооруженных Сил. Начальником его были: Василевский А. М. (3.6 1946 г. - 12.11 1948 г.), Штеменко С. М. (12.11 1948 г. - 9.8 1950 г.).

29.6 1950 г. Генеральный штаб Вооруженных Сил переименован в Генеральный штаб Советской Армии, которым руководили: Штеменко С. М. (29.6 1950 г. - 17.6 1952 г.), Соколовский В. Д. (17.6 1952 г. - 20.9 1955 г.) {148}.

20.9 1955 г. Генеральный штаб Советской Армии переименован в Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Его начальники: Соколовский В. Д. (20.9 1955 г. - 19.4 1960 г.), Захаров М. В. (19.4 1960 г. - 7.3 1963 г.), Бирюзов С. С. (7.3 1963 г. - 19.10 1964 г.), Захаров М, В, - с 23.11 1964 г.

Приложение 2. Список руководящего состава округов, фронтов, флотов, армий и флотилий к началу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Сухопутные войска

Архангельский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Качалов В. Я.,
член Военного совета бригадный комиссар Колесников В. Т.,
начальник штаба - генерал-майор Егоров П. Г.

Ленинградский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Попов М. М., член Военного совета корпусной комиссар Клементьев Н. Н., начальник штаба - генерал-майор Никишев Д. Н., командующий ВВС - генерал-майор авиации Новиков А. А.

Прибалтийский Особый военный округ
Командующий - генерал-полковник Кузнецов Ф. И., член Военного совета - корпусной комиссар Диброва П. А., начальник штаба - генерал-лейтенант Кленов П. С., командующий ВВС генерал-майор авиации Ионов А. П.

Западный Особый военный округ

Командующий - генерал армии Павлов Д. Г., член Военного совета корпусной комиссар Фоминых А. Я., начальник штаба - генерал-майор Климовских В. Е., командующий ВВС - генерал-майор авиации Конец И. И.

Киевский Особый военный округ

Командующий - генерал-полковник Кирпонос М. П., член Военного совета корпусной комиссар Вашугин Н. П., начальник штаба - генерал-лейтенант Пуркаев М. А., командующий ВВС - генерал-лейтенант Птухин Е. С.

Одесский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант, с 22 февраля 1941 г. генерал-полковник Черевиченко Я. Т., член Военного совета - корпусной комиссар Колобяков А. Ф., начальник штаба - генерал-майор Захаров М. В., командующий ВВС генерал-майор авиации Мичугин Ф. Г.

Северо-Кавказский военный округ Командующий - генерал-лейтенант Конев И. С., член Военного совета - корпусной комиссар Шекланов И. П., начальник штаба - генерал-лейтенант Злобин В. М., командующий ВВС - генерал-майор авиации Николаенко Е. М.

Закавказский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Козлов Д. Т., член Военного совета дивизионный комиссар Шаманин Ф. А., начальник штаба - генерал-майор Толбухин Ф. И.,

командующий ВВС - генерал-лейтенант авиации
Денисов С. П.

Московский военный округ

Командующий - генерал армии Тюленев И. В., член
Военного совета корпусной комиссар Богаткин В. Н.,
начальник штаба - генерал-майор Шишенин Г. Д.,
командующий ВВС - полковник Сбытов Н. А.

Приволжский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Герасименко В.
Ф., член Военного совета - дивизионный комиссар
Колонии С. Е., начальник штаба - генерал-майор Гордов
В. Н., командующий ВВС - Комдив Ворожейкин Г. А.

Среднеазиатский военный округ

Командующий - генерал-майор Трофименко С. Г.,
член Военного совета дивизионный комиссар Рыков Е.
П., начальник штаба - генерал-майор Казаков М. И.,
командующий ВВС - генерал-майор авиации Харитонов
М. П.

Уральский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Ершаков Ф. А.,
член Военного совета корпусной комиссар Леонов Д. С.,
начальник штаба - генерал-майор Захаров Г. Ф.,
командующий ВВС - Генерал-майор авиации Антошин И.
П.

Сибирский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Калинин С. А.,
член Военного совета дивизионный комиссар Иванов Н.
И., начальник штаба - генерал-майор Глинский П. Е.,
командующий ВВС - генерал-майор авиации Погребов Б.
А.

Забайкальский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Курочкин П. А.,
член Военного совета корпусной комиссар Зимин К. Н.,
начальник штаба - генерал-майор Троценко Е. Г.,
командующий ВВС - генерал-майор авиации Куцевалов
Т. Ф.

Харьковский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Смирнов А. К.,
член Военного совета корпусной комиссар Николаев Т.
Л., начальник штаба - генерал-майор Колпакчи В. Я.,
командующий ВВС - генерал-майор авиации Горюнов С.
К.

Орловский военный округ

Командующий - генерал-лейтенант Ремезов Ф. Н.,
член Военного совета корпусной комиссар Семеновский
Ф. А., начальник штаба - генерал-майор Корнеев А. Д.,
командующий ВВС - генерал-майор авиации Котов П. А.,
с 15.5 1941 г. - полковник Науменко Н. Ф.

Дальневосточный фронт

Командующий - генерал армии Апанасенко И. Р.,
член Военного совета корпусной комиссар Желтов А. С.,
начальник штаба - генерал-лейтенант Смородинов И. В.,
командующий ВВС - генерал-лейтенант авиации Гусев
К. М.

1-я Краснознаменная армия

Командующий - генерал-лейтенант Васильев В. П.,
член Военного совета дивизионный комиссар Романенко
А. А., начальник штаба - генерал-майор Шелахов Г. А.

2-я Краснознаменная армия

Командующий - генерал-лейтенант танковых войск
Терехин М. Ф., член Военного совета - дивизионный
комиссар Шебалин Н. И., начальник штаба генерал-
майор Корытников П. К.

3-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Кузнецов В. И.,
член Военного совета армейский комиссар 2 ранга
Бирюков Н. И., начальник штаба - генерал-майор
Кондратьев А. К.

4-я армия

Командующий - генерал-майор Коробков А. А., член
Военного совета дивизионный комиссар Шлыков Ф. И.,
начальник штаба - полковник Сандалов Л. М.

5-я армия

Командующий - генерал-майор танковых войск Потапов М. И., член Военного совета - дивизионный комиссар Никишев М. С., начальник штаба - генерал-майор Писаревский Д. С.

6-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Музыченко И. Н., член Военного совета дивизионный комиссар Попов Н. К., начальник штаба - комбриг Иванов Н. П.

7-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Гореленко Ф. Д., член Военного совета дивизионный комиссар Зеленков М. П., начальник штаба - генерал-майор Крутиков А. Н.

8-я армия

Командующий - генерал-майор Собенников П. П., член Военного совета дивизионный комиссар Шабалов С. И., начальник штаба - генерал-майор Ларионов Г. А.

10-я армия

Командующий - генерал-майор Голубев К. Д., член Военного совета бригадный комиссар Дубровский Д. Г., начальник штаба - генерал-майор Ляпин П. И.

11-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Морозов В. И., член Военного совета бригадный комиссар Зуев И. В., начальник штаба - генерал-майор Шлемин И. Г.

12-я армия

Командующий - генерал-майор Понеделин П. Г., член Военного совета бригадный комиссар Куликов И. П., начальник штаба - генерал-майор Брушанян Б. И.

13-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Филатов П. М., член Военного совета бригадный комиссар Фурт П. С., начальник штаба - генерал-лейтенант Петрушевский А. В.

14-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Фролов В. А., член Военного совета дивизионный комиссар Крюков А. И., начальник штаба - полковник Сквирский Л. С.

15-я армия

Командующий - генерал-майор Черемисов Л. Г., член Военного совета дивизионный комиссар Ибрагимов В. С., начальник штаба - генерал-майор Городинский Ю. Л.

16-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Лукин М. Ф., член Военного совета дивизионный комиссар Лобачев А. А., начальник штаба - полковник Шалин М. А.

17-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Романенко П. Л., член Военного совета дивизионный комиссар Новиков С. М., начальник штаба - генерал-майор Гастилович А. И.

23-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Пшенников П. С., член Военного совета бригадный комиссар Сосновиков В. В., начальник штаба - полковник Городецкий Н. В.

25-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Парусинов Ф. А., член Военного совета бригадный комиссар Лебедев Н. Г., начальник штаба - генерал-майор Иванов В. Д.

26-я армия

Командующий - генерал-лейтенант Костенко Ф. Я., член Военного совета бригадный комиссар Колесников Д. Е., начальник штаба - полковник Варенников И. С.

27-я армия

Командующий - генерал-майор Берзарин Н. Э., член Военного совета дивизионный комиссар Батраков П. К., начальник штаба - полковник Болознев В. В.

Военно-Морской Флот

Северный флот

Командующий - контр-адмирал Головкин А. Г., член Военного совета дивизионный комиссар Николаев А. А., начальник штаба - контр-адмирал Кучеров С. Г.,

командующий ВВС - генерал-майор авиации Кузнецов А. А.

Краснознаменный Балтийский флот Командующий - вице-адмирал Трибуц В. Ф., член Военного совета - дивизионный комиссар Яковенко М. Г., начальник штаба - контр-адмирал Пантелеев Ю. А., командующий ВВС - генерал-майор авиации Ермаченков В. В.

Черноморский флот

Командующий - вице-адмирал Октябрьский Ф. С., член Военного совета дивизионный комиссар Кулаков Н. М., начальник штаба - контр-адмирал Елисеев И. Д., командующий ВВС - генерал-майор авиации Остряков Н. А.

Тихоокеанский флот

Командующий - вице-адмирал Юмашев И. С., член Военного совета корпусной комиссар Захаров С. Е., начальник штаба флота - контр-адмирал Богдонко В. Л., командующий ВВС - генерал-майор авиации Лемешко П. Н.

Северная Тихоокеанская флотилия

Командующий - контр-адмирал Арапов М. И., член Военного совета бригадный комиссар Быстриков Г. Ф., начальник штаба - капитан 1 ранга Ципанович В. А.

Краснознаменная Амурская флотилия

Командующий - контр-адмирал Абанькин П. С., член Военного совета бригадный комиссар Бакгев М. И., начальник штаба флотилии - контр-адмирал Федоров М. И.

Каспийская военная флотилия

Командующий - контр-адмирал Сидельников Ф. С., член Военного совета полковой комиссар Панченко Н. Г., начальник штаба - капитан 1 ранга Алексеев И. И.

Дунайская военная флотилия

Командующий - контр-адмирал Абрамов Н. О., Военный комиссар - бригадный комиссар Кузнецов И. И., начальник штаба - капитан 2 ранга Григорьев В. В.

Пинская военная флотилия

Командующий - капитан 1 ранга Рогачев Д. Д.,
Военный комиссар полковой комиссар Беленков В. К.,
начальник штаба - капитан 2 ранга Брахтман Г. И.

Примечания

{1} В мае 1918 г. оно вошло в состав созданного
Всероссийского главного штаба.

{2} После первой мировой войны систему
подчиненности генерального штаба императору
приняла и Япония.

{3} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137-138.

{4} Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 21.

{5} Несколько позднее - Народный комиссариат по
военным делам.

{6} Брат В. Д. Бонч-Бруевича - старейшего деятеля
Коммунистической партии и Советского государства,
соратника В. И. Ленина.

{7} Декреты Советской власти. Т. 1. С. 352-353, 357-
358.

{8} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 77.

{9} См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 522-523.

{10} Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 г.:
Протоколы. М., 1959. С. 422.

{11} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 720, л. 4-5.

{12} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 720, л. 6.

{13} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 130-131.

{14} С 1921 г. - Военная академия РККА, а с 1925 -
Военная академия имени М. В. Фрунзе.

{15} ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 113, л. 17.

{16} Там же, л. 57-58.

{17} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 720, л. 8.

{18} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 720, д. 9.

{19} Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года:
Стенографический отчет. М., 1963. С. 602.

{20} Н. Н. Петин до этого командовал Западно-
Сибирским военным округом.

{21} С. С. Каменев был до этого Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

{22} Фрунзе М. В. Собр. соч. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 31-32.

{23} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 720, л. 11-13.

{24} Фрунзе М. В. Собр. соч. М.: Л., 1926, Т. 2. С. 133-134.

{25} Цит. по: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 173.

{26} ЦГАСА, ф. 1, оп. 78467, д. 1, л. 16-19.

{27} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 720, л. 164.

{28} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 743, л. 1-3.

{29} ЦГАСА, ф. 919/33988, оп. 3, д. 117, л. 93.

{30} ЦГАСА, ф. 40442, д. 1, л. 1.

{31} См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР, С. 210.

{32} См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 211, 213.

{33} Функции начальника вооружений передавались соответствующим управлениям в части, их касающейся.

{34} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, С. 75.

{35} ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 1039, л. 29.

{36} Свечин А. А. История военного искусства. М., 1922. Ч. 1. С. 11.

{37} Свечин А. А. История военного искусства. Ч. 1, С. 127.

{38} ЦГАСА, ф. 7, оп. 5, д. 148, д. 4

{39} Гражданская война 1918-1921 гг. М., 1928-1930. Т. 1-3; История гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1.

{40} ЦГАСА, ф. 7, оп. 5, д. 83, л. 76.

{41} ЦГАСА, ф. 7, оп. 5, д. 161, л. 29-35.

{42} ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 546.

{43} ЦГАСА, ф. 7, оп. 5, д. 161, л. 61.

{44} ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 447, л. 19.

{45} ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 447, л. 19.

{46} Красная звезда, 1929. 6 июня.

{47} См.: Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2.

{48} Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 2. С. 167.

{49} Там же. С. 167.

{50} См. там же. С. 392-472.

{51} ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 44, л. 109, 170.

{52} Эти труды не вышли в свет и, следовательно, не стали достоянием широкого круга военных читателей.

{53} ЦГАСА, ф. 40442, д. 3, л. 160.

{54} Этот тезис взят из резолюции VI конгресса Коминтерна.

{55} История войн и военного искусства (Войны и военное искусство периода "вползания" и начала второй мировой империалистической войны фашистскими странами). М., 1939. Т. 3, ч. 2. С. 3-4.

{56} Там же.

{57} Там же.

{58} КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Сборник документов (1917-1958). М., 1958. С. 47.

{59} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, С. 382-383.

{60} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 340

{61} Этот сборник хранится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле. На титульном листе книги надпись: "Экземпляр В. И. Ленина. 24/IV 1920 г."

{62} См.: Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 2. С. 4-22, 34-61.

{63} Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1985. С. 155.

{64} Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. Смоленск, 1923. С. 25-27.

{65} Мовчин Н. Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М., 1928.

{66} Варфоломеев Н. Ударная армия. М., 1933.

{67} Триандафиллов В. Характер операций современных армий. М., 1929.

{68} Варфоломеев Н. Стратегия в академической постановке // Война и революция: Сборник статей. 1928. № 1. С. 88.

{69} Фрунзе М. В. Избранные произведения. С. 243, 244.

{70} Тухачевский М. Н., Варфоломеев Н. Е., Шиловский Е. А. Армейская операция. Л., 1926; Коленковский А. К. О наступательной операции армии, входящей в состав фронта, М., 1929; Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М., 1929 и др.

{71} 12 июля 1931 г. в результате авиационной катастрофы также погибли заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА К. Б. Калиновский, помощник начальника сектора управления Штаба РККА М. И. Аркадьев, командир корабля С. Т. Рыбальчук, летчик отряда особого назначения В. С. Богданов, авиатехники А. Н. Шендриков, С. М. Половинин и летчик-наблюдатель Н. Н. Белков.

{72} ЦГАСА, ф. 37977, он. 3, д. 368, л. 903-1021.

{73} ЦГАСА, ф. 37977, оп. 3, д. 368, л. 963, 977.

{74} Там же, д. 845-887.

{75} ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 65, л. 486-488.

{76} Там же, л. 14.

{77} Там же, л. 15-16.

{78} В Великой Отечественной войне эшелон развития прорыва включал в себя танковые армии, танковые, механизированные и кавалерийские соединения.

{79} Капустин Н. Я. Оперативное искусство в позиционной войне. М., 1927; Карбышев Д. М. Инженерное обеспечение оборонительной операции. М., 1938; Инженерное обеспечение боевых действий. М.,

1938; Инженерное обеспечение боевых действий стрелковых соединений. М., 1939, 1940. Ч. 1, 2; Гут ор А. Е. Оборона корпуса на широком фронте. М., 1939; Готовцев А. И. Оборонительные действия стрелковых дивизий. М., 1926; Грендаль В. Д. Артиллерия в основных видах боя. М., 1940; Судаков Ф. П. Армейская оборонительная операция. М., 1940.

{80} См.: Военный зарубежник. 1939. № 8.

{81} E. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1957.

{82} В 30-е годы в Красной Армии широко практиковалось периодическое прохождение службы работниками штабов в строевых частях. В начале 1936 г. по личной просьбе я был назначен с должности начальника оперативного отдела штаба Белорусского округа командиром полка для приобретения опыта.

{83} АВП СССР. Материалы Токийского процесса, ф. 4366, оп. 2, д. 17, и. 9, л. 166.

{84} Маршалом Советского Союза он стал в 1940 г.

{85} Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1929. Кн. 3. С. 378.

{86} Известия. 1938. 18 марта.

{87} Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. № 6. С. 24-23; № 7. С. 26; № 14. С. 41-45; № 20. С. 59-60; № 24. С. 66.

{88} Новые документы из истории Мюнхена. № 26. С. 70-72; № 38 С. 103-104; № 39. С. 105, Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. М., 1951 С. 86, 88.

{89} Новые документы из истории Мюнхена. № 53. С. 139-140.

{90} Новые документы из истории Мюнхена. № 50. С. 132, 133.

{91} ЦГАСА, ф. 4, оп. 17, д. 23, л. 136.

{92} Там же, л. 186.

{93} ЦГАСА, ф. 37977, оп. 2, д. 286, л. 120.

{94} Данная оценка подтверждается высказываниями немецко-фашистского генерала А. Филиппи в книге "Припятская проблема" (М., 1959).

{95} В расчетах две бригады (любого рода войск) приравниваются к одной дивизии.

{96} Нихон сире сюсэн: Сборник материалов по истории Японии. Токио, 1956. С. 575-576.

{97} См.: АВП СССР. Материалы Токийского процесса, ф. 4366, оп. 2, д. 72, с. 753.

{98} ЦГАСА, ф. 35083, оп. 1, д. 1, л. 12-17.

{99} См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 376.

{100} Там же. С. 116.

{101} ЦАМО, ф. 81, оп. 12076, д. 2, л. 3.

{102} ЦАМО, ф. 2, оп. 78409, д. 40, л. 14.

{103} ЦАМО, ф. 81, оп. 12076, д. 2, л. 161.

{104} XVIII съезд ВКП(б): биографический отчет. М., 1940. С. 14-15.

{105} Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964. С. 30-31.

{106} Жуков Г. К. Победу ковал каждый//Сборник материалов по событиям у реки Халхин-Гол. М., 1939.

{107} Г. М. Штерн в это время занимал должность командующего фронтовой группой.

{108} ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 5, л. 16.

{109} ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 19-20.

{110} См.: Действия 1 армгруппы в Халхин-Голской операция (май сентябрь 1939 г.). М., 1940.

{111} АВП СССР, ф. Переговоры 1939 г., оп. 38, д. 16, и. 2, л. 232.

{112} АВП СССР, ф. Переговоры 1939 г., оп. 38, д. 16, и. 2, л. 37.

{113} Там же, л. 88.

{114} АВП СССР, ф. Переговоры 1939 г., оп. 38, д. 16, и. 2, л. 4, 124, 142, 144, 184, 188.

{115} Шапошников Б. М. Мозг армии. С. 352-378.

{116} История международных отношений. М., 1961. С. 572-592; История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 787-795; Международная жизнь. 1959. № 2. С. 140-158; № 3. С. 139-158; История Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1960. Т. 1. С. 168-173; Жилин П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1965. С. 25-42; Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 23-25

{117} АВП СССР, ф. Переговоры 1939 г., оп. 38. д. 16, и. 2, л. 93, 113, 124-125.

{118} Международная жизнь. 1959. № 3. С. 148.

{119} Там же.

{120} АВП СССР, ф. Переговоры 1939 г., оп. 38, д. 16, и. 2, л. 99, 100, 108.

{121} Там же, л. 249.

{122} См.: Станевич М. Сентябрьская катастрофа. М., 1953, С. 231.

{123} В то время еще не было генеральских званий и ромб соответствовал званию комбрига.

{124} Как мне тогда сказал Б. М. Шапошников, это перемещение имело целью дать мне возможность приобрести войсковой опыт в условиях, близких к боевым. Однако вскоре (в августе) Борис Михайлович и сам сдал дела К. А. Мерецкову.

{125} ЦГАСА, ф. 4, оп. 18, д. 77, л. 61-62.

{126} Италия и Турция не рассматривались прямыми противниками, поэтому их силы в расчет не включались.

{127} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 220.

{128} См. там же.

{129} В середине августа 1940 г. вместо Б. М. Шапошникова был назначен К. А. Мерецков, а в феврале 1941 г. его сменил Г. К. Жуков.

{130} Филиппи А. Припятская проблема. М., 1959. С. 40-44.

{131} Подсчитано автором на основе далеко не полных сведений, приведенных в книге Б. Мюллера-Гиллебранда "Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг." (М., 1958. С. 15, 56, 150, 152).

{132} Цит. по Вопросы истории. 1969. № 1. С. 127.

{133} Вопросы истории. 1969. № 1. С. 130.

{134} 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967, С. 18.

{135} Для решения вопросов, связанных с обеспечением Красной Армии материальными фондами, С. М. Буденному разрешалось обращаться непосредственно в правительство.

{136} Постановлением Советского правительства от 25 января 1941 г. территория СССР была разделена на зоны ПВО; каждая зона делилась на районы, внутри которых были пункты ПВО.

{137} Этим словом органы ВОСО условно обозначали дивизию.

{138} 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 250.

{139} Несколько позднее (18.6.1941 г.) этот срок по указанию Генштаба был перенесен на 22 июня.

{140} ВНОС - воздушное наблюдение, оповещение, связь.

{141} Командир 2-го кавалерийского корпуса генерал П. А. Белов находился в очередном отпуске.

{142} Дивизией командовал полковник А. С. Захарченко.

{143} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 296.

{144} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 2.

{145} Военно-исторический журнал. 1968. № 7. С. 43.

{146} Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 1981. С. 126.

{147} Люди бессмертного подвига. М., 1975. С. 445-446.

{148} С 12.3 1955 г. начальник Генерального штаба стал первым заместителем Министра обороны.